ВЯЧЕСЛАВ МАНЯГИН
АПОЛОГИЯ ГРОЗНОГО ЦАРЯ
ИОАНН ГРОЗНЫЙ БЕЗ ЛЖИ И МИФОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Он взял Казань и Астрахань, создал современное Государство Российское, а его вычеркнул из проекта памятника «Тысячелетие России» император Александр II. Православный народ вписал его имя в число святых – а православные иерархи называют его маньяком и убийцей. Он за 50 лет своего правления казнил в 8 раз меньше, чем французский король Карл IX убил за одну Варфоломеевскую ночь – а историки объявили его величайшим тираном всех времен и народов. Он за всю свою жизнь ни разу не пропустил церковной службы – а ему приписали убийство митрополита Филиппа и собственного сына. О нем лгали при жизни и после смерти. Но настало время очистить от клеветы память великого русского царя Ивана Грозного.

Он скончался более 400 лет назад, но имя его и поныне вызывает острый интерес. Одни видят в нем кровожадного злодея, другие – великого исторического деятеля, третьи почитают его как святого. Сегодня о нем говорят и с высоких трибун, и на церковных соборах. И это не случайно. Вопрос об исторической роли Грозного царя – это вопрос о власти. Сегодня Россия нуждается в железной руке, способной привести ее к победе сквозь грядущие испытания. В XVI веке московскому государю удалось не только спасти Русь от распада, но и превратить ее в великую империю.

Каким был этот царь? Что значил он для нашей страны и для всего мира? Смогут ли сегодняшние вожди России воспользоваться политическим и духовным наследием Ивана IV? Об этом новая книга писателя и журналиста Вячеслава Манягина.

- Вячеслав Манягин
  - ○
  - ○ Часть I
    - ■ Вопрос о власти
    - ■ Карамзин – фальсификатор истории
    - ■ Не зарастет к царю народная тропа…
    - ■ Мистическая геополитика
  - ○ Часть II
    - ■ Сравнительная историография
    - ■ Боярское царство
    - ■ На распутье
    - ■ Царское учение о самодержавной власти
    - ■ Земские соборы и народная монархия
    - ■ Падение синклита

        - Царь правды
        - Отец лжи
        - Опричный орден
        - «Царство террора»?
        - Поцелуй Иуды
        - Смерть митрополита
        - Новгородский погром
        - Дело печерских старцев
        - А был ли убит мальчик?
        - Иван Грозный и Сулейман Великолепный
        - Посох Грозного царя
        - Гибель династии
    - Часть III
        - Митрополит Ювеналий vs. архиепископ Сергий
        - Народный царь
        - Благословение из склепа
        - В поисках Синей Бороды
        - Вождь Воинствующей церкви
        - Живая икона Христа
        - «Во святых суть»
        - Не судите, да не судимы будете
    - Приложение
        - Цифры и факты
        - Основные события правления государя Иоанна IV Грозного
    - Библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Вячеслав Манягин
Апология Грозного царя. Иоанн Грозный без лжи и мифов

© Манягин В.Г., 2015
© Книжный мир, 2015

Часть I
На баррикадах истории

Вопрос о власти

«Если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?» – сказал поэт. А если в обществе не прекращается спор на грани скандала? Если нет в нем равнодушных, и каждый, узнав о дискуссии, спешит занять свое место по ту или иную сторону баррикад? Не значит ли это, что объект спора зацепил всех за живое?

Именно такова дискуссия о царе Иоанне Грозном. Несмотря на то, что он скончался более четырехсот лет назад, имя его и поныне вызывает острый интерес. О нем спорят политики и богословы, патриоты и космополиты, о нем пишут (причем – все больше и больше) журналисты и писатели, а обыватель с ненасытной алчностью набрасывается на их писания, скупая монографии, очерки и романы о Грозном царе.

С чем же связан такой интерес к нему, чем объясняется его актуальность, его востребованность как политика и национального лидера для одних, и резкое неприятие – для других?

Сегодня Россия находится в условиях, подобных тем, что были при воцарении Иоанна Грозного: значительные территории Русской империи (Малороссия, Белая Русь, Северный Казахстан) отторгнуты от центра; в политике вместо прежних изменников-бояр – пятая колонна; в Церкви рвутся к власти еретики и филокатолики; России угрожают сильные внешние враги. В Прибалтике, подобно Ливонскому ордену, стоят войска НАТО, Украина вновь стала полем боя с Европой, на юге бряцают оружием новые османы – боевики возрождающегося Халифата, на востоке – китайская инвазия и японские претензии вынуждают крепить границу И над всем, как злой демон, витает призрак американского Госдепа с лицом бесноватой Псаки. Вновь, как уже не единожды за прошедшие века, стоит вопрос о самом существовании Русского государства и русского народа.

Удивительно ли, что в этих условиях русский народ все чаще вспоминает двух великих деятелей нашей истории – царя Ивана Васильевича Грозного и генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина.

Один известный архимандрит-историк восклицает в своей статье: «Сегодня личность Ивана Грозного переживает необычайное мифологическое переосмысление»[1]. Ему ли, историку, иноку, знатоку человеческих душ, не ясно, почему русский народ обратился за примером и молитвенной защитой к Грозному царю? Да потому что тот за время своего правления

наработал огромный духовный, политический и военный опыт по преодолению тех угроз, которые ныне опять нависли над Россией.

Вовсе не некое «мифологическое переосмысление» вызвало в народе интерес к личности Грозного, а то, что он сумел с угрозами справиться, и это делает его самого, его мировоззрение и методы востребованными именно в наше время. Вот почему вокруг личности первого Русского царя – помазанника Божьего – идут такие ожесточенные идеологические битвы, смысл которых непонятен стороннему наблюдателю. На самом деле вопрос стоит о том, каким путем пойдет русский народ и Русское государство, и это для нас вопрос жизни и смерти.

Но сохранение целостности Российского государства и национальной идентичности государствообразующего русского народа неотделимо от вопроса о власти, ибо только имея в руках всю полноту власти, можно преодолеть вызовы современности.

Именно потому, что речь идет о власти, царь Иоанн Грозный и подвергается сегодня такой неслыханной обструкции. А тут еще, опасаясь возрождения сильной и православной России, такие американские «друзья» нашего Отечества, как Альберт Гор, советуют нам идти «не путем Александра Невского, а путем Новгорода Великого» – то есть, не путем православной монархии, а путем торгашеской республики.

Собственно, Гора и других наших американских «доброхотов» можно понять. В нынешний ключевой исторический момент решаются судьбы мира, решается, по какому сценарию пойдет развитие человечества. Будет ли в американском Капитолии заседать новый сенат возрожденной языческой Римской империи, а все культурное, политическое и религиозное многообразие мира сменится единым Pax Americana с его бесноватым президентом, вульгарным Голливудом и сальными гамбургерами? Либо же сохранится альтернатива этой вселенской пошлости в лице великой православной России, способной сказать миру спасительное слово истины и любви?

Как и сто лет назад,

> *«Единство, – возвестил оракул наших дней, —*
> *Быть может спаяно железом лишь и кровью…»*
> *Но мы попробуем спаять его любовью, —*
> *А там увидим, что прочней…*[2]

Но, чтобы так было, необходимо прежде всего сохранить единство России, возродить ее как великую православную державу.

Именно этого – создания Великой Русской империи,

преодолевшей все вызовы современного ей мира – смог в свое время добиться Иоанн IV. Государственное здание, построенное им, было так крепко, что устояло в Смуту и выдержало полтора столетия без «капитального ремонта» – до преобразований Петра Великого (считавшего себя последователем Грозного царя) Московского царства в Российскую империю.

Но и созданное Иоанном IV государство уже было империей в полном смысле этого слова. Не удивительно, что императором всех православных почитали царя томящиеся под османским игом народы: сербы, греки, болгары. И западные европейцы воспринимали Московское государство XVI века как империю. Француз Ж. Маржерет назвал свои мемуары о России конца XVI – начала XVII веков «Состояние Российской империи и Великого княжества Московского» с полным пониманием того, что в результате правления Иоанна Грозного Московское государство стало хотя и главной, но все же частью огромной империи, объединившей многие народы и царства.

Аналоги Московской империи надо искать не в Европе с ее абсолютной (а затем «просвещенной») монархией и «общественным договором» власти с народом, а в азиатской древности библейских времен. Основополагающие принципы Московского государства XVI–XVII вв. (облагороженные светом Христовой веры) были те же, что в архаических государствах Междуречья, Египта, доколумбовой Америки. Но лучше всего суть Московского государства можно понять по аналогии с Ветхозаветным Израилем, той частью его истории, которая протекала до Вавилонского пленения. В Византийской империи эти государственные принципы пережили крушение античного мира и вместе с православным учением о священстве и царстве попали на Русь. (Не случайно на пропаганду преемственности Московского царства, с одной стороны, от Рима – как первого центра христианства, а с другой, от Вавилона – как первого на земле царства, была направлена значительная часть русской литературы XVI века от «Степенной книги» до «Повести о Борме Ярыжке»).

Для всех государств подобного, архаического, типа были характерны:

1) Сакральность и самодержавность верховной власти.

Власть правителя была освящена высшими силами, а он сам либо приравнивался к божеству, либо был его «потомком»; он владел властью безраздельно, т. е. самодержавно (фараон, верховный инка, вавилонский царь, древние израильские цари).

В Московском царстве государь – помазанник Божий (помазанник по-гречески – Христос, по-еврейски – Мессия), он

правит самодержавно и не зависит ни от каких социальных групп или партий, но действует в соответствии с законом Божиим во благо всех своих подданных, отвечая только перед Богом.

2) **Государственная** (общенародная – выражаясь современным языком) **собственность на землю.** Земля – Божия, она не продается, а дается всем людям в пользование от имени государства и олицетворяющего это государство самодержца. Как замечательно доказал И. Шафаревич[3], государства Междуречья, Египет, империя инков практиковали государственное землевладение. То же явление мы наблюдаем и в древнем Хеттском государстве[4]. Земля отдавалась в пользование тем, кто служил государству (причем это были как мелкие служилые люди, так и высокопоставленные государственные сановники) и земледельцам.

В Московской Руси государственное землевладение пришлось создавать в ожесточенной борьбе с крупными землевладельцами – боярами и удельными князьями. На протяжении двух веков шло неуклонное сокращение частного землевладения и развитие поместной системы. Боярские и княжеские владения приравнивались к помещичьим наделам, которые давались только на время несения государственной службы, а с ее прекращением отнимались и возвращались в фонд государственных земель.

3) **Сословная система организации общества.** Сословия – социальные группы, различающиеся по своим обязанностям перед обществом и государством, несущие каждая свое особое послушание. Земледелец кормит воина и чиновника, воин защищает чиновника и земледельца, чиновник «наблюдает землю» и помогает государю управлять. Особенно важна в такой системе справедливость распределения обязанностей, так как от нее зависит восприятие различными сословиями возложенных на них тягот – как сизифова труда или как сотрудничества во имя общей цели.

Сам термин «сословие» (слово-язык-народ) обозначает нечто объединяющее нацию, с ярко выраженным положительным смыслом. Сословность – это государственное тело, живой государственный организм. Сословия трудятся совместно во имя сверхцели, сверхидеи, одинаково важной для всего народа. Например, совсем недавно признавалось аксиомой, что пирамиды в Египте возводились рабами. Но оказалось, что пирамиды строило все население Египта, разбитое на трудовые отряды, причем это строительство было сакральным действием, участвовать в котором считалось почетным.

В православном государстве сотрудничество поднимается на

более высокую ступень. Здесь сословия трудятся во имя такого государства, которое является внешней стеной Церкви, способствуя ее трудам по спасению народа Божиего и, таким образом, работают не просто для какого-либо земного учреждения, а Бога ради.

В отличие от сословий, для которых вопрос собственности есть вопрос второстепенный, имеющий узкое значение «хлеба насущного», необходимого для сохранения жизнедеятельности, классы различаются по своему отношению к собственности и разделяют общество на группы, каждая из которых преследует свои частные меркантильные интересы, стремится захватить для себя в обществе определенные преимущества, а потому вступает в конфликт с другими классами. Такое противостояние разрушает общество изнутри, ибо, как известно, «царство, разделившееся в себе, не устоит»[5]. Образно говоря, классы – это сословия, потерявшие веру в Бога, в жизнь вечную (однова живем, а умрем – закопают и лопух вырастет), потерявшие объединяющую сверхидею.

Нет сомнения, что московские государи, приступая к строительству своего государства, знали данные «архаичные» принципы и уже имели определенный план, который неуклонно выполняли, передавая знания от отца к сыну на протяжении столетий. Его важной составной частью было построение справедливого сословного общества, просвещенного христианским учением.

К концу XV века соединение таких принципов с Православной верой позволило создать государство, которое наши предки называли Святой Русью. Для них проявлением и подтверждением этого стало чудесное – бескровное – падение татарского ига в 1480 г. Но полного развития Святая Русь достигла при Иоанне IV, со времени царствования которого и начался бурный рост Московской империи.

Больше всего нынешние враги России и Православия боятся, что мы сможем повторить то «русское чудо» четырехвековой давности, поражавшее европейцев и много лет спустя (помните слова Карла Маркса о том, как «была ошеломлена» «изумленная Европа…» «внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи»[6]). Ведь Россия имеет удивительную способность восставать из пепла как птица Феникс.

Карамзин – фальсификатор истории

Самый верный способ не допустить Русского Воскресения – опорочить те идеи, которые двигали русским народом в период создания имперского государства, опорочить результаты тех титанических трудов, которые принесли славу и могущество России, опорочить того национального вождя, который возглавил движение русского народа к победе над его внешними и внутренними врагами – царя Иоанна Грозного.

Именно на это направлены уже более двухсот лет усилия историков, публицистов и журналистов либерального (в самом широком смысле данного слова) лагеря. Правда, до начала XIX века только отъявленные ренегаты, в основном из числа эмигрантов (вроде князя Курбского да Григория Котошихина), осмеливались порочить Грозного царя.

Однако все изменилось с появлением творений Карамзина. Митрополит Иоанн (Снычев) писал о них так: «Начиная с Карамзина, русские историки воспроизводили в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми обливали Россию заграничные гости, не делая ни малейших попыток объективно и непредвзято разобраться в том, где добросовестные свидетельства очевидцев превращаются в целенаправленную и сознательную ложь по религиозным, политическим или личным мотивам. В наше сознание внедрен образ кровожадного и безнравственного тирана, убивающего своего сына».

Действительно, усилиями Карамзина в обществе восторжествовал взгляд на Иоанна IV как на некое кровожадное обезумевшее чудовище. Сам историограф Государства Российского сделал для того все возможное. «Без главы о Иване Грозном, – писал Карамзин в одном из своих писем, – моя история будет как павлин без хвоста». И потому раскрашивал этот «хвост» самыми мрачными красками. «Волосы вставали у меня дыбом», – вспоминал граф А.К. Толстой о своем знакомстве с посвященным царю Иоанну томом из «Истории» Карамзина. И вскоре, под впечатлением от прочитанного, он написал по его мотивам своего «Князя Серебряного». А уже в конце XX века по этой повести сняли художественный фильм, который понес в широкие массы лживую легенду о кровавом Грозном царе. Одно сочинительство вызвало к жизни другое. Так творятся мифы.

Знаменитый церковный историк Н.Д. Тальберг говорил, что Карамзин буквально ненавидел Грозного царя. Литературовед И.И. Векслер отметил, что «История» Карамзина более тяготеет к художественной интерпретации, чем к точному и

беспристрастному историческому анализу. Известный критик-демократ В. Белинский писал, что «главная заслуга Карамзина, как историка России, состоит не в том, что он написал истинную историю России, а в том, что он создал возможность в будущем истинной истории России».

Верно подмечено, что сочинение Карамзина более художественное произведение в стиле сентиментализма, нежели исторический труд. Однако это еще полбеды. Беда в том, что человек, получивший звание официального историографа Государства Российского, был болен тяжелой формой русофобии.

Посчитав, что уже отдал долг Родине, Карамзин в 18 лет (!) вышел в отставку с государственной службы и сошелся с масонами. С того времени Карамзин – член масонской «Ложи Златого Венца», человек, весьма близкий к известным деятелям русского масонства. По словам доктора исторических наук Ю.М. Лотмана, «на воззрения Карамзина глубокий отпечаток наложили четыре года, проведенные им в кружке Н.И. Новикова.

Отсюда молодой Карамзин вынес утопические чаянья, веру в прогресс и мечты о грядущем человеческом братстве под руководством мудрых наставников».

Добавим к этому – и презрение ко всему русскому: «…Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! – пишет Карамзин. – Грубость, народная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное быть людьми, а не славянами»[7]. Ничто родное не трогает душу столь сентиментального в иных случаях «русского Тацита». Прогуливаясь вдоль кремлевской стены, он мечтает о том, как хорошо было бы ее снести, дабы она не портила панораму…

В то же время Карамзин преклоняется перед иностранными тиранами, с многими из которых он познакомился лично во время путешествия по Европе. В издаваемом Карамзиным журнале «Вестник Европы» можно прочесть: «Бонапарте столь любим и столь нужен для счастия Франции, что один безумец может восстать против его благодетельной власти». Декабрист Николай Тургенев вспоминал о Карамзине: «Робеспьер внушал ему благоговение…».

И это о людях, утопивших Европу в крови! Вот описание революционного Парижа сентября 1792 г. французским историком Тэном: «Неизвестно в точности, кто отдал приказ или внушил идею опустошить тюрьмы посредством избиения заключенных. Был ли то Дантон или кто другой – все равно… Во

время самого совершения убийств не прекращалось веселье; танцевали вокруг трупов, устанавливали скамьи для «дам», желавших видеть, как убивают аристократов. При этом убийцы не переставали выказывать совершенно специфическое чувство справедливости. Один из убийц заявил трибуналу, что дамы, сидящие далеко, плохо видят, и что лишь некоторым из присутствующих выпадает на долю удовольствие бить аристократов. Трибунал признал справедливость этого замечания и решено было осужденных медленно проводить между шпалерами убийц, которые будут бить их тупым концом сабли, чтобы продлить мучения. Они кромсали совершенно обнаженные жертвы в течение получаса и затем, когда все уже вдоволь насмотрелись, несчастных приканчивали, вскрывая им животы…

Так, перерезав от 12000 до 15000 врагов нации, толпа немедленно подчинялась новому внушению. Кто-то высказал замечание, что и в других тюрьмах, там, где сидят старые нищие, бродяги и молодые арестанты, много находится лишних ртов, от которых недурно было бы избавиться; притом ведь между ними, несомненно, должны существовать и враги народа… Такие доводы показались настолько убедительными толпе, что все заключенные были перебиты гуртом, и в том числе около пятидесяти детей в возрасте от 12 до 17 лет, «которые ведь также могли со временем превратиться во врагов нации, поэтому лучше было отделаться от них теперь же»«.

Благоговея перед вдохновителями этого революционного террора, Карамзин между тем, обличает «террор» самодержавный. Как видно, двойные стандарты возникли не сегодня. Но фальшь карамзинских сочинений уже тогда вызвала отвращение у многих.

Сразу же по выходе карамзинская «История» подверглась критике со стороны всех православных и патриотически мыслящих людей того времени. Резко высказались о ней святитель Филарет (Дроздов) и адмирал Шишков. По словам кандидата исторических наук В.П. Козлова[8]:

«…Весьма показательны для творческой лаборатории Карамзина серьезные «текстологические лукавства», подмеченные еще Н.И. Тургеневым, Н.С. Арцыбашевым, Ф.В. Булгариным. Их можно разделить на два типа. Для первого характерно исключение в «Примечаниях» тех мест источников, от которых Карамзин отступал в повествовании. В этих случаях историограф в «Примечаниях» предпочитал ограничиться общей ссылкой на источник…

…Другой тип «текстологических лукавств» историографа – публикация в «Примечаниях» только тех частей текстов

источников, которые соответствовали его повествованию, и исключение мест, противоречивших этому.

…Потребительское использование Карамзиным источников вызвало немало критических замечаний у современников. Будущий поклонник историографа М.П. Погодин после первых чтений «Истории» назвал это «непростительным». То же самое отмечал Ф.В. Булгарин в разборе 9-го тома. «Вообще, – писал он, – кажется странным, что Маржерет, Петрей, Бер, Паерле, многие польские писатели и подлинные акты приводятся по произволу, в подкрепление мнений почтенного историографа, без всякого доказательства, почему в одном случае им должно верить, а в другом – не верить».

Николай Сергеевич Арцыбашев (1773–1841) написал ряд критических работ, объединенных под общим названием «Замечания на «Историю» Н.М. Карамзина». В частности, он доказал крайнюю недостоверность одного из основных источников которыми пользовался Карамзин для составления IX тома своей «Истории» – сочинения князя Курбского «История о Великом князе Московском».

Другим защитником Грозного царя стал Иван Егорович Забелин (1820–1908) основатель Российского исторического музея, автор исследований о быте русских государей. Вот что он пишет: «…Каждый разумный историк встанет на сторону Грозного, ибо… он содержал в себе идею, великую идею государства…». В тетради «Заметки» за 1893–1894 годы Забелин, оппонируя Карамзину, восклицает от имени царя: «Чего ужасаетесь? Вспомните, историки-подзуды, каков был Новгород Великий, какую кровь он проливал от начала до конца своей жизни, погублял свою братию неистово, внезапно. Сколько побитых? Они все здесь. Переспросите их. Каково было их житие? Кто управлял событиями в татарское время и заводил кровь между князьями? Все это мне пришло в голову в 1570 г., и я наказал город по-новгородски же, как новгородцы наказывали друг друга… в давние лета. Ничего нового я не сочинял. Все было по-старому. Только в одно время, в шесть недель повторено то, что происходило в шесть веков. А казнил за измену, за то, что хотели уйти из единства в рознь. Я ковал единение, чтобы все были как один человек».

Кстати, императрица Екатерина 11, полемизируя с Радищевым (который в «Путешествии из Петербурга в Москву» также обличал «жестокость» Иоанна IV), возражает дворянскому вольнодумцу: «Говоря о Новгороде, о вольном ево правлении и о суровости царя Иоанна Васильевича, не говорит о причине сей казни, а причина была, что Новгород, приняв Унию, предался

Польской Республике, следовательно, царь казнил отступников и изменников, в чем, по истине сказать, меру не нашел. Сочинитель вопрошает: «Но какое он имел право свирепствовать против них, какое он имел право присвоять Новгород?» Ответ: древность владения и закон Новгородский и всея России и всего света, который наказывал бунтовщиков и от церквы отступников».

Вот причина суровости царя Иоанна к новгородцам: бунт и стремление отделиться от Москвы (сепаратизм, говоря современным языком) и отступление от православия в ересь жидовствующих. Уже упоминавшийся выше Забелин говорит о том же: «Он выводил измену кровавыми делами. Да как же иначе было делать это дело? Надо было задушить Лютого Змия – нашу славянскую рознь, надо было истребить ее без всякой пощады… Понятно, почему так рассвирепел Иван Грозный, услыхав об измене Пимена, что хотел отдаться Литве».

Крупный литературный критик, социолог, публицист (и демократ!) второй половины XIX века Николай Константинович Михайловский (1842–1904), комментируя сочинения Карамзина и его последователей, замечает: «Наша литература об Иване Грозном представляет иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайной осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а… даже прямо вопреки им: умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самыми элементарными показаниями здравого смысла; люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в памятниках то, чего там днем с огнем найти нельзя, и отрицают то, что явственно прописано черными буквами по белому полю».

И среди советских ученых были исследователи, которые подходили к рассмотрению фактической стороны данного вопроса объективно. Один из них, академик Степан Борисович Веселовский (1876–1952), так охарактеризовал итоги изучения эпохи Грозного: «В послекарамзинской историографии начался разброд, претенциозная погоня за эффектными широкими обобщениями, недооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий… Эти прихотливые узоры «нетовыми цветами по пустому полю» исторических фантазий дискредитируют историю как науку и низводят ее на степень безответственных беллетристических упражнений. В итоге историкам предстоит, прежде чем идти дальше, употребить много времени и сил только на то, чтобы **убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок, и затем уже приняться за постройку нового здания**».

Советский историк Даниил Натанович Альшиц, стоявший на марксистских позициях, жестко критиковал источниковедческую базу карамзинской «Истории»: «Число источников объективных – актового и другого документального материала – долгое время было крайне скудным. В результате источники тенденциозные, порожденные ожесточенной политической борьбой второй половины XVI века, записки иностранцев – авторов политических памфлетов, изображавших Московское государство в самых мрачных красках, порой явно клеветнически, оказывали на историографию этой эпохи большое влияние… Историкам прошлых поколений приходилось довольствоваться весьма путаными и скудными сведениями. Это в значительной мере определяло возможность, а порой и создавало необходимость соединять разрозненные факты, сообщаемые источниками, в основном умозрительными связями, выстраивать отдельные факты в причинно-следственные ряды целиком гипотетического характера. В этих условиях и возникал подход к изучаемым проблемам, который можно кратко охарактеризовать как примат концепции над фактом».

Не зарастет к царю народная тропа…

На протяжении двух столетий не затихает полемика с последователями Карамзина, которых, к сожалению, достаточно и среди церковных, и среди светских историков: митрополит Макарий (Булгаков), А.П. Доброклонский, А.В. Карташев, М.М. Щербатов, М.П. Погодин, Н.Г. Устрялов, Н.И. Костомаров, Д.И. Иловайский, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, С.Б. Веселовский. Из советских историков – противников царя Иоанна можно назвать известного (и весьма компетентного) ученого Р.Г. Скрынникова, Зимина и Хорошкевич, Кобрина, С.О. Шмидта. По форме объективную, но, по сути, антицарскую позицию занимает в своих книгах Б.Н. Флоря. Все они, так или иначе, склоняются к негативной оценке личности царя Иоанна Грозного.

С другой стороны, и тех ученых, которые противостояли огульному очернительству державной политики Иоанна Грозного, было немало. В той или иной мере к таковым можно отнести Н.С. Арцыбашева, И.Е. Забелина, Е.Е. Голубинского, К.Д. Кавелина, К.Н. Бестужева-Рюмина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.А. Мей, А.И. Сумбатова, РЮ. Виппера. В сталинский период, благодаря личным симпатиям Иосифа Виссарионовича к царю Иоанну, появилась возможность публиковать объективные исторические работы о Грозном. В частности, можно отметить труды историков С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова.

Однако после начала хрущевской «оттепели» правда о царе Иоанне вновь оказалась под запретом. Автору известны случаи целенаправленного воспрепятствования работе тех исследователей, которые положительно оценивали историческую роль Ивана Грозного. И только после 1991 г. стало возможным открыто заявлять по спорному вопросу точку зрения, отличную от официозной. Сегодня, как уже говорилось, вокруг наследия царя Иоанна IV идет ожесточенная борьба.

Показательным примером ее можно назвать попытку (2005 г.) установить памятник царю Иоанну в г. Любим Ярославской области. Местная администрация согласилась оплатить расходы по проектированию и установке монумента, а за его создание взялся скульптор Зураб Церетели. Идею установки памятника поддержали и жители города.

Однако решительный протест по этому поводу высказала Ярославская епархия РПЦ МП и лично архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл, который в своем послании губернатору, областному прокурору и главному федеральному инспектору потребовал не устанавливать памятник царю Иоанну IV. В

обоснование такого требования был приведен абсолютно абсурдный предлог, будто установка памятника Иоанну Грозному приведет «к самым непредсказуемым последствиям, ухудшит криминогенную ситуацию в районе» и может стать «дестабилизирующим фактором».

Такая позиция высокопоставленного церковного иерарха удивительна только для тех, кто «не в теме» и плохо представляет себе отношения государства и церкви. Среди многих архиереев РПЦ царят антимонархические настроения, популярные еще со времен февральской (1917 г.) революции, когда почти все представители православного священноначалия приветствовали «новую жизнь» без царя, ожидая некой свободы. Урок послереволюционных гонений явно не пошел им впрок, и они по-прежнему видят главную для себя опасность не в гонениях от безбожной власти, а в по-отечески строгой руке помазанника Божия. Можно назвать, например, митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации, который выступил на Архиерейском Соборе РПЦ МП (октябрь 2004 г.) с развернутой, но беспомощной критикой сторонников державной политики Иоанна Грозного.

Позицию цареборцев в Русской Православной Церкви поддерживают Александр Дворкин, Владислав Петрушко, прот В. Цыпин, диакон Андрей Кураев, архимандрит Макарий (Веретенников) и многие другие, «имя им легион».

Неспособные к честной дискуссии, ограниченной рамками фактов, они распространяют свое неприятие самодержца на всех тех, кто сегодня не спешит покорно послушествовать их клевете, а стремится иметь свой, православный, патриотический, русский взгляд на историю Великой России и на роль в ней первого русского царя – помазанника Божьего Иоанна Васильевича Грозного.

Присвоив себе право говорить от имени «полноты» Православной Церкви, эти господа вместо спокойного и научного исследования начинают поиск «раскольников» и «сектантов», пытаясь натравить на всех им неугодных не только церковные, но и светские власти, для чего развешиваются ярлыки типа «ереси царебожничества», измышляются несуществующие «требования канонизации» царя Иоанна. В ход идут клички вроде «религиозных экстремистов» и даже «православных ваххабитов».

«Идея такой канонизации – провокационная», – вновь и вновь как заклинание, повторяют современные цареборцы. Конечно, это провокационная идея! Ими самими выдуманная, ими раздуваемая, ими насаждаемая в умах доверчивых людей. Никто из выступивших в печати исследователей – сторонников царя

Иоанна Грозного и не думал ни «требовать», ни просить о его канонизации. Да и зачем? Из церковных документов известно, что царь еще три столетия назад прославлен как местночтимый святой.

В фарватере вышеназванных церковных и светских исследователей идет множество других, весьма активно подвизающихся на ниве цареборчества авторов, в том числе журналистов и публицистов, таких, как Э. Радзинский, Б. Кнорре, С. Бычков (не путать с Русланом Бычковым), А. Крылежев, С. Чапнин и пр.

Лучше всего отношение «научного мира» к Иоанну Грозному иллюстрирует следующий пример.

В Александровой слободе (музее, значительная часть экспозиции которого посвящена царю Иоанну Грозному) в одной из палат на стене находится описание обряда венчания Царя со своей N-ной «женой». В начале 2000-х гг. на просьбу автора сделать копию данного «документа», заведующая музеем дала совершено сногсшибательный ответ: «Понимаете, от XVI века сохранилось очень мало письменных источников. Поэтому мы взяли описание брачного обряда XVII века и использовали его. Ведь обряд за сто лет не изменился…».

Но в табличке на стене ясно говорилось о том, что это описание свадьбы Ивана Грозного, и даже указывалось с кем… И никого не волнует, что для любого экскурсанта такая филькина грамота послужит «научным доказательством» и царского «многоженства», и «некомпетентности» тех, кто пытается очистить образ царя от потоков нечистот, которые лили и льют на него «компетентные» историки. Иначе говоря, для самих научных сотрудников, в случае, когда речь заходит о царе Иоанне Грозном, подобное пренебрежение историческими фактами и введение в заблуждение «простого» посетителя музея (либо читателя книги) является нормой.

Первым из наших современников, кто попытался разорвать паутину лжи, сплетенную вокруг личности и дел Грозного царя, был приснопамятный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев, 11995), один из самых почитаемых за свое благочестие и любовь к России иерархов Русской Православной Церкви, доктор исторических наук, автор нескольких книг по церковной и светской истории.

Его известный труд «Самодержавие Духа» (1993 г.) – книга, посвященная истории русской государственности в свете учения о симфонии светских и духовных властей. В ней митрополит Иоанн бескомпромиссно встал на защиту царя Иоанна Васильевича, посвятив ему две главы и написав, в частности о царе следующие

слова: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Это евангельское изречение, пожалуй, точнее всего передает суть многовекового спора, который ведется вокруг событий царствования Иоанна Грозного… Не было никакого «тирана на троне». Был первый русский царь – строивший, как и его многочисленные предки, Русь – Дом Пресвятой Богородицы и считавший себя в этом доме не хозяином, а первым слугой».

Владыка Иоанн собрал тогда под свое крыло многих из тех, кто в конце 90-х годов прошлого века и в начале нашего продолжил его труды по очистке русской истории от либеральных и западнических наслоений. Среди них можно указать таких известных ныне в православно-патриотической среде историков и публицистов, как К. Душенов, С. Фомин, А. Хвалин, Л. Болотин.

В октябре 2002 года в Москве прошла конференция «Исторические мифы и реальность», посвященная, в том числе, и различным аспектам истории царствования Иоанна Васильевича Грозного. Конференция была организована по благословению весьма почитаемого в Православной церкви старца Николая (Гурьянова). Известно, что он не только положительно отзывался о царе Иоанне IV, но и имел в своей келье его икону.

Конференция стала смотром патриотических сил России, в ней приняли участие известные православные историки, публицисты, писатели и общественные деятели: диакон Евгений (Семенов), Т. Миронова, С. Фомин, Л. Болотин, А. Хвалин, И. Евсин, В. Саулкин, Ю. Самусенко, А. Сенин, В. Осипов (не путать с профессором А. Осиповым!) и многие другие. Среди тех, кто продолжает труды свт. Иоанна (Снычева), можно назвать таких разных людей, как политолог С. Шатохин, глава православных хоругвеносцев Л. Симонович-Никшич, игумен Алексий (Просвирин), юрист В. Ерчак (Белоруссия), канд. ист. наук Н.Н. Скуратов, историк и канд. филос. наук Н.И. Виноградов.

Поэтому попытка механически соединить в некое единое маргинальное движение и загнать в социальную резервацию столь широко представленные, но весьма различные слои патриотической общественности была заранее обречена на провал.

Как замечает один из «наблюдателей» со стороны антицарского лагеря Б. Кнорре, «…жизнь показывает, что почтение к фигуре Ивана Грозного растет в обществе не только на периферии российской политики… Фигура Грозного становится все более заметной в общественно-политическом пространстве, причем с явной положительной переоценкой, в особенности, когда нужно подчеркнуть имперскую сущность России и указать на пагубность для России «ненавистного сепаратизма»«.

Действительно, с начала 2000-х годов различные общественные и политические движения все чаще говорят о необходимости пересмотра в сторону положительной оценки идейного и политического наследия Иоанна Грозного.

Так, одной из партий, которые декларируют обращение к опыту Грозного царя для возрождения современной России, является «Международное евразийское движение» Александра Дугина, указывающего на необходимость создания параллельной иерархии и элиты в виду загнивания ныне существующей. По его мнению, эта иерархия должна представлять собой «Русский Орден» новых опричников.

Появляются и статьи светских авторов, которые (без обращения к религиозным аспектам) дают высокую оценку правлению царя Иоанна Васильевича. Такова, например, статья политолога М. Брусиловского «Грознодицея» в которой он крайне положительно оценивает правление Иоанна Грозного как победителя сепаратизма, основателя империи, которая смогла устоять в период Смуты.

В октябре 2013 г. газета «Московские ведомости» провела круглый стол по теме «Защита русских национальных святынь», в рамках которого обсуждался вопрос об установке памятника Ивану Грозному в центре Москвы.

Передачи, ставящие вопрос о положительной переоценке роли Грозного царя, неоднократно транслировались на радио (несколько прямых эфиров на «Радио FM» с участием В. Мединского, радио «Комсомольская правда») и на телевидении: трехсерийный документальный фильм «Иван Грозный. Портрет без ретуши» (телеканал «Звезда»), «Черные мифы о Руси. От Ивана Грозного до наших дней» (РТР) и многие другие.

Как показывает история с установкой памятника царю в Ярославской области, отношение к Иоанну Грозному меняется и в органах государственной власти. Вряд ли подобное происходит случайно, скорее, является осознанием как гражданским обществом, так и представителями власти необходимости противостоять разрушительным, антигосударственным и антинациональным тенденциям и использовать для этого имеющийся положительный опыт прежних веков.

«Выходит, – печально отмечает в своей статье Б. Кнорре, – что помимо «церковного формата» складывающегося культа Грозного, опричные симпатии отвоевывают себе все больше пространства и в светском российском обществе. Глорификация Ивана IV бытует не только в среде националистических маргинальных групп, но проявляет себя уже и на вполне официальном уровне, в среде политической элиты, как показывает ситуация с памятником. В

общем «тропа» к Ивану Грозному в России «не зарастет», а скорее, будет в ближайшее время еще больше «расчищена»…»

Что тут скажешь? Аминь!

Мистическая геополитика

Однако зададимся вопросом: почему же такую неприкрытую ненависть сначала в Европе, а потом и среди доморощенных либералов, вызывает вот уже в течение четырехсот лет именно царь Иоанн Грозный?

Для ответа на этот вопрос придется вернуться на пять столетий назад, в эпоху так называемых «географических открытий». Когда в конце XV – начале XVI века начался процесс «освоения» европейцами других материков, между Испанией и Португалией возник территориальный спор: они никак не могли поделить между собой – ни много ни мало – весь остальной мир. Тогда они попросили рассудить их папу Римского. Тот решил просто: провел по карте линию, и все, что оказалось с одной стороны – отошло к Испании, а с другой – к Португалии.

Но вскоре в гонку за раздел мира вступили и другие европейские страны: католическая Франция и протестантские Англия и Нидерланды. При всех нюансах, политику колониальных стран по отношению к захваченным территориям роднили две основных тенденции: стремление освоить материальные ресурсы своих колоний и жестокое, вплоть до геноцида, отношение к аборигенам.

Хуже всего обстояли дела на территориях, захваченных протестантами, прежде всего, на территории будущих Соединенных Штатов. Протестанты просто уничтожали аборигенов, не признавая их за творение Божие. При этом использовались самые подлые методы. Например, индейцам в обмен на шкуры давали зараженную оспой одежду и одеяла, отравленную пищу и т. п. Вымирали целые племена. Всему миру известна американская поговорка: «Хороший индеец – мертвый индеец». За скальп мертвого индейца (не только мужчины, но и женщины, и ребенка) выдавалось денежное вознаграждение. За два столетия на североамериканском континенте было уничтожено свыше 90 % обитавших там коренных народов.

Также бесчеловечно действовали англосаксы и в других частях света. Подавляя восстание сипаев в Индии, англичане привязывали пленных к отверстиям пушечных стволов и разрывали их в клочья орудийными выстрелами. В Австралии «цивилизованные британцы» полностью уничтожили аборигенов острова Тасмания. Подобные примеры можно множить до бесконечности.

Если присмотреться, то станет ясно, что особенности европейской экспансии «нового времени» в Азии, Америке и

Африке полностью совпадают с основными чертами современного глобализационного процесса: локальные войны с применением современных, недоступных противнику, видов вооружений; разрушение государственных и социальных структур на захваченных территориях; овладение природными и трудовыми ресурсами; уничтожение «излишков» (не задействованных в необходимом захватчикам производстве) населения; рабство и резервации для оставленных в живых; использование местной элиты для достижения своих планов. Производство наркотиков (Афганистан), черный рынок внутренних органов (Косово), деградация и война всех против всех (Ливия, Ирак, Сирия) – вот неполный перечень современных «даров» глобализации, которые Запад несет на завоеванные территории.

Не покривив против исторической истины, можно назвать «эпоху географических открытий» (а, по сути, начало эпохи колониализма) стартом процесса глобализации. Примерно в то же время (XIV-XV вв.) происходят принципиальные изменения в религиозной, социальной и культурной жизни Европы, которые обусловили перерождение христианской европейской цивилизации в так называемую иудео-христианскую, ставшую питательной почвой для современного мондиализма (религиозной составляющей глобализации).

Таким образом, в XV–XVI вв., когда в Европе победило «новое» мышление, закончился период господства христианства, «средние века» (средние – между языческой античностью и «возрождением» язычества), а сама Европа стала мировым гегемоном, сложились как идеологические, так и геополитические предпосылки завершающегося ныне процесса глобализации. Нетрудно заметить, что сам процесс растянулся на пять столетий. Является ли такой долгий инкубационный период естественным, или он есть следствие каких-либо препятствий на пути «европейского прогресса»?

Тут надо вспомнить, что большинство православных народов ожидали кончину мира и Второе пришествие Христово также на переломе XV и XVI веков – в 1492 году, когда исполнялась седьмая тысяча лет от сотворения мира. Но кончина мира не состоялась, она была отодвинута волей Всевышнего.

И не последней причиной тому явилось возникновение Третьего Рима – Православной удерживающей империи. Это была Русь, которая в 1480 году стала единственным в мире независимым православным государством. С того момента и начался бурный духовный и физический рост Московской Руси, охватившей через пару столетий 1/6 часть суши.

Переломным моментом в истории Русского государства стало

время правления царя Иоанна Грозного. Если его отец и дед завершили объединение всех свободных русских княжеств в единое государство, то перед ним стояла более грандиозная внешнеполитическая задача. С одной стороны, царь Иоанн IV должен был вернуть отторгнутые у России во время татаро-монгольского ига юго-западные территории, а с другой – нейтрализовать угрозы, исходящие от осколков Золотой орды (Казани, Астрахани и Крыма) и от западных стран – Швеции, Ливонии, Литвы и Польши. Это означало войну на выживание, избежать которой не было никакой возможности. Русь должна была или победить, или погибнуть в той борьбе.

Как отмечает доктор исторических наук Н. Скуратов, «главная угроза заключалась в том, что в это время возникли благоприятные условия для объединения под главенством Турции татарских ханств и многочисленных кочевых орд Причерноморья и Северного Кавказа. Такое объединение было чревато утратой нашей независимости и новым, еще более жестоким игом». И названная угроза – не преувеличение, достаточно вспомнить пятивековое османское иго над славянскими народами Балканского полуострова, продлившееся до конца XIX века.

Задача осложнялась еще и тем, что Московская Русь впервые за триста лет выступала на международную арену как суверенное государство. До того времени она находилась под протекторатом Золотой орды и действовала как один из ее субъектов, причем большую часть политического и военного потенциала Москвы поглощала борьба за единство Руси.

Еще большие трудности создавала необходимость одновременно с военным противостоянием внешнему противнику вести борьбу с противником внутренним (ересью жидовствующих в Церкви и сепаратизмом князей) за укрепление самодержавной власти в стране. Это требовало социальных и экономических преобразований, наведения порядка в Церкви и реформы правительственного аппарата.

С большинством из поставленных задач, как внешних, так и внутренних, царь Иоанн Грозный блестяще справился. В результате его правления Россия увеличила свою территорию вдвое – с 2,8 до 5,4 млн. кв. км; прирост населения составил от 30 до 50 %; было основано 155 новых городов и крепостей. Были присоединены царства Казанское, Астраханское, Сибирское, Ногайская орда, часть территории Северного Кавказа (Пятигорье).

Вопреки наветам, Грозный царь оставил после себя мощное государство и армию, позволившие его наследникам одержать победу в войне над Швецией и выставлять в поле полумиллионное войско (в 1598 г.). В разоренном государстве

такое невозможно. Все словно забывают, что между правлением Бориса Годунова (1598–1605 гг.), приведшего страну к разорению и Смуте и смертью Царя Иоанна IV (1584 г.) лежит 14-летнее царствование ев. царя Феодора Иоанновича[9] (1584–1598 гг.). Все эти годы Россия была мощным, стабильно развивающимся государством, одержавшим победу в войне со Швецией.

В результате правления Иоанна Грозного Россия переросла масштабы царства и превратилась в мировую сверхдержаву, Православную империю. Сдерживаемый прежде в узких географических границах русский народ после побед над Казанью вырвался как бурный поток на пространство Азии и в XVII веке вышел к берегам Тихого океана, а затем перешагнул Берингов пролив и ступил на землю Северной Америки.

Так возникла русская альтернатива западной глобализации – великая православная страна, которая стала отдельным самодостаточным миром.

По историческим меркам рост русского государства был сродни взрыву – так быстро и бурно увеличивались его территория, народонаселение и государственная мощь. Впрочем, справедливости ради, надо сказать, что столь же быстро росли и западные мировые империи – Испанская, Португальская и Британская.

Однако внешнее сходство роста Российской империи и западных колониальных гигантов скрывало под собой принципиальные различия. И, прежде всего, это были различия духовного плана.

Если западные страны ставили перед собой задачи захвата территорий, достижения геополитического превосходства, извлечения материальной выгоды, то Русь как Православная империя – хранительница истины, удерживающая мировое равновесие, – имела совсем иные приоритеты.

Они проистекали из функций православного государства, являющегося внешней оградой для Церкви Христовой, способствующего ей в спасении душ человеческих через приведение их ко Христу Отсюда и традиционно бережное отношение России к народам, входившим в ее состав: разработка для них письменности, миссионерская деятельность Православной церкви, запрет межплеменных войн. История мордвы, удмуртов, татар, якутов прямо противоположна истории ирокезов, майя, инков, палава[10] и сотен других племен и народов, исчезнувших под железной пятой западных «цивилизаторов». Западные государства, лишившись истинной веры Христовой после отпадения римо-католиков в ересь (XI в.), стали внешней оболочкой над гибельной пустотой, действовали

во имя свое, а не во имя Божие, превратились в инструмент насилия господствующих классов – и только.

Две растущие силы – Запад и Россия – стали антагонистами, исходя из своей глубинной сути. Христос и Россия с одной стороны, антихрист и Запад – с другой. Такова дилемма человечества в последние пять веков его существования, достигшая максимального напряжения в наше время.

Веками Россия была тем бревном на дороге глобализации, о которое споткнулись все ее вожди – от римских пап и их псов-рыцарей до Наполеона и Гитлера.

В конце XX века, после развала Советского Союза, Запад открыто заявил, что главным врагом для него является Православие. Понимая, что без православной веры не будет ни России, ни русских, глобализация борется с Православием всеми возможными способами: то оружием, как в Сербии, то пытается сокрушить его, подточив изнутри, как в России.

Смертельную опасность, как и пятьсот лет назад, для церкви представляет ересь жидовствующих – тех, кто под православною личиной кощунственно глумится над всем, что свято для Православия и, отрицая Христа Распятого и Воскресшего, отрицая Святую Троицу, почитание икон и происходящих от них чудес, ожидает своего лжемессию, помогая ему воцариться над миром. Но на пути у него снова встала так и не побежденная Святая Русь.

Да, наш народ и наша страна находятся сейчас в тяжелейшем кризисе, вызванном противоборством между либерально-антихристианской и православно-консервативной моделью развития общества. Так было уже не раз в русской истории, такая борьба развернулась и в наше время. В этой борьбе Грозный царь стал знаменем для партии, выступающей за возрождение России.

Хулители царя Иоанна внутри Русской Православной Церкви являются одновременно сторонниками экуменизма (религиозного аспекта глобализации), церковного обновленчества, врагами всего святоотеческого и святорусского, а значит – противниками сильной и суверенной России.

Эти люди не заинтересованы в выяснении истины, они стремятся только к одной цели – захватить в Церкви власть, разложить ее изнутри, привести к союзу с Велиаром и лишить таким образом Россию и русский народ возможности возрождения, потому что ни Россия, ни русский народ без истинной Православной Веры и Церкви существовать не смогут. Поэтому адепты глобализма внутри Церкви стремятся очернить память основоположника Русской Православной империи и глухи к любым призывам непредвзято исследовать значение, которое царь Иоанн Грозный сыграл в истории нашей страны.

Часть II
Апология Грозного царя

Сравнительная историография

Вся человеческая история состоит из мифов, легенд и сказок. Одни из них появились в седой древности, другие – недавно, третьи складываются прямо на глазах наших изумленных и растерянных современников. Мифу об Иоанне Грозном четыреста лет. Четыре столетия его заботливо взращивали на почве страха и ненависти, предательств и подлогов, пока он не покорил весь мир. В школьных учебниках и в исторических трактатах уважаемых исследователей миф приобрел вид очевидной истины. Не знать его – стыдно, не соглашаться с ним – невозможно. Еще на школьной скамье мы узнали, каким деспотом был Иоанн и какими кровавыми преступлениями он вписал свое имя в историю. Казни невинных людей, разгром вольнолюбивого Новгорода, убийство собственного сына…

Но даже если все преступления, приписываемые Иоанну IV историками, совершены им в действительности, чем же он выделялся среди правителей XVI века? Нравы тогда были суровые повсеместно. Польский историк Валишевский обращает внимание на то, что происходило в Западной Европе: «Ужасы Красной площади покажутся вам превзойденными. Повешенные и сожженные люди, обрубки рук и ног, раздавленные между блоками… Все это делалось среди бела дня и никого это ни удивляло, ни поражало». Католический кардинал Ипполит д'Эсте приказал в своем присутствии вырвать глаза родному брату Джулио. Шведский король Эрик XIV казнил в Стокгольме 94 сенатора и епископа. Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8000 и в Гарлеме 20000 человек.

В 1572 г. во время Варфоломеевской ночи во Франции перебито свыше 30000 протестантов. В Англии за первую половину XVI века было повешено **только** за бродяжничество 70000 человек. В той же «цивилизованной» Англии, когда возраст короля или время его правления были кратны числу «7», происходили ритуальные человеческие жертвоприношения: невинные люди своей смертью должны были, якобы, искупить «грехи» королевства.

В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 г. казнили более 100000 человек. Хагенбах, правитель Эльзаса, устроил праздник, на котором приглашенные мужчины должны были узнать своих жен, раздетых донага, но с лицами, закрытыми вуалью. Тех, кто ошибался, сбрасывали с высокой лестницы.

По сравнению со стотысячными гекатомбами, принесенными «просвещенными» западными правителями, число «жертв

правления» Иоанна Грозного ничтожно, а одно из основных обвинений, предъявляемых царю, – в беспрецедентной «кровожадности» и массовых убийствах – является и одним из самых безосновательных.

Объективные и компетентные историки называют число казненных за время правления царя. Так, канд. ист. наук Н. Скуратов в своей статье «Иван Грозный – взгляд на время царствования с точки зрения укрепления государства Российского» пишет: «Обычному, несведущему в истории человеку, который не прочь иногда посмотреть кино и почитать газету, может показаться, что опричники Ивана Грозного перебили половину населения страны. Между тем число жертв политических репрессий 50-летнего царствования хорошо известно по достоверным историческим источникам. Подавляющее большинство погибших названо в них поименно… казненные принадлежали к высшим сословиям и были виновны во вполне реальных, а не в мифических заговорах и изменах… почти все они ранее бывали прощаемы под крестоцеловальные клятвы, то есть являлись клятвопреступниками, политическими рецидивистами».

Современный историк Р.Г. Скрынников и митрополит Иоанн (Снычев) также указывают, что за 50 лет правления Иоанна Грозного к смертной казни были приговорены 4–5 тысяч человек. Но многие, не споря с цифрами, вспоминают о «слезинке ребенка» и начинают говорить, что смерть и одного человека – это ужасно.

Однако обвинять правителя государства в вынесении смертного приговора и лицемерно рассуждать о ценности каждой человеческой жизни, делая вид, что речь идет о невинных жертвах, недостойно историка. Надо помнить летописный рассказ о св. князе Владимире. Новокрещеный князь отказывался карать разбойников смертной казнью и объяснял это так: «Боюсь греха». Св. Владимир оставил в наказание лишь «виру», т. е. денежное возмещение родственникам убитого. Понадобилось увещевание священнослужителей, чтобы убедить Великого князя в том, что в числе других его обязанностей перед Богом есть обязанность ограждения в своих владениях добрых людей и наказания злых. А ныне выполнение таких обязанностей Иоанном Грозным пытаются представить как преступление.

Во времена царствования Иоанна IV к смертной казни приговаривали за убийство, изнасилование, содомию, похищение людей, поджог жилого дома с людьми, ограбление храма, государственную измену. Для сравнения: во время правления царя Алексея Михайловича смертной казнью карались уже 80 видов преступлений, а при Петре I – более 120! Каждый смертный

приговор при Иоанне IV утверждался лично царем. Для доставки на царский суд преступников, обвиняемых в тяжких преступлениях, был создан специальный институт приставов. Смертный приговор князьям и боярам утверждался Боярской думой. Так что суд в XVI в. велся по иным, чем в наше время законам, но это были государственные законы, а не произвол деспота.

Тем не менее, несмотря ни на что, Иоанна Грозного, чьи «преступления» были рождены буйной фантазией его политических противников, сделали символом деспотизма. Причем острие обвинений направлено не только на личность царя, но также на Россию и русских. Например, по поводу московского пожара 1571 года англичанин Д. Горсей пишет: «Бог покарал этих жалких людей, погрязших в своих вожделениях и ничтожестве, вопиющих содомских грехах; заставил их справедливо быть наказанными и терпеть тиранию столь кровавого правителя». Циничная удовлетворенность смертью десятков тысяч русских людей слышна в каждом слове.

Чем же заслужила Россия такую ненависть Запада? Иван Ильин, долгие годы проживший в Европе, показал сущность отношения европейцев к России: «Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас: и для самоуспокоения внушают себе… что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов…

Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающая, чтобы вломиться в нее с проповедью реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договора или концессии».

Как говорится, ни отнять, ни добавить.

Такое отношение к нашей стране сформировалось именно во время правления Иоанна IV. До конца XV века Россия находилась на положении золотоордынского протектората. На Западе с ней могли не считаться. Но в 1480 г. Русь поднялась с колен, а при Грозном расправила плечи от Балтики до Сибири. В 1547 г. Иоанн

венчался на царство и принял титул царя, равнозначный императорскому. Такое положение дел было узаконено Вселенским Патриархом и другими иерархами православных Восточных Церквей, видевших в русском царе единственного защитника Православной веры. Неожиданно для Запада возникла великая православная держава, мешавшая установлению в мире гегемонии европейских государств. Американский русолог-русофоб Р. Пайпс дипломатично выразил суть возникшего противоречия так: «Мышлению русских царей была чужда выработанная на Западе в XVII в. идея международной системы государств и сопутствующего ей равновесия сил»[11].

Такая «международная система» как основа политической глобализации, зародилась, конечно, намного раньше, в период идеологической революции Ренессанса. Разумеется, русский царь никак не мог согласиться с мировой системой, при которой Россия должна была отдать Северо-запад Польше и Швеции, Поволжье – Турции, ввести на остальной территории власть кесаря «Священной Римской империи германского народа» и подчинить Русскую Православную Церковь папскому престолу. Но именно такую цель поставила перед собой Европа в XVI веке и почти добилась своего в Смутное время.

Грозный активно противодействовал европейской политике, что сделало его врагом № 1 для «цивилизованного мира» и вызвало интервенцию против России, продолжавшуюся всю вторую половину XVI и начало XVII века. В ней приняли участие Польша, Литва, Швеция, Ливония, Турция, Крым, Дания, Германия, Франция, Валахия, Венгрия: кто деньгами, кто наемниками, кто дипломатическими интригами. Вдохновителем коалиции был католический Рим.

Тогда же появились и стали широко распространяться в Европе многочисленные клеветнические памфлеты на русского царя и на русский народ. С.Ф. Платонов писал: «Выступление Грозного в борьбе за Балтийское поморье, появление русских войск у Рижского и Финского заливов и наемных московских каперов на Балтийском море поразило среднюю Европу. В Германии «московиты» представлялись страшным врагом; опасность их нашествия расписывалась не только в официальных сношениях властей, но и в обширной летучей литературе листовок и брошюр. Принимались меры к тому, чтобы не допустить ни московитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобщив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного, и серьезный историк

должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, принять ее за объективный исторический источник»[12].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что сочинения того времени о России и Иоанне Грозном заполнены несуразностями и ложью, фактографическими ошибками и неверными датировками. Творцами мифа о «тиране» на русском престоле были такие одиозные личности, как изменник Курбский, инспирировавший вторжение на Русь 70000 поляков и 60000 крымских татар; протестантский пастор Одерборн и католик Гуаньино, написавшие свои пасквили далеко от места событий – в Польше и в Германии; папский нунций А. Поссевино, организатор польской агрессии против России; имперский шпион Штаден, советовавший императору Рудольфу, как лучше захватывать русские города и монастыри; ливонские ренегаты Таубе и Крузе, предавшие всех, кому служили; английский авантюрист Д. Горсей, которому совесть заменял кошелек с деньгами. Но все же каждый из них был современником описываемых событий и имел причины ненавидеть царя и клеветать на него.

Интереснее то, что клевету охотно подхватили люди науки, которым, казалось бы, незачем очернять Иоанна. Просто поражает преднамеренная ложь некоторых современных историков. Например, В.Б. Кобрин, «исследуя» количество жертв «новгородского погрома», пишет о 10 000 тел, найденных в братской могиле, намекая на то, что они были жертвами «тирана»[13], хотя даже Карамзин признает, что это погибшие от чумы и сопутствовавшего ей голода! Более того, они умерли после отъезда Иоанна из Новгорода. Царь оставил город 12 февраля, а захороненные в братской могиле скончались весной и летом.

Число казненных во время правления Иоанна IV преувеличено в сотни раз. Такое искажение исторической правды связано с тем, что сознательно используются недостоверные источники и производится подмена терминов.

Если же очистить царствование Грозного от клеветы и домыслов, то эпоха Иоанна IV предстанет в своем истинном свете – как время создания могучей Великорусской Православной империи и той национальной идеи, которая на протяжении четырехсот лет объединяла и вдохновляла русский народ. И народ не просто «терпел» Иоанна, но восхищался им и любил его. Ни про какого другого царя не было сложено столько песен, былин, сказаний и сказок.

Русский народ воспринимал борьбу царя с крамольным боярством как героическую битву за Русь. Об этом говорят сборники народного творчества П. Симони, Кирши Данилова, П.

Киреевского, П. Рыбникова, А. Гильфердинга, А. Маркова, А. Григорьева, Н. Ончукова, С. Шамбинаго и П. Вейнберга. О том же говорил и А.М. Горький на своих литературных курсах. Русский народ видел в Грозном своего великого государя, беспощадного к врагам Отечества и заботливого радетеля о родной земле и людском благе. В народное сознание Иоанн IV вошел умным, проницательным, храбрым и справедливым, т. е. наделенным всеми лучшими человеческими качествами, которые так настойчиво отрицали в нем политические враги царя при жизни и их «историки-подзуды» после его смерти.

До 1917 г. на могилу царя Иоанна IV в Кремле приходили простые русские люди просить помощи в делах, требующих справедливого суда. На уровне «бессознательного» нация видела в царе «выразителя народного единства и символ национальной независимости» (Платонов), что свидетельствует о истинно демократическом характере его власти. В то же время, как самодержец, он получил власть от Бога и потому не зависел ни от каких авторитетов и политических сил в стране и действовал в общенациональных интересах, ибо других у самодержавного монарха быть не могло. Россия была его отчим домом, и он был в этом доме хозяин, а не временный гость: слуга Богу, отец народу, милосердный к врагам личным и грозный к врагам Отечества.

Все обвинения в адрес царя являются преднамеренной клеветой враждебно настроенных по отношению к московскому самодержавию царских современников или ангажированных исследователей XIX-XX вв., стремящихся из тех или иных побуждений опорочить благоверного царя Иоанна Васильевича Грозного, а в его лице – идею Русского Православного царства в целом.

Боярское царство

Историки, наперебой повторяя домыслы Курбского, старались показать, что Грозный уже в детстве отличался патологической жестокостью: мучил животных, избивал людей, насиловал женщин прямо на улицах Москвы. По словам В.Б. Кобрина, свой первый смертный приговор Иоанн вынес в 13 лет. Историк приводит рассказ из официальной московской летописи о том, как юный государь приказал схватить и убить князя А.М. Шуйского. Не преминул Кобрин попутно оскорбить летописца за «подхалимский восторг», с которым тот сообщает, как после казни «начали бояре боятися, от государя страх иметь и послушание…». Видимо, ученому просто не приходит в голову мысль, что летописец радуется искренне. Чему? А тому, что «на Руси произошла перемена. Если не изменилось правление, то изменился государь» (Валишевский). В чем же заключалась перемена государя и как она могла радовать подданных, если привела к казни Шуйского и страху среди бояр? Ответив на этот вопрос, мы найдем ключ к характеру взаимоотношений Грозного с народом.

В 1538 г. была отравлена мать Иоанна, Елена Глинская. Восьмилетний мальчик осиротел. Началось «боярское царство», которое принесло и державе, и простому народу неисчислимые бедствия. С 1538 по 1543 год Москва была местом насилий и кровопролития. Много лет проработавший в России итальянский архитектор А. Фрязин, бежав за рубеж, рассказал, что бояре делают жизнь на московской земле совершенно невыносимой. В политике того времени царили заговоры и перевороты. Только ожесточенная борьба между боярами Шуйскими (Рюриковичами) и Бельскими (Гедиминовичами) спасла ребенка на троне и сохранила в целости его владения.

До 1540 г. страной фактически управлял И.В. Шуйский. При нем решения Боярской думы, в которой он безраздельно господствовал, стали законодательно равны царским указам. Правление Шуйских отличалось хищениями и беспорядками. Наместники временщика в городах и весях вели себя «как лютые звери». Посады пустели, кто мог – спасался бегством. Беглый народ сбивался в разбойничьи шайки по всем центральным уездам страны. Южным границам угрожали татары и турки, Северо-западу – Литва и Швеция. Государство стояло на грани гибели.

Спасая державу от разорения, часть сторонников Шуйских совместно с Митрополитом всея Руси (Патриаршество еще не

было учреждено) перешли на сторону противной партии. В 1540 г. к власти пришли Бельские. Новое правительство укрепило государственную власть и отразило нападение внешних врагов. После кадровой чистки были отправлены в отставку особо непопулярные наместники городов и среди них «один из самых ненавистных Пскову наместников» – Андрей Шуйский.

Тяжелая рука государства пришлась не по вкусу удельным князьям. Шуйские встали во главе заговора и в январе 1542 г. подняли мятеж одновременно в Москве и в Новгороде – двух крупнейших городах страны. Во время мятежа бояре ночью ворвались в спальню ребенка, а Митрополита Иоасафа «с великим бесчестием согнали с митрополии». Двенадцатилетний Иоанн был в ужасе, опасаясь за свою жизнь. Шуйские, опьяненные торжеством победы, потеряли всякую меру. Разыгрывая роль полновластных хозяев, они расхищали казну, обзавелись золотою посудой из царской ризницы, раздавали своим приверженцам чины, награды и вотчины. Иностранные послы уже величали Шуйских «принцами крови», как бы подтверждая их право на престол.

Унижая мальчика, Иван Шуйский сидел в присутствии маленького царя, опираясь при этом локтем о постель его отца, покойного Великого князя Василия, и положив ноги на царский стул. Впоследствии Иоанн вспоминал, что в то время он часто не имел самого необходимого: одежды и пищи. Если такое приходилось терпеть царю, то каково же было его подданным? Понятно, что летописец искренне радовался, что вошедший в возраст Иоанн «переменился», смог пресечь боярский беспредел и умерить аппетиты всесильных вельмож.

Верные государю придворные давно призывали покончить с беспринципными временщиками, но мальчику было трудно разобраться в политической игре, ведущейся вокруг, и он опасался вступить в нее. Чашу терпения переполнили избиение и арест его друга и наставника Ф.С. Воронцова только за то, что «великий государь его жалует и бережет». Лишь слезы мальчика и заступничество митрополита спасли Воронцова от смерти. После этого Иоанн решился и 29 декабря 1543 г. отдал приказ об аресте «первосоветника» Андрея Шуйского, вождя стоящей у власти партии удельных князей.

Но историки безосновательно обвиняют государя в расправе над Шуйским без суда и следствия. Он не приказывал казнить временщика. Источники свидетельствуют о том, что виноваты «переусердствовавшие» слуги. Желая угодить царю, они задушили ненавистного всем боярина вместо того, чтобы отправить его в темницу. Вероятнее всего, что негласный приказ об убийстве

втайне от Иоанна отдал кто-то из пришедшей к власти группировки Воронцова. Р.Г. Скрынников подтверждает, что Шуйского убили псари «**повелением боярским**».

Едва ли смерть Шуйского может служить примером «врожденной жестокости» юного государя: боярина настигло справедливое возмездие за все беззакония, совершенные во время его правления. Показательно и то, что больше не было жертв ни из клана Шуйских, ни из их многочисленных сторонников.

События 1543 г. не означали конец боярского царства. Тринадцатилетний Иоанн еще не мог править самостоятельно, но уже мог выбирать себе наставников. К власти пришла группировка старомосковских бояр, во главе которой стоял милый сердцу мальчика боярин Воронцов. Новое правительство проводило политику укрепления государственной власти и защиты национальных интересов, что шло вразрез со стремлением высшей аристократии расширять свои привилегии в ущерб государству и народу.

Партия удельных князей не могла смириться с тем, что ее оттеснили от трона, и в 1546 г. произошло событие, которое можно оценить как ответный удар оппозиции. Впрочем, Андрей Курбский, а вслед за ним и позднейшие историки преподносят этот эпизод как еще один пример «деспотических наклонностей» Иоанна. Насколько можно верить первоисточнику? Сам князь Курбский всегда был активным участником оппозиции царю. Стремясь представить себя в наиболее выгодном свете и оклеветать Грозного, он не стесняется искажать факты и сочинять измышления. Его мифотворчество не заслуживает с точки зрения некоторых современных исследователей никакого доверия. Однако большинство российских историков XIX и XX веков почти дословно воспроизводили в своих трудах версию Курбского.

Костомаров так описал этот случай: «Однажды, когда четырнадцатилетний Иван (в действительности ему было без трех месяцев 16 лет; дата рождения царя хорошо известна, Костомаров не мог не знать ее и, следовательно, специально исказил данный факт – *В.М.*) выехал на охоту, к нему явились 50 новгородских пищальников жаловаться на наместников. Ивану стало досадно, что они прерывают его забаву; он приказал своим дворянам прогнать их, но когда дворяне принялись их бить, пищальники принялись давать им сдачи и несколько человек легло на месте».

Картина создана красноречивая: так и представляешь себе юного плейбоя, развалившегося на травке в тени роскошного шатра. Перед ним усталые, запыленные люди, прошедшие 600 верст, чтобы смиренно просить справедливости. Но они нарушили государеву забаву, и рассвирепевший деспот решил

поразвлечься иначе: приказывает избивать несчастных. Кого-то забили до смерти, но это, наверно, только повеселило Грозного?

То же происшествие в изложении Валишевского имеет небольшие, но важные отличия: «В мае 1546 г., когда царь охотился близь Коломны, ему **внезапно преградил путь вооруженный** (здесь и далее выделено мной – *В.М.*) отряд новгородских пищальников, явившихся с жалобой на наместника. Не понимая ничего в этих делах, Иван приказал прогнать новгородцев. Произошла свалка, **раздалось даже несколько выстрелов.** Юный царь остался невредим, но очень испугался. Провели расследование, был казнен Ф.С. Воронцов и его двоюродный брат. Другие соучастники мнимого заговора подверглись ссылке».

Согласитесь, что хотя Иоанн выглядит здесь неприглядно, но акценты расставлены несколько иначе, чем у Костомарова? Челобитчики из далекого Новгорода пришли на прием к государю в полном вооружении. Верх наивности думать, что их пропустят с ружьями на аудиенцию. Или они пришли вовсе не за справедливостью? К тому же и путь Иоанну они «преграждают внезапно». Может быть, юноша «ничего не понимает в этих делах», но когда на твоем пути неожиданно встают 50 вооруженных мужчин, нетрудно догадаться, что здесь не все чисто. Иоанн всегда отличался сообразительностью и потому тут же приказал прогнать странных «челобитчиков». Произошла свалка. Почему? Если бы пищальники удалились сразу, все было бы тихо. Следовательно, они отказались выполнить приказ государя и вступили в перестрелку с дворянами. Из упоминания о том, что Иоанн остался невредим, видна угрожавшая ему опасность. Об этом же свидетельствует и испуг юноши. И, наконец, звучит слово «заговор». Валишевский может считать его мнимым, но, если взглянуть на факты непредвзято, картина представляется несколько другой. К тому же существует еще одна версия происшедшего.

Кобрин сообщает, что Иоанн прибыл под Коломну не ради забавы, а во главе войска, собранного для отпора татарскому набегу. В связи с этим становится ясен смысл «ошибки» Костомарова: четырнадцатилетний мальчик вряд ли мог отправиться на войну, а вот для шестнадцатилетнего юноши боевой поход был тогда в порядке вещей. Новгородцы, по Кобрину, просят не об избавлении от ненавистного наместника, а «пришли с какими-то жалобами». Поведение Грозного более мягкое: он «приказал им через своих посланников удалиться». В ответ пищальники, воинские люди, участвующие в походе, ослушались приказа и вступили в перестрелку с придворными.

Потери составили по пять-шесть человек с каждой стороны.

Такая картина уже в корне отличается от описанного Костомаровым «случая на охоте». Вместо юнца, забавляющегося избиением невинных подданных, мы видим главу государства, адекватно реагирующего на попытку вооруженного мятежа. И как бы не желали некоторые историки вслед за Курбским в очередной раз обвинить Грозного в жестокости, факт остается фактом: «тиран» пощадил непосредственных участников покушения на его жизнь.

Это не соответствовало стремлениям организаторов провокации. Они потребовали провести «расследование». Главой следствия назначили дьяка В. Захарова, но он был простым исполнителем. За его спиной стоял Алексей Адашев, тесно связанный с князем Курбским и группировкой удельных князей. Курбский же, в свою очередь, являлся близким другом князя Владимира Старицкого, двоюродного брата Грозного, неоднократно пытавшегося захватить царский престол.

Итак, круг замкнулся: мятеж, который Курбский использует для клеветы на царя, оказался творением его рук. Курбский и его пособники, как искусные кукловоды, управляли из-за ширмы ходом событий. Неизвестно, желали они смерти государя или только падения правительства, но последняя цель была ими достигнута. В заговоре обвинили государева любимца, преданного царю Ф. Воронцова и его родственника И. Кубенкова. Иоанн, как тяжело ему это ни было, утвердил приговор суда, не подозревая об истинной подоплеке дела. Невинных казнили, а Курбский, заметая следы, создал байку о «случае на охоте».

Однако, расчистив место у трона, подлинные заговорщики не смогли воспользоваться плодами своих неправедных трудов. Оставшись без наставника и советников, Иоанн решил довериться родственникам и приблизил к себе членов семейства Глинских: бабку Анну и дядьев Михаила и Юрия. Они не имели глубоких корней в Москве, и все свои силы направили на укрепление личного положения. Царь Иоанн был гарантом их присутствия в высшем эшелоне власти, и Глинские делали все, чтобы поднять авторитет государя.

В этом они получили поддержку святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси. По его инициативе 16 января 1547 года состоялось венчание на царство шестнадцатилетнего государя.

«Чин венчания Иоанна IV на царство не сильно отличался от того, как венчались его предшественники. И все же воцарение Грозного стало переломным моментом… Дело в том, что Грозный стал первым Помазанником Божиим на русском престоле.

Несколько редакций дошедшего до нас подробного описания чина его венчания не оставляют сомнений: Иоанн IV Васильевич стал первым русским государем, при венчании которого на царство над ним было совершено церковное Таинство Миропомазания» – писал митрополит Иоанн (Снычев).

Значение данного события трудно переоценить. В тот день Иоанн стал преемником византийских императоров, а Москва – Третьим Римом, столицей великой православной империи. Через две недели царь, подчеркивая свое совершеннолетие, женится на Анастасии Романовой и находит опору в ее родне. Но реальной властью в полной мере Иоанн еще не обладал. Популярность правительства Глинских падала с каждым днем, чему способствовало не только неумелое правление царской родни, но и незримая деятельность княжеской оппозиции.

Понимая недоверие царя, представители высшей аристократии решили поставить у трона незнатного Адашева и священника Сильвестра. Оба они были в «великой любви» (Кобрин) и «дружбе» (Валишевский) у Старицкого князя Владимира Андреевича, более 20 лет возглавлявшего вместе со своею матерью, княгиней Ефросинией, боярско-княжескую партию. Адашев и Сильвестр поддерживали «особые отношения» с князем Курбским (Валишевский). Пользуясь этими ставленниками, удельные князья могли влиять на государственную политику, оставаясь в тени.

Для претворения заговора в жизнь было подготовлено очередное «народное возмущение». Весной 1547 года столица напоминала пороховую бочку в прямом и переносном смысле: в кремлевских башнях сложили огромные запасы «пушечного зелья», а на московских посадах толпилось невиданное раньше количество разоренного и разбойного люда. С апреля то тут, то там в городе вспыхивали пожары, собирались толпы недовольных.

21 июня на Воздвиженке начался пожар, названный впоследствии «Великим». За 10 часов выгорело 25 000 дворов, взорвались кремлевские стены. Погибло от 1700 до 3700 человек. И сразу же поползли слухи, что город подожгли Глинские с помощью колдовства. Якобы сама царская бабка, Анна Глинская, окропила город заговоренной водой, от которой и вспыхнуло пламя.

Эта клевета была работой заговорщиков из княжеской партии: царского духовника Ф. Бармина, князя Скопина-Шуйского, боярина И.П. Федорова-Челяднина, князя Ю. Темкина-Ростовского, Ф.М. Нагого и Г.Ю. Захарьина. На заседании Думы 23 июня они открыто обвинили царскую родню в поджоге. Царь удивился, но поручил создать комиссию для расследования дела.

Сами же заговорщики и возглавили следствие. Не мудрствуя лукаво, они собрали на кремлевской площади толпу и спросили народ: кто жег столицу? Наемники закричали: «Глинские!». Этого «доказательства» оказалось достаточно, судьба Глинских была решена. Неосторожно пришедший на площадь Юрий Глинский пытался укрыться в Успенском соборе, но его выволокли оттуда и «всем миром» забили камнями. Начался направляемый незримой рукой погром. Разгромили дворы Глинских и их людей, перебили ополченцев из Северской земли, на которых Глинские пытались опереться в борьбе за власть. Из ссылки были вызваны одиозные Шуйские. Уже одно это говорило о том, кто стоял за беспорядками.

Царь, справедливо опасаясь за свою жизнь, выехал 26 июня в загородный дворец. Два дня город оставался во власти мятежников. Заговорщики пустили новый слух о том, что Глинские вызвали к Москве крымцев. Бунтовщиков вооружили, но, как оказалось, не для отпора татарам: 29 июня они двинулись к селу Воробьеву, где находился царь. Во главе толпы шел городской палач. Окружив дворец, мятежники потребовали выдачи Анны и Михаила Глинских, желая совершить над ними самосуд.

Шуйские советовали царю выполнить все требования толпы, но Иоанн проявил твердость характера и порядок был восстановлен. Карамзин утверждает, что бунтовщиков разогнали выстрелами. Однако более достоверной кажется версия Зимина: бояре-заговорщики, державшие мятеж «под контролем», без труда убедили толпу разойтись. «Поддавшись уговорам царского окружения, черные люди ни с чем отправились восвояси».

Наступило спокойствие и… новое боярское правление. Карамзин считал, что «истинные виновники бунта, подстрекатели черни, князь Скопин-Шуйский с клевретами обманулись, если имели надежду, свергнув Глинских, овладеть царем». Но список членов «Избранной Рады» недвусмысленно свидетельствует о победе удельно-княжеской партии: кроме Адашева и Сильвестра в нее вошли представители только самых аристократических фамилий страны.

Именно эти люди вывели на авансцену истории новых временщиков. Момент был выбран психологически верно: шестнадцатилетний царь остался один на пепелище своей столицы, перед лицом мятежной толпы, среди коварных придворных, которым он не мог доверять. Неизвестно, что сделал Адашев, чтобы стать из постельничего влиятельным советником государя, зато Сильвестр проявил себя в полной мере.

Он появился на фоне пожара «с подъятым перстом, с видом пророка», напугал впечатлительного и набожного Иоанна Судом Божиим, «представил ему даже какие-то страшные видения, потряс душу и сердце, овладел воображением и умом юноши». С того времени царь оказался под неусыпной опекой Сильвестра. Тогда же к царю был «случайно» приближен Адашев.

Историк и публицист Леонид Болотин видит причины популярности Адашева среди «ученой братии» в целенаправленной пропаганде его значимости со стороны масонских кругов. «Как же в светской историографии возник образ значимого государственного деятеля Алексея Адашева? Был такой историк-архивист, у которого, кстати, учился и работал в архиве Н.М. Карамзин, – Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737–1814). Он первый среди историков выдвинул фигуру Алексея Адашева из ряда современных и равнозначных ему деятелей, обратил на нее внимание своих учеников.

Вот что пишет об этом церковный историк, профессор Санкт-петербургской Духовной академии М.О. Коялович в своей фундаментальной работе «История Русского Самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям»: «В 1762 году он [Н.Н. Бантыш-Каменский. – *В.М.*] попросился на службу в Московский Архив, где и прослужил до конца дней своих. Миллер [Герард Фридрих Миллер (1705–1783), немецкий ученый, занимавшийся русской историей, директор Архива Московской конторы Коллегии иностранных дел, создатель «норманнской теории». – *В.М.*], перейдя в Москву, конечно, сразу увидел, какого неоцененного помощника нашел он в Бантыш-Каменском… Бантыш-Каменский сильно передвинул центр тяжести в нашей науке, – передвинул от вопроса о русских древностях в область достоверных, богатых русских источников – актов. Они изменили и направление Миллера, давно склонного к этому переходу… Бантыш-Каменский своими занятиями вдвинул Миллера в самую середину русской исторической жизни – в документальные богатства Московского единодержавия. В высшей степени

замечательно, что Бантыш-Каменский в истории Московского единодержавия понял самый светлый момент – лучшее время [царя] Иоанна IV, когда им руководил **Адашев, от которого, по ученым исследованиям Бантыша-Каменского или по семейному преданию, происходила жена этого почтенного архивариуса, родом Купреянова.** С пониманием этого величественного в русской жизни времени естественно соединялось уяснение других важнейших сторон Московского единодержавия, как истории борьбы между школой Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Этим мы объясняем себе изобилие памятников по этой части в Вивлиофике Новикова [известного русского масона-книгоиздателя. – *В.М.*], как и вообще богатство там памятников из истории Московского единодержавия».

Как видим, и конфликтное противопоставление в светской историографии преподобного Нила Сорского и преподобного Иосифа Волоцкого принадлежит авторству влиятельного малороссийского масона Н.Н. Бантыш-Каменского».

Так, с помощью сегрегации фактов, масонская закулиса (Бантыш-Каменский, Карамзин, Новиков и пр.) манипулировали общественным мнением («образованной публикой») и навязывали свой взгляд на прошлое России, представляя Адашева как «канцлера», или «премьер-министра», а попа Сильвестра – чуть ли не святым подвижником, моющим ноги нищим и сочиняющим на досуге «Домострой». На самом деле, два «разночинца», якобы невзначай встретившиеся у трона, были всего лишь марионетками в закулисной борьбе удельно-княжеской партии с московским самодержцем. Совсем не случайно гордые князья Рюриковичи на сей раз спокойно взирали, как худородный «дуумвират» правит страной, подбирая помощников по своему вкусу и пополняя царскую администрацию людьми незнатного происхождения.

Многие историки указывали на совпадение интересов «дуумвирата» и удельных князей, но считали, что такое «противоестественное объединение» сложилось в результате случайных политических подвижек. По Валишевскому, Сильвестр и Адашев «после некоторых колебаний… примкнули к оппозиционному лагерю, где пытались составить свою группу, в которой присваивали руководящую роль. Они были предметом горячей защиты со стороны Курбского. Это устраняет сомнения в действительной политической роли Сильвестра и Адашева».

Выше упоминалось о старых связях временщиков с князем Владимиром Старицким и с Курбским, которые были основными противниками державной политики Иоанна на протяжении многих лет. Новые любимцы царя не играли самостоятельной

роли, но были послушными марионетками этих людей, о чем свидетельствует вся проводимая дуумвиратом политика.

Войдя во власть, Сильвестр оказался не смиренным иереем, а «ловким царедворцем с повадками пророка и претензиями на чудотворение» (Валишевский). Он и «подобный земному ангелу» Адашев оттеснили на задний план важнейший орган государственной власти – Боярскую думу Властолюбцы поработали так обстоятельно, что с 1551 г. Дума прекратила проводить регулярные заседания. Реальную власть в стране все больше и больше забирала бывшая оппозиция, неожиданно превратившаяся в личный совет царя – «синклит» под номинальным главенством временщиков.

С «легкой руки» Курбского этот совет известен в истории под южнорусским названием «Избранная Рада». В нее вошли представители высшей знати: князья Дм. Курлятов (Курлятев), А. Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Шереметевы, Михаил, Владимир и Лев Морозовы, Семен Лобанов-Ростовский.

«Без совещания с этими людьми Иван не только ничего не устраивал, но даже не смел мыслить. Сильвестр до такой степени напугал его, что Иван не делал шагу, не спросив у него совета; Сильвестр вмешивался даже в его супружеские отношения. При этом опекуны Ивана старались, по возможности, вести дело так, чтобы он не чувствовал тягости опеки и ему бы казалось, что он по-прежнему самодержавен», – писал Костомаров.

Синклит сумел ввести серьезные, в том числе и законодательные, ограничения самодержавной власти. Избранная Рада вела государственные дела втайне от царя; она лишила Иоанна права жаловать боярский сан и присвоила такое право себе; самовольно и в нарушение прежних законов раздавала звания и вотчины, покупая, таким образом, новых сторонников, наполняя ими администрацию и настраивая против царя.

Конечно, политическое положение Иоанна, особенно в первые годы правления дуумвирата, было весьма зависимым. Но Костомаров, без сомнения, преувеличивал, когда писал о том, что царь не смел и мыслить без ведома Сильвестра. Государь имел свой взгляд на сущность государственной власти и просто не спешил знакомить с ним временщиков, не без основания опасаясь их сильных и многочисленных сторонников. Однако и царь не был одинок.

Главным идеологом и идейным вдохновителем его царствования, можно без сомнения назвать митрополита Московского и всея Руси Макария. Он воспитывал царя с детства, приучил его к чтению книг и привил ему глубокую религиозность

(как свидетельствуют современники, царь никогда в жизни не пропускал богослужений, каждый день проводя в храме по 6–8 часов). Венчание на царство, супружество, Земские соборы, Казанский поход – все важнейшие события личной и общественной жизни царя состоялись по совету и благословению святителя Макария.

Какое сильное влияние оказал митрополит Макарий на становление Московского самодержавия, свидетельствует хотя бы то, что именно ему принадлежит изначальное употребление слова «Россия». До него такого понятия в ходу не было. Протоиерей Григорий Дьяченко в «Полном Церковно-Славянском Словаре» пишет: «Первоначально Россия называлась «Русью», затем, до Иоанна IV Грозного она называлась «Русиа». Современный Иоанну Грозному митрополит Московский Макарий первым начал употреблять слово «Россия», и государи, следовавшие за Иоанном Грозным, в своих речах и грамотах большею частью употребляли слово «Русиа» и весьма редко Россия, и только с царствования Алексея Михайловича вместо «Русиа» во всеобщее употребление вошло слово Россия». Таким образом, само современное название нашего государства есть результат деятельности святого митрополита Макария, учителя и духовного наставника царя Иоанна.

Кроме святителя Макария, у царя были и другие весьма мудрые и прозорливые советники. 8 сентября 1549 года государю был подан проект реформ И.С. Пересветова. В нем осуждалось засилье бояр и отсутствие законности, а «грозному и мудрому царю» предлагалось управлять независимо от вельмож, на благо всего государства, а не касты аристократов. В противовес политике Сильвестра-Адашева, выражавшей интересы удельных князей, предложенные Пересветовым преобразования способствовали укреплению державы.

Клевета не миновала царских сподвижников. В пылу газетной полемики недобросовестные современные публицисты обвиняют Ивана Пересветова и в исламофилии, и в том, что он служил католическим государям, и в стремлении превратить русскую армию в сборище продажного сброда, и в прочих подобных «грехах». Конечно, это совсем не так.

Иван Семенович Пересветов родился в Великом княжестве Литовском, был первоначально подданным не России, а иного государства, и странно требовать от него немедленной службы «православному государю». Он много лет служил в различных европейских армиях, был дипломатом. После встречи с русским послом в Молдавии решил стать российским подданным и в 1539 году (когда царю Иоанну Грозному было всего 9 лет) переехал в

Москву. России он навсегда остался верен, хотя и испытал здесь от преследований сильных мира сего множество невзгод.

Он, по его собственным словам, выехал в Россию с Запада потому, что услышал пророчества «многих мудрецов», что царь будет вводить «во всем царстве своем правду великую», а сам Пересветов хотел при этом «за веру христианскую и за честь государеву пострадати и главу положити».

В своих публицистических трудах Пересветов обличал «многие неправды» греческих и русских вельмож и призывал государя ввести «правду в царстве». Говоря в «Сказании о Константине» о трагической судьбе православной Византии, Пересветов указывает, что Греческое царство погибло оттого, что греческий царь и вельможи забыли правду Пересветов считает, что именно вельможи – виновники всех неправд в государстве. Он описывает неправый суд, взяточничество, хищения, междоусобицы, связь, как бы сейчас сказали, государственных чиновников с криминалом (знакомая сегодняшнему человеку картина, не правда ли?).

«Все царство заложилось за вельмож!» – с горечью восклицает Пересветов, говоря о состоянии Византийской империи накануне ее падения. – царевой грозы к ним не было». А затем добавляет, что не видит правды и в Русском государстве (когда он приехал в Россию, был пик боярского самоуправства в малолетство Иоанна Васильевича). Тут-то он и говорит, что «Бог не веру любит – правду». Подразумевая под этим, что православные греки Евангелия читали и слушали, а воли Божией не творили, поэтому оказались менее угодны Богу, чем магометане-турки, завоевавшие Византию – Второй Рим. Одной веры, продолжает Пересветов, недостаточно, вера должна быть подкреплена делами, воплощена в государственных законах, отвечающих Евангельской правде: «В котором царстве правда, в том и Бог пребывает, и помощь Свою великую подает, и гнев Божий не воздвизается на царство».

Мерилом оценки у Пересветова служат личные качества и добродетели, от наличия которых в вельможах, судьях и самом государе и зависит прочность государства. Иван Пересветов пишет о России, находящейся в тисках боярского беспредела, следующее: «Вера христианская добра, всем полна, и красота церковная велика, а правды нет… Правду Бог любит, и сильнее всего правда… Коли правды нет, то ничего нет».

Интересно, что потребность в правде русского общества, пережившего в 40-х гг. XVI столетия боярское правление выразил и другой современник Грозного царя – преподобный Максим Грек. Беспощадно и резко он обличал общественные нестроения в «Слове пространном, излагающем с жалостью нестроения и

бесчиния властей и властителей последнего века сего». А самому царю написал «Главы поучительные к начальствующим правоверно», которые перекликаются с рассуждениями Ивана Пересветова: «Ничтоже убо потребнейше и нужнейше правды благоверно царствующему на Земли… душа благовидная благоверного царя, украшенная правдой и чистотой, украшает и согревает все ей подвластное».

Действительно, если нет правды в делах, то и веры нет. Апостол Иаков сказал: «вера, если не имеет дел, мертва сама по себе… покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих… и бесы веруют и трепещут» (Иак. 2, 17–19). Разве не прав Иван Пересветов: Бог не веру любит, а правду, ибо и бесы веруют, но правды не творят…

В турецком же султане Магомете II, Пересветов видит правителя, который, несмотря на то, что не был христианином, ввел в своем государстве порядок, отвечающий христианской правде. Пересветов прямо говорит, что «за мудрость салтана, за установленную им правду в стране, Бог помог салтану, а царь Константин… прочитал лживые книги (то есть, униатские – В.М.), не стоял за правду… оттого греки царство потеряли, а скверные турки все царство полонили». Весьма разумный взгляд на вещи, поддерживаемый, кстати, и самими православными греками, которые говорили, что лучше видеть в Константинополе турецкую чалму, чем латинскую (епископскую) шапку.

И действительно, Магомет II уже на третий день после взятия Константинополя восстановил православную (не униатскую) патриархию и позволил православным выбрать в Патриархи святителя Геннадия Схолария, стойкого борца против Флорентийской унии, дав при этом православным налоговый и судебный иммунитет. Господь послал Магомета II как бич Божий, как бурю, очищающую великий город от позорной унии с римскими еретиками. Но клеветники, обвиняющие великого русского православного мыслителя в любви к мусульманам, не хотят этого видеть.

Как не «видят» они и того, что Иван Пересветов предлагает создать не наемническую, а постоянную, регулярную армию. Регулярная армия нуждается в жаловании, потому Пересветов и советует царю «веселить» ее из казны («годится со всего царства своего доходы собе в казну имати, а ис казны своея воинникам сердца веселити»), то есть – собирать на ее содержание специальный налог.

Пересветов считает, что служебное положение в армии должно определяться не знатностью рода, а личными заслугами и храбростью, что армия должна держаться на дисциплине и

постоянном обучении воинской науке. Воинские начальники обязаны следить, чтобы в армии не было хищений, разбоя, азартных игр, пьянства.

То, что предлагал Пересветов, без сомнения, шаг вперед по сравнению с дворянским ополчением, существовавшем на «подножном корму» и не удовлетворявшем потребностям вновь образованной Православной империи, вынужденной защищаться от многочисленных врагов. И хлебопашец не должен был идти на войну. За него воевали регулярные войска. Тот, кто называет профессиональную армию «наемной», оскорбляет честь офицеров Российской армии, которые и ныне получают от государства жалованье из казны.

Много можно писать о предлагаемых И.С. Пересветовым судебной и финансовой реформе, реорганизации торговли – с целью установить во всех областях жизни Русского государства правду Божию. Для борьбы со злом нужен меч, считает Пересветов, нужна «царева гроза» – чтобы карать царским судом всех нарушителей правды. «Ибо начальник есть слуга Божий, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим., 13:4).

Если и сегодня предложенные Пересветовым реформы вызывают такое отторжение, то трудно себе даже представить, как ненавистны они были княжескому «синклиту» и его ставленникам, пытавшимся ограничить власть самодержца.

Таким образом, в начале 50-х годов XVI века Россия оказалась на политическом распутье. С одной стороны, Иоанн IV стремился к сохранению и укреплению сильного централизованного государства, для чего он использовал созданную им и его сподвижниками теорию самодержавной власти. По Платонову, самодержавие опиралось «на сознание народной массы, которая видела в царе… выразителя народного единства и символ национальной независимости». В то же время царская власть была независима «от каких бы то ни было частных авторитетов и сил в стране». Исходя из этого, можно сказать, что самодержавная власть являлась одновременно демократической и абсолютной и выражала общенациональные интересы.

Идеология, выработанная царем Иоанном и его сподвижниками, противоречила мировоззрению бывших удельных князей-Рюриковичей, пытавшихся установить в стране олигархическое правление, при котором царь был бы «первым среди равных». К чему приводит такая политическая конструкция, можно видеть на печальном примере Речи Посполитой, скончавшейся в результате раздела между Россией, Пруссией и

Австрией. Победи в XVI веке боярская «точка зрения», через 200 лет вместо Польши делили бы Русь.

Иоанн, отвергая претензии удельных князей, уничтожая их вотчинные привилегии и законодательно ровняя их с поместным дворянством, защищал не право на личный произвол, а принцип единовластия как основание государственного порядка. Синклит («Избранная Рада») стремился ограничить самодержавие не в пользу государственных учреждений (например, Боярской думы), а в пользу удельных князей, то есть вел антинациональную, сепаратистскую политику В связи с этим Платонов делает вывод: «Нет сомнения, что «Избранная Рада» пыталась захватить правление в свои руки и укрепить свое влияние на дела рядом постановлений и обычаев, неудобных для московских самодержцев. Она вела княжескую политику и должна была прийти в острое столкновение с государем, которое и началось в 1553 г.».

Царское учение о самодержавной власти

Именно царь Иоанн IV, опираясь на святоотеческое учение о симфонии властей, разработал теорию православного самодержавия. С.М. Соловьев писал: «Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый составил сам, так сказать, ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически».

Замечательный русский религиозный философ Лев Тихомиров (бывший народоволец, раскаявшийся в своих революционных грехах и превратившийся из либерального Савла в самодержавного Павла) так охарактеризовал эту теорию:

«Правильнее было бы сказать, что Иоанн Грозный первый сформулировал значение царской власти и в ее формулировке, благодаря личным способностям, был более точен и глубок, чем другие. Но идеал, им выраженный, – совершенно тот же, который был выражаем церковными людьми и усвоен всем народом.

Как же понимал Иоанн IV государственную идею? Государственное управление, по Грозному, должно представлять собой стройную систему. Представитель аристократического начала, князь Курбский, упирает преимущественно на личные доблести «лучших людей» и «сильных во Израиле». Иоанн относится к этому, как к проявлению политической незрелости, и старается объяснить князю, что личные доблести не помогут, если нет правильного «строения», если в государстве власти и учреждения не будут расположены в надлежащем порядке. «Как дерево не может цвести, если корни засыхают, так и это: аще не прежде строения благая в царстве будут», то и храбрость не проявится на войне. Ты же, говорит царь, не обращая внимания на строение, прославляешь только доблести. На чем же, на какой общей идее, воздвигается это необходимое «строение», «конституция» христианского царства? Иоанн, в пояснение, вспоминает об ереси манихейской: «Они развратно учили, будто бы Христос обладает лишь небом, а землей самостоятельно управляют люди, а преисподними – дьявол». Я же, говорит царь, верую, что всем обладает Христос: небесным, земным и преисподним и «вся на небеси, на земли и преисподней состоите Его хотением, советом Отчим и благоволением Святого Духа». Эта Высшая власть налагает Свою волю и на государственное «строение», устанавливает и царскую власть.

Права Верховной власти, в понятиях Грозного, определяются христианской идеей подчинения подданных. Ею дается и широта

власти, в ней же и ее пределы (ибо пределы есть и для Грозного). Но в указанных границах безусловное повиновение царю, как обязанность, предписанная верой, входит в круг благочестия христианского. Если царь поступает жестоко или даже несправедливо – это его грех. Но его поведение не увольняет подданных от обязанности повиновения. Если даже Курбский и прав, порицая Иоанна, как человека, то от того он еще не получает права не повиноваться Божественному закону: «Не мни, праведно на человека возъярився, Богу приразиться: ино человеческое есть, аще и порфиру носить, ино же Божественное». Поэтому Курбский своим поступком свою «душу погубил». «Если ты праведен и благочестив, – говорит царь, – то почему же ты не захотел от меня, строптивого владыки, пострадать и наследовать венец жизни?» Зачем «не поревновал еси благочестия» раба твоего, Васьки Шибанова, который предпочел погибнуть в муках за господина своего?

С такой точки зрения порицание поступков Иоанна на основании народного права других стран (указываемых Курбским) не имеет, по возражению царя, никакого значения. «О безбожных человецех что и глоголати! Понеже тип все царствиями своими не владеют: как им повелят подданные («работные»), так и поступают. А российские самодержцы изначала сами владеют всеми царствами (то есть всеми частями царской власти), а не бояре и вельможи».

Противоположение нашего принципа Верховной власти и европейского вообще неоднократно заметно у Иоанна и помимо полемики с Курбским. Как справедливо говорит Романович-Славатинский, «сознание международного значения самодержавия достигает в Грозном царе высокой степени». Он ясно понимает, что представляет в себе иной и высший принцип. «Если бы у вас, – говорил он шведскому королю, – было совершенное королевство, то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были бы». Он ядовито замечает, что шведский король, «точно староста в волости», показывая полное понимание, что этот «не совершенный» король представляет, в сущности, демократическое начало. Так и у нас, говорит царь, «наместники новгородские – люди великие, но все-таки «холоп государю не брат», а потому шведский король должен бы сноситься не с государем, а с наместниками. Такие же «комплименты» Грозный делает и Стефану Баторию, замечая послам: «Государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть не пригоже». В самую даже крутую для себя минуту Иоанн гордо выставляет Стефану превосходство своего принципа: «Мы, смиренный Иоанн, царь и Великий князь всея Руси, по Божиему

изволению, а не по многомятежному человеческому хотению». Как мы видели выше, представители власти европейских соседей для Иоанна суть представители идеи «безбожной», т. е. руководимой не божественными повелениями, а теми человеческими соображениями, которые побуждают крестьян выбирать старосту в волости.

Вся суть царской власти, наоборот, в том, что она не есть избранная, не представляет власти народной, а нечто высшее, признаваемое над собой народом, если он «не безбожен». Иоанн напоминает Курбскому, что «Богом цари царствуют и сильные пишут правду». На упрек Курбского, что он «погубил сильных во Израиле», Иоанн объясняет ему, что сильные во Израиле – совсем не там, где полагает их представитель аристократического начала «лучших людей». «Земля, говорит Иоанн, правится Божиим милосердием, и Пречистая Богородицы милостью, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и послединами, государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратеги».

Не от народа, а от Божией милости к народу идет, стало быть, царское самодержавие. Иоанн так и объясняет.

«Победоносная хоругвь и крест Честной», говорит он, даны Господом Иисусом Христом сначала Константину, «первому во благочестии», то есть первому христианскому императору. Потом последовательно передавались и другим. Когда «искра благочестия дойде и до Русского Царства», та же власть «Божиею милостью» дана и нам. «Самодержавие Божиим изволением», объясняет Грозный, началось от Владимира Святого, Владимира Мономаха и т. д. и через ряд государей, говорит он, «даже дойде и до нас, смиренных, скиптродержавие Русского Царства».

Сообразно такому происхождению власти, у царя должна быть в руках действительная сила. Возражая Курбскому, Иоанн говорит: «Или убо сие светло – пойти прегордым лукавым рабам владеть, а царю быть почтенным только пред сед анием и царской честью, властью же быть не лучше раба? Как же он назовется самодержцем, если не сам строит землю?» «Российские самодержцы изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи». Царская власть дана для поощрения добрых и кары злых. Поэтому царь не может отличаться только одной кротостью. «Овых милуйте рассуждающе, овых страхом спасайте», говорит Грозный. «Всегда царям подобает быть обозрительными: овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение; аще ли сего не имеет – несть царь!» Обязанности царя нельзя мерить меркой частного человека. «Иное дело свою душу спасать, иное же о многих душах и телесах

пещися». Нужно различать условия. Жизнь для личного спасенья – это «постническое житье», когда человек ни о чем материальном не заботится и может быть кроток, как агнец. Но в общественной жизни это уже невозможно. Даже и святители, по монашескому чину лично отрекшиеся от мира, для других обязаны иметь «строение, попечение и наказание». Но святительское запрещение – по преимуществу – нравственное. «Царское же управление (требует) страха, запрещения и обуздания, конечного запрещения», в виду «безумия злейшего человеков лукавых». Царь сам наказуется от Бога, если его «несмотрением» происходит зло.

В этом смотрении он, безусловно, самостоятелен. «А жаловать есми своих холопей вольны, а и казнить их вольны же есмя». «Егда кого обрящем всех сих злых (дел и наклонностей) освобожденных, и к нам прямую свою службу содеваюшим, и не забывающим порученной ему службы, и мы того жалуем великими всякими жалованьями; а иже обрящется в супротивных, еже выше рехом, по своей вине и казнь приемлет». Власть столь важная должна быть едина и неограниченна. Если управляемые будут не под единой властью, то хотя бы они в отдельности были и храбры и разумны, общее правление окажется «подобно женскому безумию».

Царская власть не может быть ограничиваема даже и святительской властью. «Не подобает священникам царская творити». Иоанн Грозный ссылается на Библию и приводит примеры из истории, заключая: «Понеже убо тамо быша цари послушны эпархам и сигклитам, – и в какову погибель приидоша. Сия ли нам советуешь?» Еще более вредно ограничение царской власти аристократией. Царь по личному опыту обрисовывает бедствия, нестроения и мятежи, порождаемые боярским самовластием. Расхитив царскую казну, самовластники, говорит он, набросились и на народ: «Горчайшим мучением имения в селах живущих пограбили». «Жителей они себе сотвориша яко рабов, своих же рабов устроили как вельмож». Они называли себя правителями и военачальниками, а вместо того повсюду создавали только неправды и нестроение, «мзду же безмерную от многих собирающе и вся по мзде творяще и глаголюще». Положить предел этому хищничеству может лишь самодержавие.

Однако же такая неограниченная политическая власть имеет, как мы выше заметили, пределы. Она ограничивается своим собственным принципом. «Все божественные писания исповедуют, яко не повелевают чадам отцом противится и рабем господом»: однако же, прибавляет Иоанн, «кроме веры».

Ответственность царя – перед Богом, нравственная. Впрочем, для верующего – вполне реальная, ибо Божья сила и наказание

сильнее царского. На земле же, перед подданными, царь не дает ответа. «Доселе русские владетели не допрашиваемы были («не исповедуемы») ни от кого, но вольны были своих подвластных жаловать и казнить, а не судились с ними ни перед кем». Но перед Богом суд всем доступен. «Судиться же приводниш Христа Бога между мной и тобой, и аз убо сего судилища не отметаюсь». Напротив, этот суд над царем тяготеет больше, чем над кем либо. «Верую», – говорит Иоанн, – «яко о всех своих согрешениях, вольных и невольных, суд прията ми яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим несмотрением согрешают».

Особое неприятие клерикальных критиков царя вызывает его отказ ограничить царскую власть святительской. «Не подобает священникам царская творити», – говорит Иоанн Грозный, ссылаясь на Библию.

При этом утверждают, что царь высказывает в своих посланиях «удивительные вещи». Какие же? Например, пишет в одном из своих писем Курбскому: «Нигде не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Вспомни: когда Бог избавил евреев от рабства, разве Он поставил над ними священника или многих управителей? Нет, Он поставил над ними единого царя – Моисея, священствовать же приказал не ему, а брату его Аарону, но зато запретил заниматься мирскими делами; когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога. Видишь сам, что не подобает священнику творить царские дела!»

Вот что пишет по этому поводу в газетной статье клирик РПЦ МП: «Любому человеку, знакомому с Библией, ясно, что в трактовке библейской истории царем все поставлено с ног на голову… Принципиальная ошибочность этой теории Иоанна IV **слишком очевидна, чтобы ее обсуждать** (выделено мной; вот типичный аргумент цареборца! – *В.М.*). Фактически царь указывает каждому своему подданному: «Вспомни, когда Бог избавил евреев от рабства, разве Он поставил над ними священника или многих управителей?…Моисей – по версии Иоанна Васильевича – «единый царь». Одно затруднение – Моисей никогда не был царем, потому что не имел помазания… Очень любопытно также утверждение Иоанна IV, что Аарон отвел людей от Бога именно потому, что «занялся мирскими делами». И опять неувязка… Однако проверим сказанное грозным царем. Из Библии мы узнаем, что Аарон совсем не занялся «мирскими делами», он согрешил в «религиозных делах» – отлил золотого тельца для поклонения, как богу, уступив требованиям развращенных евреев (см. Исх. 32, 31)».

Что ж, проверим сказанное государем Иоанном Васильевичем Библией и святыми отцами. Но прежде стоит обратить внимание читателя на одну маленькую, но важную подтасовку (что, впрочем, часто встречается у осуждающих царя), которую допускает в своих рассуждениях автор критической статьи. Он пишет, будто государь утверждает: «Аарон отвел людей от Бога именно потому, что занялся «мирскими делами». На самом же деле, у царя сказано следующее: «Когда же Аарон занялся мирскими делами, то отвел людей от Бога». Подменяя одно слово другим, вместо «когда» ставя «потому», критик меняет и всю мысль Иоанна Васильевича, который говорит, что Аарон отвел людей от Бога именно в то время, когда отсутствовал в стане Моисей, и когда сам Аарон замещал брата в качестве светского правителя народа. Да, грех (золотой телец) носил религиозный характер (как, впрочем, и любой другой грех), но был совершен при попустительстве Аарона в тот момент, когда он был не только священником, но и мирским вождем.

О том, что Аарон был оставлен Моисеем на время его отсутствия именно в качестве мирского правителя, свидетельствует следующий стих Ветхого Завета: «А старейшинам сказал: оставайтесь здесь, доколе мы не возвратимся к вам; вот Аарон и Ор с вами; кто будет иметь дело, пусть приходит к ним» (Исх. 24, 14). Священное Писание свидетельствует, что именно попустительство Аарона народным страстям, неумение управлять толпой, привело к греху отступления от Истинного Бога значительной части еврейского народа у горы Синай: «Моисей увидел, что это народ необузданный, ибо Аарон допустил его до необузданности…» (Исх. 32, 25). Итак, любому человеку, знакомому с Библией, ясно, что прав царь, а не его критик: именно когда Аарон стал на время мирским правителем, тогда-то по его вине и отошли люди от Бога!

Теперь обратимся к утверждению критиков об отсутствии царственного достоинства у Моисея: «Одно затруднение – Моисей никогда не был царем, потому что не имел помазания». Но Священное Писание свидетельствует, что царем, поставленным от Бога, может быть не только не имеющий помазания, но и даже языческий правитель.

Архиепископ Серафим (Соболев) в своей работе «Русская идеология» отмечает: «Некогда пророк Исаия сказал: «Так говорит Господь помазаннику Своему Киру (Ис., 45,1). Обращаясь к Киру, царю персидскому, и объявляя его имя, Господь называет его Своим помазанником тогда, когда он еще не родился. Называет Кира помазанником не потому, что над Киром будет совершено помазание, которое совершалось над царями израильского

народа, но в смысле предызбрания его для возвращения иудеев из плена вавилонского…»

Святой Филарет, митрополит Московский говорит об этом месте Священного Писания следующее: «Бог назначил Кира для исполнения судьбы Своей и восстановления избранного народа израильского; сею Божественною мыслию, так сказать, помазал дух Кира еще прежде, нежели произвел его на свет: и Кир, хотя не знает, кем и для чего помазан, движимый сокровенным помазанием, совершает дело Царствия Божия. Как могущественно помазание Божие! Как величествен помазанник Божий! Он есть живое орудие Божие, сила Божия исходит чрез него во вселенную и движет большую или меньшую часть рода человеческого к великой цели всеобщего совершения».

Как видно из вышесказанного, отсутствие видимого помазания на Моисее не есть препятствие для возложения на него Господом царского достоинства вместе с помазанием, по слову святителя Филарета, сокровенным.

Святитель же Кирилл Александрийский прямо пишет: «Моисей и Аарон… были для древних прекрасным прообразом Христа, дабы ты… представлял себе Еммануила, Который, по премудрому устроению, в одном и том же лице есть и Законодатель, и Первосвященник… В Моисее мы должны видеть Христа как Законодателя, а в Аароне – как Первосвященника».

Таким образом, святой Кирилл Александрийский говорит о разделении власти Первосвященника и Царя между Аароном и Моисеем, которые совместно прообразуют собой Христа.

Так что опять прав царь, который говорит то же, что и Священное Писание и святые отцы, а «с ног на голову» ставят учение о самодержавной власти как раз его критики.

Вот еще одна цитата из современной церковной прессы: «… Грозный не всегда был прав, не говоря уже о правомочности высокого звания «слуги Господа», которое Иоанн Васильевич усвояет себе…» (видимо, считая, что слугой Божьим может быть лишь клирик, автор статьи взревновал, подумав, что Иван Васильевич стремится присвоить его прерогативы). Слава Богу, – можем на то ответить мы, – у нас есть Священное Писание, в котором даже о простом начальнике, поставленном от царя, сказано: «начальник есть слуга Божий» (Рим. 13, 4), причем это сказано о начальнике, поставленном от царя языческого!

Ведь совершенно ясно (после приведенных выше слов святителя Филарета о высоком и священном значении царской самодержавной власти), что, назвав себя «слугой Господа», царь Иоанн Васильевич, помазанник Божий, проявил безмерную скромность. И потому наводит на грустные размышления

желание критиков из числа клириков то лишить Грозного царя звания Божьего слуги, а то и вовсе отказать Моисею в царском достоинстве. Нельзя не отметить, что стремление принизить, умалить сакральное значение самодержавной царской власти существует как течение в значительной части современного «православного» священства.

Земские соборы и народная монархия

Во второй половине XV века на просторах Евразийского континента произошло событие, имеющее значение не только для Восточной Европы, но и для всего мира и определившее геополитическую ситуацию как минимум на несколько столетий вперед: Золотая Орда, доминировавшая до того момента на обширных территориях от Днепра до Енисея и Аральского моря, в результате усобиц распалась на несколько государств.

Вместо единого государства появились «осколки» Золотой Орды: Московское княжество, Большая и Ногайская Орды, Сибирское, Узбекское, Казахское, Крымское и Казанское ханства, тут же вступившие в борьбу с друг другом за «наследие чингизидов» – власть над Евразией.

В этой борьбе победила Москва. В 1480 году князь Иван III Васильевич на реке Угре «перестоял» хана Большой Орды Ахмета, в результате чего это государственное образование, просуществовав всего несколько десятилетий, сошло с исторической сцены. Начатую Иваном III борьбу за гегемонию на Востоке продолжил его внук Иван IV, который присоединил к Московскому царству Казанское, Астраханское, Сибирское и Ногайское государства, сумев переиграть в тяжелой военно-политической борьбе Османскую империю, которая на правах самого могучего исламского государства того времени претендовала на владение мусульманскими государствами, образовавшимися после распада Золотой Орды. Туркам-османам удалось закрепиться только в Крыму, установив протекторат над Крымским ханством.

Как символ преемственности власти ханов (царей-цезарей, императоров) Золотой Орды, Иван III перенял золотоордынский герб – двуглавого орла, древний и священный символ восточных народов, известный еще со времен Хеттской империи (II тысячелетие до н.э.). Легенда о том, что двуглавый орел был привезен на Русь в виде «приданного» женой Ивана III византийской принцессой Софьей Палеолог, имеет позднее происхождение и выдуман вестернизированными историками позднемановской эпохи, желавшими стереть память о совместной истории русского и татарского народов.

Следующим логическим шагом в закреплении Москвой своих претензий на господство над Восточной Европой было принятие в 1547 г Великим князем Московским Иваном IV титула царя, равнозначного императорскому и закреплявшему за правителем Москвы не только право суверена над другими осколками

Золотой Орды, но и представителя интересов всех православных христиан Европы и Востока – то есть тех территорий, которые входили в состав Византийской империи.

Для средневековья это был серьезнейший месседж всем европейским и азиатским правителям, от персидского шаха до испанского короля, о праве «Белого царя»[14] на наследие двух империй – Ромейской и Золотоордынской.

Идеологической основой новой московской геополитики стало религиозно-политическое учение, кратко сформулированное в формуле «Москва – Третий Рим», подразумевавшее не только то, что Московское царство (а с 1552–1554 гг., когда Москва присоединила Казанское и Астраханское царства, де-факто – империя) является наследником Первого и Второго Рима (Рима и Константинополя), но и единственным на земле государством – представителем и защитником подлинного христианства (Православия) в последние апокалиптические (в чем тогда все были свято уверены) времена и потому должна нести истину Христову в тьму неверия и язычества и защищать православных от еретиков и иноверцев.

Русское царство, в соответствии с такой идеологией, воспринималось и его правителем (Иваном IV), и народом как монастырь, в котором каждый человек имеет свое послушание (обязанность) перед государством и его главой, олицетворявшем и представлявшем Бога на земле.

Эта идеология была разработана Иваном IV и его сторонниками (св. митрополит Макарий, Иван Пересветов) в теории самодержавной власти, или, как называл эту политическую систему Иван Солоневич в XX веке, «народной монархии».

Такая религиозно-политическая система, в соответствии с христианским учением о соборности, предусматривавшей консенсус при решении всех проблем и вопросов социальной и государственной жизни, требовала и нового социально-политического устройства, выражаясь современным языком – системы органов гражданского общества, пронизывающих социум снизу до верху и активно взаимодействующих с высшей властью.

И такая система была Иваном Грозным построена.

Она включала в себя, прежде всего, гражданское самоуправление на местах. «Излюбленные люди» (общее название выборных должностных лиц на местах) были известны еще с конца XV – начала XVI века, но только при Иване Грозном, с середины 1550-х годов, на значительной территории страны вводится земское самоуправление.

На первом Земском соборе 1549 г. царь объявил

«представителям общин, что по всему государству, по всем городам, пригородам, волостям и погостам и даже в частных владениях бояр и других землевладельцев должны быть избраны самими жителями старосты и целовальники, сотские и дворские; для всех областей будут написаны уставные грамоты, при помощи которых области могли бы управляться сами собой без государевых наместников и волостелей»[15].

Целовальники[16], губные старосты[17] и другие избираемые народом должностные лица выполняли полицейские, судебные, налоговые функции – то есть власть на местах стал осуществлять сам народ в лице своих выборных представителей. (Только в XVII веке эта система была разрушена Романовыми, поставившими народных избранников в зависимое от назначаемых из Москвы воевод положение.)

Параллельно с созданием самоуправления на местах, шло формирование высшего сословно-представительного органа Московского царства – Земского собора. Само слово «Земский» с одной стороны, подчеркивает его отличие от «Освященного» (церковного) собора, а с другой – указывает на представительство выборных всей «земли» – российского государства (вспомним строчку из «Слова о полку Игореве: «О, Русская земля, ты уже за холмом» – где речь идет не о каком-то конкретном русском княжестве, а о всем Русском государстве).

Если правы те представители исторической науки, которые видят логическую связь между новгородскими «своеземцами» и Земским собором единого централизованного Русского государства, то можно сказать, что именование собора «земским» – малая часть того вклада, который внес в его создание святитель Макарий, бывший до того, как он стал митрополитом Московским и всея Руси, архиепископом Великого Новгорода.

Земский собор стал выразителем соборности, той духовной основы нового социально-политического устройства государства – народной монархии – в рамках которого должны были объединить свои усилия как народ, так и государь.

И надо понять, что речь здесь идет не просто о совпадении интересов народных масс и царя, который совершенно осознано поставил перед собой задачу создания централизованного государства и самодержавной формы правления.

В эпоху европейской централизации, когда феодальные монархии оказались на грани перехода к национальному государству Нового времени, многие властители не брезговали поддержкой третьего сословия на пути «исторического прогресса». Например, Людовик XIV, который «и к подлому крестьянину в хижину заходил», если этого требовал его

«политик». Но то, что сделал Иван Грозный, принципиально отличалось от «политик» французского короля и других коронованных особ Европы.

Он оказался тем редким правителем, который смог протянуть народу руку искренней дружбы и союза через головы придворного окружения. И, как ни удивительно, это было обусловлено пониманием Иваном Грозным уникальности своего статуса: царь считал себя одним из немногих в мире правителей, чья власть от Бога (ставшего «государем не многомятежным народным хотением, а волею Божьей»). При этом и народ считал своего «Белого царя» образом божьим на земле, помазанником (христом) Божьим. Для русского царя с этой точки зрения разница между боярином и холопом была несоизмеримо меньше, чем разница между боярином и им самим – и в этом смысле он был демократ.

Эта совокупность религиозных и личностных установок как царя, так и народа и определила форму общения народа и власти на Руси – Земский собор, высшее сословно-представительное учреждение Русского царства с середины XVI до конца XVII века.

Как пишет Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, «Земские соборы были одним из наиболее крупных явлений политической жизни Московского государства XVI–XVII в., представляя собой выработанную в старой Москве форму участия народного представительства в управлении страной – форму, во многих отношениях аналогичную с представительными собраниями Западной Европы, но вместе и отличающуюся от них весьма существенными особенностями. Деятельность этого представительства охватывает собой не особенно продолжительный период времени – лишь $1^1/_2$ столетия, – но была богата важными результатами. Земские соборы до сих пор не могут еще считаться вполне изученными и разъясненными: научная литература по их истории дает гораздо более суммарных характеристик и гадательных построений, нежели детальных исследований, что в значительной мере объясняется скудостью дошедших до нас источников… Начало представительства в Московской Руси, как и на Западе, совпало с окончательным объединением государства; **но источник этого представительства там и здесь был не один и тот же** (выделено мной. – *В.М.*). На Западе представительные собрания выросли из политической борьбы различных сословий и послужили, в дальнейшем своем развитии, ареной для этой борьбы; Земские соборы Московского государства, при своем возникновении, служили не столько политическим, сколько

административным задачам»[18].

То, что основной задачей Земских соборов было решение административных задач – точка зрения весьма распространенная в XIX – начале XX вв., но едва ли верная. Стоит здесь привести цитату из В.О. Ключевского, отметившего, что в русской историографии существуют два противоположных мнения о характере и значении Земских соборов. «Одни видят в них только вспомогательное орудие администрации, никогда не выступавшее деятельным и самостоятельным двигателем политической жизни, никогда не имевшее собственного направления и потому не оказавшее никакого влияния на ход управления и законодательства; отыграв свою кратковременную и малозначительную роль, земские соборы сами собою исчезли вследствие внутреннего ничтожества, чрезмерной слабости представительного начала в древней России. Другие расположены придавать им важное политическое значение как органу народной оппозиции: служа орудием непосредственного общения государя с землей, представляя интересы народа, соборы, собственно земские выборные, являвшиеся на соборах, противодействовали высшим классам, боярам и духовным властям, которые и уговорили царя Алексея Михайловича не созывать больше соборов; но, прежде чем эти сторонние влияния успели вытеснить их из государственной жизни, земские соборы оказали значительное влияние на законодательство и правительство в оппозиционном противобоярском направлении».

Однако, продолжает историк, «оба эти взгляда неудобны тем, что трудно решить, который из них верен, и даже верен ли который-нибудь из них. Это не значит, что земским соборам приписываются свойства, которых они, может быть, вовсе не имели; но трудно признать верной и ту характеристику, которая составлена из черт нехарактерных, несущественных, хотя и действительных»[19].

И тут стоит задаться вопросом: а какие же черты были характерными и существенными для Земского собора XVI в.?

Конечно, и административные, и политические вопросы решались Земскими соборами Ивана Грозного, но основными были не они, а вопросы справедливого социального устройства русского общества.

На Западе представительные органы выросли, как справедливо замечает энциклопедическая статья, «из политической борьбы различных сословий», которые, к слову заметить, были вовсе и не сословиями, а классами, стремящимися уже изначально к защите своих экономических и политических интересов, вплоть до последующей организации политических

партий, что вело к расколу общества и социальным катаклизмам.

«Представительные собрания средневековой Западной Европы были вызваны к жизни политическою борьбой и ею же воспитаны. Средневековое западноевропейское государство было сословною федерацией, союзом нескольких державных сословий, державшимся на таком же договоре, каким определяются взаимные отношения союзных государств. Народное представительство служило наиболее обычным средством установки и поддержания союзного modus vivendi в таком государстве. Здесь каждое свободное сословие должно было завоевывать или отстаивать свое место в государстве, и верховная власть принуждена была приноравливаться к изменчивому соотношению соперничавших политических сил: она то мирила их друг с другом, то поддерживала одни из них в борьбе с другими, то защищалась от их разрозненных либо совокупных нападений. При таких условиях представительные собрания получали тем большее политическое значение, чем чаще и откровеннее сословные представители показывали на них зубы друг другу или правительству Потому прочность политических гарантий, точная определенность конституционных догматов и обрядов как цель и неутолимая политическая притязательность, строгая, неуступчивая оппозиционная дисциплина как средство являются наиболее характерными чертами западноевропейского представительства», – пишет В.О. Ключевский и указывает далее, что некритично переносить эту характеристику западной формы народного представительства на русские Земские соборы не стоит: «…нельзя искать одинаковых свойств в учреждениях, вызванных различными потребностями и имевших неодинаковое назначение»[20].

На Руси Земские соборы созывались Иваном Грозным как всесословные собрания – т. е. собрания не представителей классов, разделенных имущественным положением (отношением к средствам производства), а сословий, различающихся по своему общественному положению и обязанностям перед государством и объединенных общехристианским делом – построением православного государства, стены вокруг Церкви, орудия для спасения души. Соборность, консенсус сословий во имя общего дела, а не балансировка социально-политических сил, каждая из которых тянет в свою сторону – вот подлинное отличие Земских соборов от западноевропейских парламентов. Образно можно сказать, что Земский собор отличался от европейского парламента как церковное богослужение от собрания гаражного кооператива.

Другим важным отличием Земского собора времен Ивана

Грозного от западного представительства были его состав и структура, которые вызывали и вызывают споры историков.

С.Ф. Платонов считал, что земский собор – это «совет всей земли», состоящий «из трёх необходимых частей»: 1) «освященного собора русской церкви с митрополитом, позднее с патриархом во главе»; 2) боярской думы; 3) «земских людей, представляющих собой различные группы населения и различные местности государства».

Однако В.О. Ключевский, в противовес мнению Платонова, указывает на характерную особенность Земских соборов Ивана Грозного и его преемников в XVI веке:

«Если, забывая общее направление деятельности Земских соборов, всмотреться в перечень членов тех из них, которые были созваны в 1566 и 1598 гг., в их составе заметим очень своеобразные черты. **В самом деле, что это за представительное собрание, в котором представителями народа являются все должностные, служащие лица**? (Здесь и далее выделено мной. – *В.М.*) Ведь каждый из бывших на соборе 1566 г. дворян всех статей потому и попал на него, что был исполнителем каких-либо военно-административных поручений редко по выбору дворянского уездного общества, к которому он принадлежал, чаще по назначению правительства, командовал сотней своего уезда, был городовым воеводой или приказчиком и т. п. Каждому из гостей и купцов столицы, подававших мнения на соборе, уже приходилось исполнять по очереди казенные поручения правительства и предстояло опять исполнять их, когда приходила очередь. Это были не столько представители народа, земских миров, сколько агенты военных и финансовых учреждений, т. е. представители самого правительства. **Источником полномочий соборного представителя служило гораздо более это официальное, должностное его положение в местном обществе, чем выбор последнего.** Очевидно, здесь мы встречаемся с таким своеобычным порядком представительства, при котором **правительственное назначение и общественный выбор теряли то острое различие, какое обыкновенно им придается.** Такое безразличие двух обыкновенно противодействующих источников полномочий объясняется свойством тех правительственных поручений, которые по выбору общества или по назначению правительства возлагались на земских людей и исполнители которых были призываемы на соборы. **Эти поручения, как мы видели, были соединены не только с личною, но часто и с мирскою ответственностью, что сообщало земскому самоуправлению совершенно особый характер.** Если предоставленный земству в

XVI в. выбор на должности по местному управлению и можно назвать правом, то это было право очень колючее, обоюдоострое: оно больше обязывало и пугало ответственностью, чем уполномочивало и соблазняло властью. Вот почему далеко не все земские миры воспользовались отданным на их волю самоуправлением: неудобства, какие приносил с собою правитель, назначенный правительством, уравновешивались риском ответственного выборного управления.

Тесная органическая связь соборного представительства с местным управлением, построенным на личной ответственности и мирской поруке, дает понять, для чего понадобилось оно правительству. **Земский соборный представитель и помимо собора был ответственным дельцом местного управления.** Самая важная для правительства особенность такого дельца заключалась в том, что его правительственная деятельность в своих отправлениях была гарантирована личною ответственностью и общественным поручительством»[21].

Таким образом, на Земских соборах Ивана Грозного присутствовали такие делегаты, которые уже были избраны населением как ответственные лица местной администрации, которые пользовались доверием и царя, и народа. Будучи представителями государства, эти административные деятели являлись одновременно и выборными от народа, или, говоря современным языком – народными депутатами. Земский собор был един в двух лицах – и как народное представительство, и как некий государственный совет, состоящий из должностных лиц, призванный и решать важнейшие вопросы, и воплощать в жизнь свои же решения[22]. Земский собор состоял из самых доверенных представителей гражданского общества, являвшихся в то же время доверенными представителями государственной власти.

В этом было коренное различие, определившее разницу в векторе развития Востока и Запада Европы в Новое время[23]. Здесь надо отметить, что и поныне используется нелепая терминология, в соответствии с которой «древняя» (она же «средневековая») Русь существовала, якобы, вплоть до XVIII в. Например, учебное пособие для вузов «История и культурология», без тени смущения заявляет: «В истории средневековой Руси прослеживаются три периода: I – древнейшая история Русского государства со второй половины IX в. до 30-х годов XIII в.; II – вторая половина XIII–XV в.; III – начало XVI–XVII в.»).

Такое деление нелепо потому, что Россия, как и весь остальной европейский мир, вступила в XVI в. в эпоху Нового времени. Ремесленное производство стало мелкотоварным, появилась хозяйственная специализация различных областей, а

следовательно, и рынок. Например, тот же иерей Сильвестр имел в Великом Новгороде мастерскую, в которой трудились наемные работники – иконописцы и переписчики, а продукцию он сбывал не только в России, но и иноземцам, причем широко использовал в торговых делах кредит (см. 64 гл. «Домостроя» по Коншинскому списку).

Переход России в Новое время характеризуется изменениями в общественной, экономической и культурной жизни. Становление самодержавия, политическая, религиозная, юридическая унификация, создание профессиональной армии, единого Судебника, системы школьного образования, почтового сообщения, местного выборного самоуправления, открытие типографий преобразили Московское государство. В рамки этих преобразований Нового времени в России вписывается и появление Земского собора.

Энциклопедический словарь так характеризует этот процесс: «С того времени, как северно-русские княжества собрались под власть великого князя московского, преобразившегося в царя, возникла потребность в большем государственном единстве, в более близком знакомстве правительства с населением, его нуждами и средствами, которыми определялись и задачи государственной власти. Выработавшаяся ранее в Москве система дробной местной администрации не только не удовлетворяла этой потребности, слишком мало стягивая население к одному центру, но, будучи в своем происхождении основана на началах частного права, требовала коренной реорганизации. Последняя стала совершаться в смысле проведения строго-государственного принципа в управление, причем правительство, располагая слишком малыми силами, средством для проведения новой системы избрало возложение государственной деятельности на местные общины и их выборных представителей. Завершением этой системы и вместе органом, связующим все ее отдельные части, явились Земские соборы. Они не были преемниками вечевых собраний древней Руси, как это иногда утверждают; эти последние уже с XIV в. прекратили свое существование в Московском княжестве, да и основания веча и собора были совершенно различны: вече составлялось из всего населения области, собор был учреждением представительным; вече обладало полнотой государственной власти, соборы, в период своего возникновения, выступают лишь в совещательной роли; наконец, участие в вече для населения было правом, участие в соборе считалось обязанностью. Земские соборы были новым учреждением, выросшим на почве новых потребностей и условий государственной жизни. Имя этого учреждения, а может быть и

самая мысль о нем были заимствованы из практики духовенства, собиравшегося вокруг митрополита на так называемые «освященные соборы», которые решали вопросы, касавшиеся всей Русской церкви, а иногда принимали участие и в правительственной деятельности князя и его думы. Но сущность Земского собора вряд ли могла быть заимствована из церковной жизни, тем более что самое учреждение это не явилось сразу с вполне определенной и неизменной физиономией, а пережило несколько эпох, в течение которых изменялось не только его значение, но и организация и даже принцип, лежавший в его основании»[24].

Можно поспорить с утверждением автора статьи об отсутствии преемственности между вечем и Земскими соборами, тем более, мы знаем теперь, что отнюдь не все население области участвовало в вечевом собрании. Но несомненным является положение о том, что Земский собор не обладал той полнотой государственной власти, которую имело вече. Это и понятно: Земский собор появился в эпоху, в корне отличную от домонгольской эпохи. Древнерусское государство (т. н. Киевская Русь) и Московское царство были двумя разными цивилизациями, настолько же разными, насколько отличались друг от друга впоследствии Российская империя и Советский Союз.

Карамзин отмечает европейский характер Киевской Руси. С.Ф. Платонов пишет, что до установления монгольского ига «политическое устройство Киевского княжества было неустойчиво. Это была совокупность многих княжений, объединенных одной династией, единством религии, племени, языка и народного самосознания. Составленное из многих племенных и городских миров, это княжество не могло сложиться в единое государство в нашем смысле слова, и в XI веке распалось».

Таким образом, в условиях господства признанного Рюриковичами принципа родового владения Русью, лествичной системы наследования князьями престолов различных русских княжеств, когда ни одно княжество не являлось наследственным владением одного княжеского рода, разгоравшейся междоусобицы, вече той или иной «земли» было единственной твердой властью, привязанной к определенной территории.

Попытки князя Андрея Боголюбского и его сына Всеволода Большое Гнездо установить на Северо-востоке Руси самодержавие, не смогла переломить центробежную тенденцию и Русь рухнула в кровавую братоубийственную войну всех против всех, за которой последовал распад единого тела страны, когда раздробленность дошла до того, что в одной деревне могли

править два или три князя, владения которых состояло из нескольких крестьянских дворов.

Этот процесс распада был остановлен появлением монголов, как считает ряд исследователей – далеко не случайным и инспирированным некоторыми из князей, в частности, Ярославом Всеволодовичем[25].

Потомки его сына, св. Александра Невского, начали княжить в Москве, ставшей центром создания великорусской народности и собирания нового государства. Процесс формирования великорусской народности отражали изменения в русском языке: «С XIII по XV века он приобрел более чистоты и правильности» (Карамзин) не только в письме, но и в устной речи, приблизившись к литературному общерусскому церковнославянскому языку.

На протяжении двухсот лет шла борьба двух политических систем – лествично-удельной и самодержавной, двух партий – великокняжеской и аристократической, пока не завершилась победой самодержавной народной монархии при Иване Грозном.

Первым погребальным ударом колокола по старой политической системе стало событие, случившееся в правление великого князя Василия Васильевича Темного. В 1433 г. восставший против Василия Темного его дядя Юрий Звенигородский сместил великого князя с престола и отправил в ссылку в Коломну. В старые времена все на этом бы и закончилось. Но на Руси было уже другое время. Москвичи практически в полном составе покинули свои дома и отправились в Коломну к своему сосланному князю. За несколько дней Коломна превратилась в многолюдную столицу, а князь Юрий остался в Москве править пустыми стенами и безлюдными улицами. Узурпатор, столкнувшись со столь недвусмысленно выраженным мнением народа, бежал из опустевшего города, сообщив племяннику, что «уступает» ему Москву.

Это историческое событие позволяет сделать предположение, что население Москвы имело веские причины «проголосовать ногами» за своего великого князя.

Народ явно устраивала та социально-политическая система, которую создавали великие князья из династии Ивана Калиты, правившие в Москве.

К мысли о необходимости создания такой системы московские великие князья пришли в результате осмысления исторического опыта распада Древнерусского государства и татаро-монгольского ига, под влиянием предстоятелей Русской Церкви (всем хорошо известна историческая роль св. митрополита Петра, св. митрополита Алексия, св. при. Сергия) и,

конечно, не без участия Божественного Промысла.

К середине XV века Московская Русь стала царством, основанном на тех «архаичных» принципах, о которых говорилось выше. Соединение этих принципов с Православной верой позволило создать государство, которое наши предки называли Святой Русью. Но полного развития данные принципы достигли при Иване IV. Именно на их фундаменте начался бурный рост Московского государства в середине XVI века и продолжался до второй половины XVIII – таков был потенциал, заложенный в государственную машину при Иване III, Василии III и Иване IV, раскрытие творческого государственнического потенциала русского народа, призвание его Иваном Грозным к соработничеству в государственном строительстве, в том числе и через Земские соборы. Школа Земских соборов и местного самоуправления не только позволили народам России, оставшимся без высшего руководства, сорганизоваться и изгнать интервентов в Смутное время, но и стать победителями в многочисленных войнах XVII–XVIII веков с Польшей, Турцией и Швецией, дойти до берегов Камчатки и Аляски, построить самое большое государство планеты.

* * *

Сколько всего созывалось во время правления Ивана Грозного Земских соборов – точно неизвестно. Исследователи насчитывают от 4 до 10 соборов, часть которых документально не подтверждена:

1549 г. «Собор примирения».

1551 г. «Стоглавый собор» (церковно-земский).

1564–1565 г. Предположительно, собор об учреждении опричнины. Собрался в отсутствие уехавшего из Москвы царя Ивана по инициативе сословий и вёл с царём «переговоры». Реконструируется на основе косвенных свидетельств.

1566 г. Земский собор 1566 года. О Ливонской войне.

1575 г. Предположительно, касательно назначения Симеона Бекбулатовича.

1576 г. Предположительно, касательно снятия Симеона Бекбулатовича и «возвращения» Ивана IV.

1579 г. Предположительно, касательно Польши.

1580 г. Собор 1580 года (церковно-земский).

1580 г. Предположительно, по польским делам.

Земские соборы второй половины XVI века обсуждали важнейшие вопросы внутренней и внешней политики Российского

государства, например, вопросы войны и мира (о продолжении Ливонской войны), налогов и сборов, политического устройства государства. Земский собор 1564–1565 гг., когда Иван Грозный уехал в Александровскую слободу, был посвящен, как предполагается, вопросам государственного управления и учреждения опричнины. Собор апреля 1584 г. утвердил избрание на царство сына Ивана Грозного, Федора Ивановича, а в июле того же года церковно-земский собор решал вопросы ограничения церковного землевладения.

История Земских соборов – это история внутреннего развития российского общества в Новое время, эволюции государственного аппарата, формирования общественных отношений, изменения в сословном строе. В XVI веке только начинается процесс формирования данного общественного института, первоначально он не был чётко структурирован, и его компетенция не была строго определена. Практика созыва, порядок формирования, состав Земских соборов долгое время тоже не были регламентированы.

И это вполне понятно, так как формирование данного общественного института шло параллельно с формированием новой политической системы Российского государства в момент перехода от Средневековья к Новому времени. Огромную роль в этом сыграл сам царь Иван IV. С.М. Соловьев писал: «Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый составил сам, так сказать, ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически».

Лев Тихомиров, как уже отмечалось выше, также писал о вкладе Ивана Грозного в теорию самодержавной власти: «Правильнее было бы сказать, что Иоанн Грозный первый сформулировал значение царской власти и в ее формулировке, благодаря личным способностям, был более точен и глубок, чем другие. Но идеал, им выраженный, – совершенно тот же, который был выражаем церковными людьми и усвоен всем народом».

Иван Лукьянович Солоневич назвал этот идеал «народной монархией», указав в одноименной книге те идеи на которых, как он считает, базировалось в прошлом и будет воссоздано в будущем русское самодержавие: русский национализм, неразрывно связанный с православием, монархическая государственность, основанная на единоличном наследовании престола и опирающаяся на внеклассовое, бессословное общенациональное народное представительство.

В 1549 году царь Иван IV и святитель Макарий созвали

первый Земский собор, который получил название «Собор примирения».

С кем собирался примириться (или – кого примирять) русский царь и почему ему для этого понадобилось созывать собор представителей всей русской земли?

Конец 40-х гг. XVI века мог показаться современникам завершением тех смут и боярского беспредела, которые царили в стране на протяжении второй половины 1530-х – 1540-х годов. Кризис начался странной и внезапной смертью Великого князя Василия III Ивановича († 1533), последовавшей за ним попыткой переворота, устроенного его младшим братом Андреем Старицким (1537) и отравлением Великой княгини Елены Глинской († 1538), матери будущего царя Ивана IV.

Восьмилетний номинальный Великий князь остался круглым сиротой. Будущего царя стал опекать святитель Макарий. Митрополит оказался не только государственником, но и стал покровителем и воспитателем малолетнего Великого князя, его наставником в вере и в управлении государством. Именно с благословения свт. Макария Иван VI венчался на царство и стал первым русским царем. Как считают некоторые исследователи, Макарьевские Освященные (Поместные) соборы Церкви (1547 и 1549), особенно Стоглавый собор (1551) непосредственно связаны с организацией и формированием системы Земских соборов.

Но непосредственным поводом, подтолкнувшим молодого царя и его наставника митрополита Макария собрать первый Земский собор, стал Великий пожар и московский бунт 1547 года, о котором Н.Е. Носов сказал, что это был «страшный финал десятилетия боярских распрей, народного угнетения и произвола». Народ, утративший веру в возможность достучаться до правящих кругов и надежду на социальную справедливость, вспыхнул как порох.

Наказав наиболее активных участников бунта, Иван Грозный в то же время проявил разумную милость и даже заботу к остальным повелев раздавать погорельцам «казну свою по рублю и по два и по пяти». Карамзин указывает, что царь «изъявил попечительность отца о бедных: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова и хлеба».

Однако власть понимала, что простой благотворительностью дела не исправишь, и социальная система государства требует серьезной корректировки. Орудием таковой и стали Земские соборы, призванные, с одной стороны, установить тесную связь царя и народа, а с другой – сделать народ и царя союзниками в противодействии разрушительной политике аристократической княжеско-боярской партии.

Царь искренне пытался восстановить сословный мир на Руси – впрочем, не в ущерб государственным интересам. И.Я. Фроянов пишет в своей капитальной монографии «Драма русской истории»: «Иван IV вышел из трудного детства и сел на царский трон не безнадежно испорченным, как об этом думают многие историки, старые и новые, а расположенным к миролюбию и согласию… Вспомним прощение царем в Новинском монастыре по слову митрополита всех «опальных и повинных» людей. Святитель Макарий пробудил в царе Иване желание править людьми миром и согласием, а не яростью и враждой, хотя для этого, будь он заурядной личностью, лишенной возвышенных чувств, оснований имелось с избытком».

В.О. Ключевский также отмечает попытку царя преодолеть кризис мирным путем: «В речи на Красной площади, которою публично, в присутствии собравшегося народа, по-видимому, открыты были заседания этого собора, царь призывал толпившихся перед ним «людей божиих» не к борьбе с боярами, а ко взаимному прощению и примирению, молил их «оставить друг другу вражды и тяготы свои» и обращался к митрополиту с мольбой помочь ему в этом деле общего земского примирения. Смысл этого воззвания объясняется другою речью царя, прочитанной в следующем году на церковном Стоглавом соборе. Можно с полною уверенностью думать, что царь разумел предложение, сделанное им на земском соборе 1550 г., когда в речи своей напоминал отцам Стоглавого собора, что в предыдущее лето он приказал своим боярам, приказным людям и кормленщикам «помиритися на срок» во всех прежних делах со всеми христианами своего царства…

Переводя ораторские выражения царя на простой деловой язык тогдашнего управления, открываем очень любопытный и малозаметный в других памятниках того времени факт, которым сопровождался первый земский собор и которым ярко освещаются некоторые побуждения, вызвавшие этот первый опыт земского представительства в Московском государстве. Известно, что для сдержки злоупотреблений областных управителей, наместников и волостелей управляемым ими обществам предоставлялось право жаловаться на них высшей власти в Москве. Еще задолго до первого земского собора московское законодательство старалось установить порядок принесения и разбора таких жалоб, назначая для того известные сроки.

В Судебнике 1550 г. царь Иван подтвердил важнейшие постановления своих предшественников по этому предмету. Тяжбы, возникавшие в силу этого права, принадлежали к наиболее характерным явлениям древнерусской жизни; то были

не политические процессы демократии с аристократией, а простые гражданские тяжбы о переборах в кормах и пошлинах, т. е. в прямых и косвенных налогах, взимавшихся в пользу управителей, о проторях и убытках, какие терпели обыватели от административных и судебных действий кормленщика, казавшихся им неправильными. Эти иски велись или отдельными лицами или целыми обществами через старост и мирских ходоков, с обычными приемами тогдашнего искового процесса, с приставными памятями, свидетельскими показаниями, крестоцелованиями и т. д. Время малолетства Грозного было, по-видимому, особенно обильно такими тяжбами, длившимися иногда многие годы, и московские приказы были завалены ими. Эти тяжбы и имел в виду царь, приказав на соборе 1550 г. всем служилым людям, против которых они были направлены, помириться с своими истцами «на срок»; велено было покончить все накопившиеся против областной администрации иски и покончить не обычным исковым, формальным, а мировым порядком, полюбовно. Срок для этой судебно-административной ликвидации назначен был довольно короткий, вероятно, годовой, потому что в 1551 г. царь мог уже сообщить отцам церковного собора, что бояре, приказные люди и кормленщики во всяких делах помирились со всеми землями в назначенный срок.»

Однако далее В. О. Ключевский делает слишком частный вывод о том, «что на первом земском соборе шло дело не о возбуждении социально-политической борьбы, а об устранении одного судебно-административного затруднения, и молодой царь выступил на нем не демократическим агитатором, а просто умным и добросовестным правителем».

Принятые на соборе решения (прежде всего – о создании местного самоуправления) выводят его значение за узкие рамки «устранения одного судебно-административного затруднения» и придают им характер инструмента для решения гораздо более широких государственно-политических вопросов, начиная от изменения тогдашнего «основного закона» страны – Судебника и заканчивая утверждением о необходимости реформ всех сторон государственной жизни. Именно этот собор заложил основы местного самоуправления, **установив выборность народом должностных лиц повсеместно, в том числе и в частных владениях бояр,** отгороженных прежде от государственной власти древней системой привилегий и иммунитетов. Можно сказать, что это был первый, неуверенный шаг по пути к «национализации» боярских вотчин, продолженный затем и уравнением вотчины с поместьем, и опричной чисткой Центральной России от самих вотчинников и их окружения,

которую сам царь называл «перебором людишек».

Быть может, царь и митрополит, созывая Земский собор 1549 г. и надеялись на то, что он установит на Руси социальный мир и согласие, но надежды эти были беспочвенны. Борьба с боярской реакцией 30-х – 40-х гг. и венчание на царство (1547), создание поместной системы (1550 – «Избранная тысяча» дворян), введение местного самоуправления (1555), «Приговор о службе» (1556) и организация опричнины (1565) были только началом преодоления серьезного социально-экономического и политического кризиса, охватившего Русь при переходе страны от старой, возникшей под протекторатом Золотой Орды княжеско-боярской системы управления к самодержавию Нового времени.

Академик А.И. Фурсов указывает на причины этого кризиса: «…наиболее важным фактором подрыва княжебоярского «комбайна», заложенной под него бомбой замедленного действия был массив новгородских земель, прихваченный Москвой в 1470-е годы. Этот массив позволил московскому князю начать в невиданном доселе масштабе раздавать земли в качестве поместий, т. е. реально развивать поместную систему. И хотя первый русский помещик (Бориско Борков) упоминается ещё в 1328 году, реальное развитие поместной системы стартовало в конце XV века.

В результате появился огромный слой, который численно превосходил князей и бояр, слой, чьё обладание вещественной субстанцией полностью зависело от великого князя (после 1547 года – царя). Последний был единственным, кто мог оградить их от произвола богатых и знатных. Ну, а великий князь получил, наконец, иную, чем боярство, социальную опору, что объективно улучшало его властную позицию внутри княжебоярского «комбайна»«.

Кризис противостояния старой и новой социально-политических систем вел к обострению борьбы между удельно-княжеско-боярской партией с одной стороны и поместным дворянством и царем с другой. Две эти силы сошлись в середине XVI века в борьбе за власть. Именно власть, а не собственность, как отмечает А.И. Фурсов, и была главным объектом борьбы этих сил, в чем заключается специфика русской истории:

«Главная черта, характеристика русского аграрного хозяйства – то, что на Руси в силу суровости её природно-климатических и природно-производственных условий создавался (и создаётся) небольшой по своему объёму совокупный общественный (а следовательно, и прибавочный) продукт – это так и само по себе, и особенно по сравнению с Западной Европой, и тем более – с Восточной и Южной Азией.

В таких условиях средним и тем более нижним слоям господствующего класса прибавочный продукт может достаться только в том случае, если центральная власть, помимо прочего, будет ограничивать аппетиты верхов – как эксплуататорские в отношении угнетённых групп (чтобы сохранялась какая-то часть прибавочного продукта для неверхних групп господствующего класса), так и перераспределительные по отношению к средним и низшим группам всё того же господствующего класса. Только сильная центральная власть могла ограничить аппетиты «олигархов».

Из-за незначительного объёма прибавочного продукта олигархизация власти в России ведёт к тому, что средней и нижней частям господствующего класса мало что достаётся (а эксплуатируемые низы вообще лишаются части необходимого продукта). Поэтому в самодержавной централизации, в индивидуальном самодержавии, в деолигархизации власти были заинтересованы середина и низы господствующего класса, т. е. его основная часть. Она-то и поддержала царя в его опричном курсе: только грозненское самодержавие могло решить проблемы «детей боярских» в их борьбе с «отцами». Так русское хозяйство сработало на опричнину и на самодержавный вектор развития.

…Итак, борьба дворянства и боярства – не миф, но главный объект борьбы – не собственность, а власть, поскольку только власть на Руси регулировала (регулирует) доступ к вещественной субстанции, к общественному продукту.»

Таким образом, в истории России, в том числе и в российской истории XVI века, борьба за высшую власть велась как за инструмент справедливого (или несправедливого) перераспределения общественного продукта внутри общества.

В этой борьбе коллективным представителем подавляющего большинства населения страны стал Земский собор, а выразителем интересов «олигархов» – т. н. «Избранная Рада». Ей прошлые и современные историки безосновательно приписывают «все лучшее» «первого периода правления» Ивана Грозного, в том числе и созыв Собора примирения (хотя доктор исторических наук профессор И.Я. Фроянов справедливо указывает, что первый Земский собор был созван по инициативе царя и митрополита Макария, а не Избранной Рады).

Действительно, Избранная Рада (группировка не только неофициальная, но и самовыдвинутая в противовес легитимному государственному органу Боярской думе) проводила политику реформ. Но вопрос в том, кто должен был стать бенефициаром этих реформ?

Если посмотреть на состав Избранной Рады, то не трудно

заметить, что в нее вошли почти исключительно представители высшей аристократии Московского государства. Их политические цели были прямо противоположны той тенденции построения централизованного государства, выразителями которой были как царь и его сторонники, так и народ – от крестьянства до дворян и детей боярских. Ближайшим историческим аналогом Избранной Рады в нашей истории можно назвать коллаборационистскую Семибоярщину Смутного времени и преступную Семибанкирщину 90-х гг. XX века.

Царь искал средства противодействия княжеско-боярской партии. Этим и вызвана необходимость Земских соборов, которые сторонники централизации и жесткой вертикали власти во главе с царем видели орудием консолидации нации и достижения своих целей: национализации вотчинных и церковных земель, предоставление их в пользование «служилым» – государственным – людям и создание на этой основе нового типа государства – сословной народной монархии.

Состояние двоевластия (Избранная Рада – царь) сохранялось до начала 60-х гг. Зримым концом неформального олигархического правления Избранной Рады стало удаление из Москвы Сильвестра и смерть А. Адашева (1560), опала удельного князя Владимира Старицкого (1563) и бегство в Литву польского шпиона князя А. Курбского (1564).

На этом княжеско-боярская партия прекратила попытки добиться власти путем реформ и перешла от условно-легитимных форм борьбы за свои интересы к практике политических заговоров и сговора с внешним врагом – на фоне Ливонской войны и постоянной угрозы с юга – со стороны Крымского ханства и Османской империи – это угрожало существованию единого Русского государства как такового.

Падение синклита

В октябре 1552 года у Иоанна родился наследник престола, сын Дмитрий. И одновременно царь стал победителем Казанского ханства.

Эти события имели огромное значение для внутриполитической борьбы. Завоевание Казанского (а затем и Астраханского) царства повысило авторитет царя в народе. Он стал самодостаточной силой, приобрел политическое лицо. Более того, народ понял, что царь угоден Богу, раз Тот вершит через него такие великие дела. Все это позволило Иоанну проводить более независимую от синклита политику. Рождение же наследника сделало царя, по народным понятиям, совершеннолетним, главой семьи, «большаком».

Первое столкновение «избранных советников» с государем произошло сразу после падения Казани. Временщики пытались задержать его на всю зиму в завоеванном разоренном городе, вдали от столицы и новорожденного сына. Но царь впервые открыто ослушался их. «Избранная Рада» ответила на его поступок попыткой государственного переворота.

В марте 1553 г. вернувшийся против воли «синклита» в Москву, Иоанн неожиданно и беспричинно заболел, причем настолько серьезно, что, придя в сознание после первого приступа «горячки», потребовал немедленно принести присягу наследнику, которому не исполнилось и девяти месяцев от роду.

Десять из двенадцати членов Боярской Думы присягнули безоговорочно. Однако, «Избранная Рада» высказалась за воцарение двоюродного брата царя – князя Владимира Андреевича Старицкого. Многие бояре, сказавшись больными, вовсе не пришли во дворец, другие прямо отказались присягнуть младенцу-царевичу. Во главе «отказчиков» стоял Владимир Старицкий, и открыто (видимо, были уверены, что царь уже не жилец) перешедшие на его сторону князья П. Щенятев, И.И. Пронский, С. Лобанов-Ростовский, Д.И. Немой, И.М. Шуйский, П. С. Серебряный, С. Микулинский и братья Булгаковы. Заодно с мятежниками оказался и отец временщика, Федор Адашев.

Первым отказался целовать крест Дмитрию Иван Шуйский под предлогом того, что князь Владимир Воротынский и дьяк Иван Висковатый – слишком худородны для того, чтобы принимать у него присягу. Шуйский желал целовать крест только лично перед царем (прекрасно зная, что это невозможно). Шуйского поддержал и Федор Адашев, не желающий служить вместе с царевичем-пеленочником и его родне – Захарьиным.

Князь Владимир Старицкий наотрез отказался присягать племяннику и даже угрожал боярину Воротынскому, принимавшему общую присягу, своею «немилостью» после захвата власти.

Умирающий Иоанн с горечью видел, что повторяется трагедия его раннего детства. Как некогда сам Грозный, царевич Дмитрий может остаться сиротой среди враждебного боярского окружения, ему угрожает сильный соперник – князь Владимир, который ни перед чем не остановится в борьбе за престол. Царь обращается за поддержкой к «добродетельному» Сильвестру и «ангелоподобному» Адашеву, но тщетно. Временщики, хотя и присягнули законному наследнику, но в боярских спорах у изголовья больного царя соблюдали молчаливый нейтралитет.

А мятежники уже строили планы конкретных действий. Сам Старицкий князь и его мать, княгиня Ефросиния, вызвали в Москву своих служилых людей и «детей боярских» и начали срочно выплачивать им жалованье, «подкупая вельмож и воинов на измену» (Карамзин). Как утверждает Скрынников, «подлинные документы – крестоцеловальные записи князя Владимира Старицкого 1553–1554 гг. – позволяют установить, что во время болезни царя мать князя и ее родня действительно собрали в Москву свои вооруженные отряды и пытались перезвать на службу в удел многих влиятельных членов думы. Фактически, дело шло к государственному перевороту».

Верные царю бояре заняли круговую оборону у дверей, за которыми лежал государь. Противостояние достигло апогея. Царь умолял преданных ему князей Мстиславского и Воротынского, в случае его смерти, спасти наследника любой ценой, даже, если понадобится, бежать с ним за рубеж.

К утру кризис миновал, и царь почувствовал себя лучше. Число сторонников маленького царевича сразу заметно увеличилось. Владимир Андреевич прекратил вербовку наемников и поспешил во дворец «все объяснить» брату. Охрана остановила его у дверей. Вчерашние союзники благоразумно молчали. Только старый друг Сильвестр встал на защиту неудачливого претендента на престол. Остальные замерли в ожидании грозы.

Но выздоровевший царь всех простил, считая месть чувством, недостойным монарха, а многие «отказники» вскоре даже получили повышение по службе. Милость Божия к больному царю вызвала, в свою очередь, и его милосердие к подданным, тем более, что он еще не знал всей истины о «боярском бунте».

Многие историки считают, что царь затаил в душе злобу и более десяти лет (до создания опричнины) ждал возможности

отомстить. На это можно возразить, что у Грозного поводы для мести появились намного раньше.

Летом 1554 года попытался бежать в Литву, но был схвачен князь С. Лобанов-Ростовский, активный участник всевозможных политических интриг и видный член «Избранной Рады». Он сам и вся его обширная родня – князья Ростовские, Лобановы и Приимковы – собирались отдаться в подданство польскому королю и вступили с ним в переговоры, чтобы обсудить условия измены (Валишевский). Когда в Москву прибыло литовское посольство, князь Семен выдал ляхам секретные решения Боярской Думы и посоветовал не заключать мир с Москвой, поскольку царство оскудело и царю Казань не удержать, «ужо покинет ее».

Схваченный князь Семен сначала пытался отговориться своим «скудоумством», но в конце концов признался, что «как и многие бояре был против присяги царевичу Дмитрию и за то, чтобы наследником престола стал Владимир Андреевич. Бежать же надумал, так как испугался, что не удастся «это дело укрыть». Из чего становится ясно, что наиболее пикантные подробности бунта царю известны не были. Несмотря на его откровения, судьи, назначенные из числа бояр, «намеренно не придали значения показаниям князя Семена насчет заговора княгини Ефросинии и знатных бояр. Главными сообщниками Семена Ростовского были объявлены княжие холопы» (Скрынников).

Таким образом, несмотря на попытки сгладить эффект от показаний «скудоумного» Семена Ростовского, царь впервые узнал о грозившей его семье опасности. Если бы царю нужен был повод, чтобы разделаться с заговорщиками, то лучшего и искать не стоило. Тем более что незадолго до того умер при очень загадочных обстоятельствах маленький Димитрий, которого, якобы случайно, уронила в реку кормилица. Потеря первенца, казалось, могла бы пробудить в сердце Иоанна «дремлющую» месть. Будучи «жестоким тираном» (каким пытаются нам его представить), что должен был сделать Грозный со злоумышленниками?

Казнить Лобанова-Ростовского государь имел законное право: суд Боярской думы приговорил перебежчика к смерти. Но царь Иоанн был милосерден. После ходатайства митрополита Макария он помиловал князя и отправил его не на плаху, а в Белоозеро – место ссылки знатных особ, где они могли неплохо устроиться, жить с семьями и множеством слуг, как, например, жил там князь Владимир Воротынский. Остальные участники заговора, видимо, прикрытые от государева гнева покровителями и неправедными судьями, не испытали никаких неприятностей и остались на

своих высоких постах. Двоюродного брата, князя Владимира Старицкого, царь не только не покарал, но и в сердце своем не имел ничего против него, что лучше всего подтверждается следующим фактом: в 1554 году Иоанн составил завещание, по которому Владимир Андреевич назначался, в случае смерти государя, правителем при малолетнем наследнике престола.

Но Сильвестр и Адашев уже никогда больше не вернули расположения государя.

Вопреки заверениям многих историков, временщики не были бескорыстными радетелями о народном благоденствии. Их ставленники по всей Руси обложили посадских людей такими поборами и штрафами, что народ не выдержал и повсеместно взбунтовался. Правительство реформаторов ответило репрессиями. В 1554–1555 годы в Москве состоялись массовые казни тех, кто посмел возмущаться «оскудением жизни». Но в следующем году беспорядки с новой силой вспыхнули в Новгороде, Владимире, Рязани и других крупных городах. Были убиты многие правительственные чиновники.

Не с лучшей стороны дуумвират проявил себя и на дипломатическом поприще. В 1557–1558 гг. Сильвестр и Адашев усиленно подталкивали царя к войне с Крымским ханством, что означало в перспективе столкновение с находившейся в расцвете сил Турецкой империей. Через 150 лет Петр 1 в подобной ситуации потерпел сокрушительное поражение и был вынужден подписать позорный Прутский мир (1711 г.). Недаром Екатерина II, прежде чем присоединить Крым к России, добилась его освобождения от турецкого протектората.

Царь Иоанн понимал всю опасность войны с Крымом, который был естественной крепостью, окруженной морскими заливами и безводными степями. Однако Адашев не желал ожидать 200 лет и взял политический курс на немедленное присоединение Тавриды. Для выполнения этой задачи на русскую службу был принят польский авантюрист князь Вишневецкий. Причем только благоразумие Грозного помогло избежать столкновения с королем Сигизмундом: царь не принял преподнесенных ему «в подарок» польских владений Вишневецкого.

Новый подданный Иоанна совместно с Данилой Адашевым, братом временщика, совершил набег на Крым, раздразнив будущего разорителя Москвы Девлет-Гирея. В то же время сам временщик Алексей Адашев фактически сорвал переговоры с представителями Ливонского Ордена, что, как указывает Кобрин, привело к началу военных действий в Прибалтике. Россия оказалась втянутой в войну на два фронта, чего так стремился

избежать государь. Мало того, в разгар наступления в Ливонии Адашев заключает с Орденом перемирие, за время которого рыцари успевают сговориться с Польшей. В результате «блистательной» дипломатии Адашева Россия встретила 1560 год в окружении врагов: Крыма, Польши, Литвы, Ливонии и Швеции.

Неудачи «Избранной Рады» во внешней и внутренней политике, превышение Адашевым своих полномочий в сношениях с иностранными государствами и его открытое неподчинение царской воле стали основными причинами падения временщиков. Но были и другие.

В конце 1559 года царь собрался с больной женой (Анастасией Романовой) на богомолье. Сильвестр, как обычно, стал препятствовать поездке царской семьи по монастырям. Тогда произошло решительное столкновение, подробности которого неизвестны. Тринадцатилетнее правление дуумвирата близилось к закату В июле 1560 года А. Адашев был послан в Ливонию третьим воеводой Большого полка. Для честолюбца это назначение было ссылкой. Сильвестр же «добровольно» удалился в Белозерский монастырь.

Однако последний акт драмы был еще впереди. Седьмого августа 1560 года, после длившейся девять месяцев болезни, скончалась любимая всеми, кроме Сильвестра и Адашева, царица Анастасия. Как считал царь (и его подозрения подтвердились современными исследованиями), царица была отравлена. Под подозрение попали временщики и княгиня Ефросиния Старицкая. Для вынесения приговора был созван специальный собор бояр и духовных лиц. Митрополит Иоанн (Снычев) отмечает: «Произведенное дознание показало, что нити заговора тянутся к опальным вельможам – Адашеву и Сильвестру. Смерть царицы, по замыслу отравителей, должна была положить конец высокому положению при дворе ее братьев (Захарьиных), в которых видели опасных конкурентов в борьбе за власть. И снова Иоанн пощадил жизнь заговорщиков. Сильвестр был сослан в Соловки, а Алексей Адашев взят под стражу в Дерпте, где и умер вскоре естественной смертью от горячки, лишив будущих историков возможности лишний раз позлословить о «терроре» и «жестокости» царя».

Царь правды

«Синклит» пал, и боярское правление, наконец, закончилось. Но схватка между державной политикой царя и сепаратизмом удельных князей не затихла, а ожесточилась и привела к открытому политическому противостоянию.

Каким вступил в эту борьбу Иоанн? Мрачным тираном на троне? Деспотом, окруженным всеобщей ненавистью? Вот что писал о своем государе русский современник: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: «Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицеприятный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад царских… Ласковый к вельможам и народу – любя, награждая всех по достоинству – щедростию искореняя бедность, а зло – примером добра, сей Богом урожденный царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» (Карамзин).

Русским свидетельствам вторят иностранцы: «Иоанн затмил своих предков и могуществом и добродетелью; имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Натай ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет боярину: «Иди!» – и боярин бежит; изъявит досаду вельможе – и вельможа в отчаянье; скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока царь не объявит ему прощения. Одним словом, нет народа в Европе более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит, не скучает делами и не веселится ни звериною ловлей, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!» (Митрополит Иоанн (Снычев)).

Вот что записал наблюдательный немец Сигизмунд Герберштейн, посол императора Максимилиана: «Тому, кто занимается историей его [Иоанна IV] царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с

трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще очень мало. Много, напротив, нашлось во время этой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам».

Венецианский посол Липпомано писал об Иоанне как о праведном судье в 1575 году, то есть уже после всех якобы совершенных Грозным «зверств». Другой венецианец, Фоскарини, «говорит с похвалой о правосудии, совершаемым этим несравненным государем при помощи простых и мудрых законов, о его приветливости, гуманности, разнообразности его познаний, о блеске двора, о могуществе армии и отводит ему одно из первых мест среди властителей того времени».

«Торговые люди» из германского города Любека, побывав в России, так же превозносили гуманность Грозного. Вероятно, современному читателю представляется странным соединение слов «гуманность» и «Грозный». Здесь надо особо сказать, что Иоанн Васильевич получил это прозвище от современников не за жестокость, а за страх, который он внушил врагам России своими победами над Казанью и Астраханью, Крымом и Ливонией, Польшей и Литвой.

Более того, прозвище царя не уникально. Его дед, тоже Иоанн Васильевич, так же был прозван Грозным. Истории известен тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи (XIV в.). Как и Иоанн IV, он был грозен не своим подданным, а врагам Отечества. Русский народ воспринимал эту ипостась высшей власти как некую Божественную стихию: «Не мочно царю без грозы быти; как конь без узды, так и царство без грозы».

Конечно, как и каждому правителю, Иоанну приходилось чинить суд и расправу, однако суд этот был не только законный и справедливый, но и милостивый. Даже историки, откровенно необъективные по отношению к Грозному, вынуждены признать, что хотя после опалы Сильвестра и Адашева их высокородные покровители пытались путем интриг вновь вернуть временщиков к власти и такие попытки повлекли «репрессии» со стороны царя, «однако, эти репрессии еще не доходили до кровавых казней». Гонения получили решительный характер только в связи с «отъездом бояр».

Иначе говоря, пока интриги были направлены против царя лично, Иоанн, «опаляясь на провинившихся», просто отсылал их от себя, чтобы они «не зрели лица государя». Но когда

политические противники Иоанна, уезжая в Литву или Польшу, совершали государственную измену, в силу вступал закон. Причем перебежчики осуждались не по прихоти царя, а по приговору Боярской Думы. Государственная измена во время войны везде и всегда каралась строго. Как писал сам Иоанн: «Казнили одних изменников – и где же щадят их?»

И, как во все времена, предатели не брезговали добывать себе кусок хлеба (а то и поместье) грязной ложью на свою Родину и государя.

После первых же побед России в Прибалтике по Европе расползлись слухи о «кровожадном» царе Иване и его «адских татарах», бесчинствующих на земле Ливонии. «Тут было все: и женщины, изнасилованные до смерти, и дети, вырванные из чрева матерей, и сожженные жилища, и уничтоженный урожай», – пишет поляк Валишевский, но сам же, словно очнувшись от охватившего его морока, продолжает: «… быть может, в местных летописях есть некоторые преувеличения», и потому «для установления событий этой войны ливонские или немецкие источники не внушают к себе доверия…».

И действительно, творцы слухов пытались, что называется, валить с больной головы на здоровую. На самом деле отношения русских с ливонцами складывались совсем иначе. На территории Ливонского Ордена русские люди и в мирное время были всегда в положении вне закона. Тюрьма была лучшее, на что они могли рассчитывать в Ливонии. Путешественник Михалон Литвин сообщает, что «у ливонцев московитов убивают, хотя московиты и не заняли у них никаких областей, будучи соединены с ними союзом мира и соседства. Сверх того, убивший московита, кроме добычи с убитого, получает от правительства известную сумму денег». То есть хороший московит – мертвый московит? Мы это где-то уже слышали. Интересно, что представляли властям «цивилизованные европейцы» в качестве доказательства совершенного подвига: скальп московита или православный крестик?

Так может быть, русские, начав войну, жестоко мстили прибалтам за прошлые обиды? Но факты говорят об ином. Вступив в Ливонию, русские войска не встретили серьезного сопротивления: местное население не стремилось защищать своих немецких хозяев. Одержав ряд значительных побед, русские согласились на перемирие. Более того, Иоанн простил Ливонии большой денежный долг, послуживший поводом к войне, и не стал взыскивать с побежденных контрибуцию «ввиду истощения края» (Валишевский). Явление беспрецедентное для истории войн!

Однако немецкий гарнизон Нарвы сорвал перемирие и напал на русский отряд. Военные действия возобновились, и, взятая 11 мая 1558 г., Нарва по справедливости оплатила долги всей Ливонии. Край был присоединен к России.

И тут же получил особые льготы. Городам Дерпту и Нарве были даны: полная амнистия жителей, свободное исповедание протестантизма, городское самоуправление, судебная автономия и беспошлинная торговля с Россией. Разрушенную после штурма Нарву стали восстанавливать и даже предоставили ссуду местным землевладельцам за счет царской казны.

Все это показалось столь соблазнительно для остальных ливонцев, еще не завоеванных «адскими татарами», что к осени под власть «кровавого деспота» **добровольно** перешли еще 20 городов. Едва ли такое могло произойти, если хотя бы четверть приписываемых русским зверств имели место на самом деле.

Милосердие к побежденным было типичным для русской армии: когда в 1563 г. царь отвоевал у поляков старинный русский город Полоцк, то отпустил с миром вражеский гарнизон, одарив каждого поляка собольей шубой, а городу сохранив судопроизводство по местным законам.

Но милосердие не спасло царя от клеветы. В августе 1560 г. был взят в плен гроссмейстер Ливонского Ордена Фюрстенберг. Западные мемуаристы красочно описывают, как гроссмейстер вместе с другими военнопленными был отправлен в Москву, где их провели по улицам, избивая железными палками (в палки еще можно поверить; но железными! Как будто в России дерева мало. – *В.М.*.), а затем пытали до смерти и бросили на съедение хищным птицам.

Посрамляя клеветников, «замученный» Фюрстенберг через 15 лет после своего «зверского убийства» восстал из мертвых и послал (в 1575 г.) своему брату письмо из Ярославля, где бывшему гроссмейстеру была пожалована земля. Он сообщает родственнику, что «не имеет оснований жаловаться на свою судьбу» (Валишевский).

Вполне понятно, что в XVI веке на поклепы нашлось достаточно заказчиков, и сочинители злобных баек о царе Иоанне не сидели без работы. Интереснее то, что маститые историки XIX-XX вв. не постеснялись повторить эти явные вымыслы в своих трудах. 1560 год был объявлен ими годом превращения царя в безжалостного деспота, развязавшего кровавый террор против своих подданных.

Однако, в документах того времени нигде не упоминается ни о пытках, ни о казнях. «Политические процессы» обычно оканчивались предупредительными мерами. Опасаясь княжеских

измен, царь Иоанн потребовал от вельмож целовать крест на верность. Все присягнули. И тут же бежал за рубеж бывший протеже Адашева князь Дмитрий Вишневецкий, воевода юга России. Трижды предатель, изменив Польше, он теперь изменил России, но, вновь не ужившись с Сигизмундом, бежал в Молдавию и, устроив там неудачный государственный переворот, попал в руки турецкого султана. Вишневецкий был казнен в Стамбуле как смутьян и бунтовщик. Надо ли говорить, что для историков и этот авантюрист есть жертва «московского деспота»? Вслед за ним бежали за рубеж князья Алексей и Гаврила Черкасские.

Новые недовольства князей вызвал царский указ от 15 января 1562 года об ограничении их вотчинных прав, еще больше, чем прежде, уравнивавший их с поместным дворянством. Измена разрасталась, но царь по-прежнему проявлял милосердие каждый раз, когда это было возможно. Дважды пытался бежать за рубеж и дважды был прощен И.Д. Бельский, были пойманы при попытке к бегству и прощены князь В.М. Глинский и князь И.В. Шереметев. Изменили и перебежали к врагу во время боевых действий зимой 1563 года боярин Колычев, Т. Пухов-Тетерин, М. Сарохозин. Вступил в сговор с поляками, но был помилован наместник г. Стародуба князь В. Фуников.

Карамзин и его последователи оправдывали нарушение присяги и бегство к врагу опасением за свою жизнь: «бегство не всегда есть измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: спасаться от мучителя…». Не говоря уже о том, что само бегство было следствием сговора с врагом и нарушения присяги, действительно ли все эти беглецы были вынуждены спасать свою жизнь? Мы уже видели, что наказание перебежчикам, попавшимся к нему в руки, Иоанн ограничивал опалой или ссылкой. Но, может быть, кто-то пострадал от «тирана» более серьезно?

Костомаров повторяет вслед за Курбским рассказ о казни в 1561 году Ивана Шишкина с женой и детьми, тогда как в работе Зимина и Хорошкевич мы можем прочесть, что через два года после казни, в 1563 году Иван Шишкин служит воеводой в городе Стародубе. Тот же Костомаров, снова ссылаясь на Курбского, сообщает о ссылке и казни князя Д. Курлятева с семьей, но другие источники упоминают лишь об опале.

Уже упоминавшийся Иван Васильевич Шереметев, по Карамзину (как обычно вторившему измышлениям Курбского), был закован в «оковы тяжкие», посажен в «темницу душную», «истерзан царем-извергом». Выйдя из тюрьмы, Шереметев спасся, якобы, только тем, что постригся в монахи Кирилло-Белозерского монастыря. Но и там «изверг-царь» преследовал бывшего боярина

и выговаривал игумену за «послабления» несчастной жертве. Причитания историографа Государства Российского не имеют ничего общего с истиной.

Реальная история «несчастной жертвы» такова: в 1564 году Шереметев пытался бежать за рубеж, но был схвачен, однако вскоре Иоанн простил его и освободил из-под стражи. После того боярин по-прежнему исполнял свои государственные обязанности: в течение нескольких лет заседал в Боярской Думе! Неплохо для человека, только и думающего о спасении.

В 1571 г. Шереметев командовал войсками во время войны с крымцами, и лишь затем, почти через 10 лет после неудавшегося побега, ушел в монастырь, где «устроился довольно комфортабельно», игнорируя монастырский устав и вводя в соблазн монахов, на что и гневался в своем письме (1575 г.) Грозный. И все это называется у Карамзина «жить в постоянном страхе» и «спастись в монастыре».

Из вышеизложенного видно, что практически все «свидетельства жестокости» этого периода основываются на письмах и сочинениях Курбского, достоверность которых очень сомнительна и на которые невозможным полагаться как на серьезный источник. Таким образом, злобная клевета известного беглеца сыграла огромную роль в искажении истории царствования Иоанна IV Васильевича. Впрочем, надо сказать, что для клеветы у него были свои резоны.

Князь Курбский был прямым потомком Рюрика и святого равноапостольного князя Владимира, причем по старшей линии (тогда как Грозный – по младшей), и потому считал себя вправе претендовать на «шапку Мономаха» и на русский престол. Но, за невозможностью последнего, соглашался хотя бы на «Великое Ярославское княжество».

Карамзин, а вслед за ним и многие другие авторы голословно провозгласили князя Андрея выдающимся государственным деятелем и великим полководцем. Считается, что царь ненавидел Курбского за его дружбу с временщиками, обвинял в отравлении царицы Анастасии и только и ждал случая с ним разделаться. Видимо поэтому Иоанн назначил «ненавистного» Курбского командующим русской армией в Ливонии. Падение правительства Сильвестра-Адашева никак не повлияло на карьеру князя. В течение двух последующих лет он не услышал от государя не то что угрозы, но и дурного слова.

Но в августе 1562 года «великий полководец XVI века», лично командуя 15-тысячным корпусом, потерпел под Невелем сокрушительное поражение от четырех тысяч поляков. Валишевский пишет, что поражение было «подготовлено какими-то подозрительными сношениями» Курбского с Польшей. К ним добавились «несколько подозрительные сношения со шведами»… Ранение спасает Курбского от ответственности за преступную халатность, а вернее – за измену.

После выздоровления князь был понижен в звании – царь перевел его из главнокомандующих в «простые» наместники города Дерпта. Для заносчивого Рюриковича этого оказалось достаточно, чтобы пойти на сговор с врагом.

Как пишет Р. Скрынников, после смерти Курбского его наследники представили в литовский суд документы, связанные с бегством князя из России. Выяснилось, что князь Курбский длительное время состоял в переписке с литовским гетманом князем Юрием Радзивиллом, подканцлером Евстафием

Воловичем и самим королем Сигизмундом.

После того, как условия измены были оговорены, Радзивилл отправил Курбскому в г. Дерпт (Юрьев) заверенную грамоту с печатью и обещанием хорошего вознаграждения за измену. Более того, сохранилось письмо польского короля Сигизмунда II Августа, из которого явствует, что Курбский вступил в преступную переписку с поляками еще в 1562 году – за полтора года до побега, когда он пользовался полным доверием царя Иоанна и возглавлял сторожевой полк во время полоцкого похода.

В начале 1563 года Курбский выдал полякам маршрут русского 20-тысячного корпуса. Поляки устроили засаду и разбили московские войска. Двух бояр, ошибочно обвиненных в предательстве, казнили. После этого у Курбского сдали нервы, и он решил не тянуть с побегом.

В общем, предателю было неуютно на русской территории. 30 апреля 1564 года Курбский бежит к врагу, оставив в руках «тирана» жену и девятилетнего сына.

«Жестокий царь» и на сей раз проявил благородство и отпустил семью изменника вслед за ним в Литву Таков был ответ «кровожадного» Иоанна на измену «благородного» Курбского.

Примечательно, что «забыв» в России семью (значит, знал, что за их жизнь не стоит волноваться!), доспехи и любимые книги, предатель явился на литовскую границу с карманами, набитыми золотом. При нем было 30 золотых дукатов, 300 золотых и 500 серебряных талеров и 44 московских рубля. Правда, ливонские «таможенники», первые встретившие князюшку на литовской стороне границы, выгребли у него все золото подчистую – как тут не вспомнить великого комбинатора Остапа Бендера и обобравших его румынских пограничников.

Впрочем, предатель был вскоре утешен тем, что получил во владение от польского короля город Ковель с замком, Кревскую старостию, 10 сел, 4 тысячи десятин земли в Литве и 28 сел на Волыни. Чтобы отработать щедрую награду, благородный рыцарь, во-первых, выдал польскому королю всю московскую агентуру в Польше, а, во-вторых, засел за сочинение «обличительных» писем к царю.

Здесь снова не обошлось без мифотворчества. Карамзин, в свойственной ему сентиментальной манере, пишет: «Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном… В порыве сильных чувств он написал письмо царю… усердный слуга взялся доставить оное и сдержал слово: подал запечатанную бумагу самому государю, в Москве, на Красном крыльце, сказав: «От господина моего, твоего изгнанника, князя Андрея Михайловича».

Гневный царь ударил его в ногу острым жезлом своим: кровь лилась из язвы; слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на жезл и велел читать вслух письмо Курбского…».

Как сказал один известный литературный персонаж: «Интереснее всего в этом вранье то, что оно – вранье от первого до последнего слова». Знаменитый Василий Шибанов, известный нам со школьной скамьи «мученик за дело Курбского», был брошен князем-изменником в России вместе с другими слугами, арестован во время расследования обстоятельств бегства князя, казнен, и поэтому никак не мог служить гонцом из Литвы к Иоанну Так что красочная сцена, описанная Карамзиным, не более чем очередная сказка.

Впрочем, другие историки считают, что Шибанов бежал с князем в Литву (вместо жены и сына?) и затем, по указанию Курбского, вернулся, чтобы найти и передать то ли царю, то ли «печерским старцам» (имеется в виду Псково-Печерский монастырь) некие писания, спрятанные «под печью в воеводской избе». А попутно верный Василий должен был занять у «властей Печерского монастыря» денег для бедного изгнанника.

Нетрудно заметить, что данная версия весьма фантастична. Ну кто бы пустил вернувшегося перебежчика в воеводскую избу (по-нашему – здание областной администрации)? Его бы схватил первый же караульный, тем более что княжеского слугу «по прежнему месту прохождения службы» наверняка знали в лицо.

А с какой стати власти монастыря стали бы снабжать беглеца деньгами? Да если бы и дали денег, неужели Курбский был так наивен, что думал, будто царь отпустит Шибанова после прочтения княжеских писем обратно в Литву с золотом для изменника?

Доверчивый народ наши историки – верят Курбскому, какой бы бред он ни написал.

Впрочем, князь-изменник не ограничился писательской деятельностью. Желая вернуть себе после завоевания России поляками вотчинные права на Ярославское княжество, Курбский «пристал к врагам Отечества… предал Сигизмунду свою честь и душу, советовал, как погубить Россию; упрекал короля слабостию в войне; убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против нас хана – и скоро услышали в Москве, что 70 тысяч литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волохов с изменником Курбским идут к Полоцку; что Девлет-Гирей с 60 тысячами хищников вступил в Рязанскую область…» (Карамзин).

Для окончательной характеристики этого Иуды, предавшего Родину и оклеветавшего царя, остается добавить, что (по свидетельству польского историка Валишевского) «как господин

он был ненавидим своими слугами, как сосед он был самый несносный, как подданный – самый непокорный слуга короля».

Опричный орден

Предательство Курбского (которого царь многие годы считал своим близким другом) и враждебная деятельность его самого и его сторонников в эмиграции и в России стали одной из причин создания опричнины.

Для многих историков время опричнины – это «царство террора», порождение «полоумного» человека, не имеющее ни смысла, ни оправдания, «вакханалия казней, убийств… десятков тысяч ни в чем не повинных людей». Прямо противоположного мнения придерживался митрополит Иоанн (Снычев): «Учреждение опричнины стало переломным моментом царствования Иоанна IV. Опричные полки сыграли заметную роль в отражении набегов Девлет-Гирея в 1571 и 1572 годах… с помощью опричников были раскрыты и обезврежены заговоры в Новгороде и Пскове, ставившие своей целью отложение от России под власть Литвы… Россия окончательно и бесповоротно встала на путь служения, очищенная и обновленная опричниной».

Однако вопрос об исторической роли опричнины историческая наука так и не решила для себя однозначно. Можно иметь различные точки зрения на данное явление, можно, а может, и нужно быть необъективным, отстаивая свое мнение, не «внимая равнодушно добру и злу», но нельзя замалчивать одни исторические факты и намеренно подчеркивать другие, нельзя клеветать и совершать подлог. А все это, к сожалению, имело место в историографии царствования Грозного царя. Поэтому попытаемся еще раз разобраться, чем же была опричнина в действительности: прихотью сумасшедшего, орудием террора или инструментом преобразования Великой России?

Курбский, как впрочем, и Шуйские, и Лобановы-Ростовские, и Приимковы и многие другие царские «лиходеи и изменники» были не столь уж отдаленными потомками удельных князей Ярославских, Ростовских, Суздальских. Именно на подрыв их политического и экономического влияния в первую очередь и была направлена опричнина.

Прежде всего, царь переселил в недавно завоеванное Казанское царство около 180 представителей княжеских родов из Владимиро-Суздальской земли, реквизировал их родовые вотчины и выдал взамен поместья под Казанью. Таким образом, было подорвано политическое и экономическое влияние родовой аристократии.

Пострадала и старомосковская знать (Шереметевы, Морозовы, Головины), но гораздо меньше, чем владимиро-

суздальская, так как старомосковское боярство происходило не от удельных князей-Рюриковичей, и потому не могло претендовать на высшую власть. Здесь основной целью была конфискация родовых вотчин и перевод их в фонд поместного землевладения.

Что же касается кровавых репрессий, то при учреждении опричнины было казнено максимум пять человек. Два года спустя все «репрессированные» живыми-здоровыми были возвращены из казанской ссылки и получили поместья в различных районах страны. Но прежние вотчины им уже не вернули. Вместе с ними они утратили огромную часть своего политического влияния.

Однако кроме борьбы с княжеским сепаратизмом опричнина выполняла и иную задачу.

Конец XV – начало XVI вв. ознаменовалось невиданным для России потрясением. В Русской Православной церкви была раскрыта тайная секта, исповедующая жидовство.

Ересь жидовствующих появилась на Руси в 1471 г., когда в свите приглашенного в Новгород из Киева князя Михаила Олельковича оказался иудей Схария, «умом хитрый, языком острый». Вместе с ним в Новгород прибыли еще несколько иудеев. Новгород был выбран ими не случайно. Этот город имел тесные торговые и политические связи с Западом, здесь процветал культ торговли, а самое главное – Новгород на протяжении веков был антагонистом великокняжеской власти вообще, и московского самодержавия в частности.

На время пребывания в Новгороде иудейских эмиссаров приходится период ожесточенного противостояния с Москвой литовской партии во главе с Марфой Борецкой. В битве на реке Шелони 14 июля 1471 г. московское войско наголову разбило новгородское ополчение. В августе 1471 г. побежденные новгородцы подписали договорные грамоты с Иоанном Третьим, по которым московский государь еще частично сохранял новгородскую автономию, но потребовал от Великого Новгорода не переходить на сторону Литвы и поставлять новгородского архиепископа в Москве.

Схария, распространяя в Новгороде свое учение, не был озабочен пропагандой в народе. Его интересовало духовенство и верхи общества. Прежде всего, Схарии удалось привлечь двух священников, Дионисия и Алексия. Как отмечает историк О.А. Платонов, еретики пытались насадить в Русской церкви иудаизм. Жидовствующие отрицали Святую Троицу, Христа как Сына Божьего, хулили Святого Духа. Они отвергали Божество Спасителя и Его воплощение, отрицали Второе славное пришествие Христово и Его Страшный Суд. Еретики отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские

догматы, отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание. Особенно ненавидели они монашество.

Как считает Платонов, «в организации секты жидовствующих многое напоминало будущее масонство: строгая законспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства, ритуал, включающий «обряд» поругания святыни… Являясь непримиримыми врагами христианства, жидовствующие скрывали свою ненависть к нему, втайне рассчитывая постепенно разрушить его изнутри». Обольщая астрологией и чернокнижием, Схария и другие прибывшие с ним иудеи хвалились каббалою, древними преданиями, якобы дошедшими до них от Моисея, уверяли даже, что имеют книгу, полученную Адамом от Бога, что знают все тайны природы, могут объяснить сновидения, угадывать будущее, повелевать духами.

В 1480 г. ересь проникла в Москву. И невольно помог этому сам Великий князь Иоанн III, который за показное благочестие и книжность перевел в столицу тайных еретиков Алексия (которого сделал протоиереем Успенского собора в Кремле) и Дионисия, (ставшего во главе Архангельского собора). Алексий снискал особенную милость государя, имея к нему свободный доступ. Одновременно жидовствующие прельстили архимандрита Симонова монастыря Зосиму, инока Захария, близкого царю дьяка Федора Курицына и многих других. После смерти в 1489 г. владыки Геронтия, Алексий убедил Великого князя Иоанна III поставить митрополитом еретика Зосиму.

В 1487 г., совершенно случайно, архиепископ Геннадий обнаружил эту тайную ересь в Новгороде. Четыре напившихся еретика, поссорившись, стали упрекать друг друга в нечестии. Владыке донесли. Геннадий, арестовав еретиков, послал их в Москву, требуя для них гражданской казни (публичной порки кнутом). В столице, как пишет исследователь И. Хрущов, «не горячо взялись за дело о еретиках, тянули его и Геннадию не слали ответа. Сам митрополит повел себя двусмысленно».

Тогда архиепископ Геннадий пишет к Нифонту, епископу Суздальскому, прося его обратиться к Великому князю и митрополиту. И только после этого митрополит Геронтий взялся задело более энергично и сообщил Геннадию, что Великий князь совместно с собором решили дело о еретиках, признав виновными в ереси троих. Их били кнутом и отослали обратно в Новгород, приказав Геннадию продолжать следствие. Дело о первых еретиках (Григории, Ересиме и Самсоне) закончилось зимою 1488 г. В начале 1489 г. скончался владыка Геронтий.

В тайное общество, которое организовали в Москве еретики, привлекались в основном, высокопоставленные люди. Среди них – известный дипломат, дьяк Федор Курицын, которого Иоанн III посылал в Волошскую землю по поводу брака сына его Ивана Молодого с Еленой, дочерью воеводы Стефана. По другим данным, сам Федор Курицын был активным пропагандистом ереси, которую завез на Русь из Европы. Еретики обратили в жидовство вдову умершего царевича Ивана Молодого – Елену Стефановну, невестку Великого князя. В сентябре 1490 г. тайный еретик Зосима, архимандрит Симонова монастыря, стал митрополитом. Таким образом, еретики проникли к самым вершинам светской и духовной власти.

Архиепископ Геннадий, допрашивая возвращенного из Москвы еретика Самсонку, узнал от него о столичном кружке Федора Курицына. В самом Новгороде еретики, видя гуманное к ним отношение Московских властей, начали публично осквернять иконы и отказываться от причастия. Когда особо ретивого еретика Захарию архиепископ Геннадий пытался наказать, тот сбежал в Москву, и стал оттуда рассылать клеветнические грамоты, обвиняя в ереси самого владыку.

Тогда владыка Геннадий написал в Москву, прямо указав на Федора Курицына, как на главную опору жидовствующих в столице. От главы Церкви митрополита Зосимы архиепископ потребовал созыва собора для осуждения еретиков. Одновременно Геннадий обратился к другим архиереям: архиепископу Ростовскому и Ярославскому Тихону, епископу Суздальскому и Тарусскому Нифонту, Вассиану Тверскому, Филофею Пермскому и другим, убеждая их встать на борьбу с ересью и созвать собор, чтобы покарать жидовствующих.

Собор состоялся 17 сентября 1490 г. На нем прокляли протопопа новгородского Гавриила, Дионисия (Алексий уже умер) и других ересиархов. Они были отправлены в Новгород к архиепископу Геннадию для гражданской казни. Митрополит Зосима не осмелился на соборе защищать еретиков, но после собора стал удалять исповедников Православия с важных церковных постов и ставить на них еретиков.

И тогда преподобный Иосиф Волоцкий начинает активную борьбу с ересью и в первую очередь с покровителем жидовствующих, митрополитом Зосимой. В письме епископу суздальскому Нифонту Иосиф призывает его очистить Церковь от неслыханного соблазна, открыть глаза государю, свергнуть Зосиму: «В великой церкви Пречистой Богородицы, сияющей как второе солнце посреди всея Русской земли, на том святом престоле, где сидели святители и чудотворцы Петр и Алексий…

ныне сидит скверный и злобный волк, одетый в одежду пастыря, саном святитель, а по воле своей Иуда предатель и причастник бесам».

В 1494 г. Иоанн III снял Зосиму с формулировкой «за пьянство и нерадение о церкви» и отправил его сначала в Симонов, а потом в Троицкий монастырь на покаяние. Митрополитом стал Симон, который начал активно искоренять ересь жидовствующих. В то же время и Иосиф Волоцкий, имея доступ к государю, требовал от него искать и казнить еретиков по всей русской земле. Для противодействия еретикам преподобный написал трактат «Просветитель», в котором описал основные положения учения жидовствующих и полностью опроверг их. Казалось, конец ереси был уже близок.

Однако в 1498 г. происходит новый, неожиданный поворот. По проискам еретиков была оклеветана греческая царевна Софья, ее сын Василий (будущий отец Иоанна Грозного) попал в опалу, зато внук Иоанна III, Димитрий (сын Елены Волошанки, сочувствовавшей жидовствующим) был объявлен наследником. Умри в тот момент Иоанн III, и жидовствующие через регентшу Елену стали бы управлять Россией.

Но происки заговорщиков были раскрыты уже через год. Великий князь Иоанн III Васильевич наложил опалу на Елену Волошанку и ее сына (а в 1502 г. заточил его в темницу), объявив наследником престола своего сына от византийской принцессы Софьи Палеолог – Василия, который стал ревностным борцом с жидовством.

Летом 1503 г. преподобный Иосиф отправился на собор в Москву. Вся сила теперь была на стороне наследника Василия, и «не без его влияния сам Иван Васильевич III пожелал видеть Иосифа». Великий князь просил у Иосифа прощения за свою слабость к еретикам и закончил свою беседу обещанием выловить всех еретиков. Однако и год спустя обещание Великого князя не было исполнено. Еретики гуляли на свободе, ересь расползалась по городам и весям. Тогда преподобный Иосиф обратился за содействием к духовнику Великого князя, архимандриту Митрофану, чтобы тот пригрозил государю карой Божией, если Иоанн III не исполнит своего обещания.

Наконец в декабре 1504 г. состоялся еще один собор в Москве, которого настойчиво требовал преподобный Иосиф. Собор окончательно осудил ересь жидовствующих, а самые неисправимые еретики были казнены. Остальных разослали по монастырям «на исправление».

Митрополит Иоанн (Снычев) подчеркивал: «…внешняя деятельность еретиков была направлена на внедрение в аппарат

властей – светской и духовной, имея конечной целью контроль над их действиями и решающее влияние на них. Проще сказать, целью еретиков в области политической является захват власти».

Нетрудно понять, что большая часть еретиков уцелела. Притворно «покаявшись» (а иудейская мораль, которую они исповедовали вслед за своими наставниками, позволяет лжесвидетельствовать), многие жидовствующие оказались разосланы по всей стране, разнося свою ересь и заражая ей окружающих. После разгрома 1504 года они стали намного осторожнее. Начался латентный период этой духовной болезни. За полвека ересь разрослась и проникла в массы монашества и священства. Как и все тайные общества, ересь жидовствующих оказалась на редкость живуча (и, к слову сказать, дожила до наших дней). Во второй половине XVI века еретики решили воспользоваться политическими неурядицами и поддержали новгородских сепаратистов и партию удельных князей в их борьбе с центральной властью.

Усилился в то время и натиск иудеев на Православную Русь. Особенно активизировались еврейские «купцы» из Польши, где польский король Сигизмунд-Август отдал в аренду кагалу почти все. Однако под видом купцов приезжали в Россию пропагандисты ересей, шпионы и даже отравители. Иоанн Грозный распорядился закрыть для иудеев русскую границу.

После чего Сигизмунд прислал в Москву грамоту: «Докучают нам подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей земле твоей с товарами ходить и торговать; а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в Государство свое въезжать».

В ответ на это царь Иоанн писал: «Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья к ним привозили и пакости многие нашим людям делали: так тебе бы, брату нашему, не годилось и писать о них много, слыша их такие злые дела» (Соловьев В.).

Таким образом, шестьдесят лет спустя после собора, осудившего ересь, перед Иоанном IV Грозным стояла та же задача, что и перед его дедом Иоанном III, отцом Василием III, святителем Геннадием Новгородским и преподобным Иосифом Волоцким: отрубить голову жидовствующей гидре. И для ее решения пользовался царь теми же методами.

Надо сказать, что русские святые в начале XVI века широко применяли в борьбе с ересью жидовствующих опыт католической инквизиции. Святитель Геннадий не только использовал в идеологической борьбе переводы с латыни (для чего был набран

штат переводчиков и переписчиков). Даже берестяные колпаки, сожженные на головах еретиков по его приказу, были сделаны по образцу колпаков, одеваемых на осужденных инквизицией. (Кстати, именно в результате деятельности владыки Геннадия разрозненные до того книги Священного Писания на славянском языке были впервые сведены в единый кодекс – Геннадьевскую Библию, которая использовалась в Богослужении до XVIII века.)

Иван Солоневич в «Белой империи» пишет по данному поводу: «Вот, скажем, был Иван Грозный, и поступал этот царь вельми невежливо. Нужно рассказать, как именно он поступал. А тут же рядом, на той же странице, нужно рассказать, как в соответствующей исторической обстановке поступал, например, Людовик XI; только тогда Иван Грозный предстанет в своем истинном лике: не ужасный – «le Terrible», не страшный – «der Schrecklihe», а именно Грозный… Инквизиции у нас все-таки не было. Варфоломеевская ночь у нас все-таки была невозможна. Правда, ересь жидовствующих была ликвидирована по способу, заимствованному нами из просвещенной Европы: было сожжено около десятка человек…».

Как известно, одной из причин, породивших инквизицию в Европе, был массовый формальный переход испанских иудеев (т. н. марранов) в христианство. Став христианами наружно, они оставались внутри, в душе, ярыми противниками Христа. Чтобы очистить зерна от плевел и была создана инквизиция, выявившая многих тайных врагов Христа, которые, явно нося на себе крест Господень, в глубинах своей души сохраняли всю древнюю ненависть к Сыну Божию и Богородице.

Так же, как и испанские марраны, русские жидовствующие отвергали учение о Святой Троице, отвергали Божественность Иисуса Христа, глумились над иконами и Святым Причастием, бросая святыни в отхожие места или попирая ногами. Потому не удивительно, что в следствии по делу жидовствующих широко использовался опыт католической инквизиции. Кстати, часто в подтверждение благонадежности Сильвестра ссылаются на то, что якобы он был приглашен в Москву из Новгорода самим святителем Макарием. Во-первых, Сильвестр действительно прибыл в Москву из Новгорода, города, ставшего гнездом всех ересей на Руси. А во-вторых, нет никаких доказательств того, что его пригласил в Москву сам митрополит Макарий. Примечательно и то, что именно во время правления временщиков Сильвестра и Адашева в Москве открывается целый ряд ересей.

Наиболее показателен пример ересиарха Матвея Башкина. Он был выдан в июне 1553 г. царю Иоанну самим же Сильвестром

(при содействии Адашева) и отдан под суд. Следствие показало, что Башкин называл иконы «идолами» и хулил Самого Христа. Последнее доказывает, что ересь Башкина является вовсе не одной из разновидностей протестантизма (хотя и отвергающего иконы, но почитающего Иисуса Христа как Бога), а проявлением ереси жидовствующих.

Вскоре после начала следствия дьяк Иван Висковатый подал царю челобитную, из которой явствует, что сам Сильвестр был связан с Башкиным через еще одного тайного еретика – Артемия Пустынника. (В 1554 г. осужденного за ересь, отлученного от Церкви, сосланного на Соловки, но сбежавшего в Литву) Розыск показал, что еретики были связаны со Старицким князем Владимиром Андреевичем и его дядьями по матери, княгине Ефросинии – Иваном Тимофеевым и Борисовым-Бороздиным.

Хотя Сильвестр и выдал Башкина царю, однако сделал он это из опасения, как бы его недоносительство не повредило его положению при дворе. Было решено пожертвовать пешкой, чтобы сохранить ферзя у подножия царского трона. Впрочем, вскоре Башкин якобы сошел с ума и стал плести околесицу. Опасного свидетеля отправили в тюрьму. А от своего давнего знакомца Артемия Пустынника Сильвестр попросту отрекся. Но между тем смог повлиять на царя и добился сохранения жизни всем осужденным еретикам.

На протяжении нескольких лет шло следствие, и постепенно царь Иоанн пришел к выводу, что для борьбы с еретиками необходима специальная организация. Такой организацией и стала опричнина, созданная в 1565 г.

«Царство террора»?

Конец 50-х – первая половина 60-х годов XVI в. были временем больших военных и дипломатических побед России. Летом 1561 года шведский король Эрик XIV заключил с Иоанном перемирие на 20 лет, что позволило царю активизировать борьбу с Польшей и Крымом. Русские экспедиционные отряды высалились в Тавриде, вызвав панику при дворах турецкого султана и польского короля.

Вселенский Патриарх утвердил за Иоанном право на царский титул, позволивший русскому царю говорить на равных со всеми государями Европы. В 1563 году русские взяли важный стратегический пункт – город Полоцк, что открывало дорогу на Вильну – столицу Литовского княжества. Испуганный успехами русского оружия, крымский хан Девлет-Гирей счел за лучшее прекратить военные действия против России и в январе 1564 года присягнул на верность царю.

Иоанн трудился во славу Отечества, стремясь создать великую православную державу, но измена гнездилась среди ближайшего окружения, среди вельмож, самим своим происхождением предназначенных заботиться о благе государства. Царь страдал и с горечью писал: «Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого; утешающих я не нашел – заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь».

В конце 1564 года, измученный бесконечными интригами, Иоанн сложил с себя царский венец и покинул столицу в сопровождении избранных по всему государству дворян, детей боярских и приказных людей. Остановившись в Александровской слободе, он прислал в Москву в январе 1565 года два письма, в которых сообщал, что не имеет гнева на простых подданных, но опалился на придворных и вельмож, которые злоумышляли на него и не желали, чтобы он царствовал. Посему царь отказывается от власти и поселится, «где Бог укажет». Народ с ужасом воспринял возможность лишиться законного государя и единодушно потребовал от бояр и митрополита вернуть Иоанна на трон, обещая, что сам «истребит лиходеев и изменников».

Грозному понадобился месяц, чтобы принять решение. Ранее уже говорилось о стремлении удельнокняжеской партии ограничить самодержавную власть в свою пользу. На практике оно означало претворение в жизнь анархических идеалов, гибельных для государства. Иоанн видел эту опасность и был вынужден принять ряд решительных мер для уничтожения политического и экономического значения удельных князей. В

начале февраля 1565 года, вернувшись в Москву, царь вновь принял власть и объявил о создании опричнины.

Вопрос об опричнине – ее характер, задачи, цели, результаты – один из самых острых и «водораздельных» для исследователей вопросов, поставленных перед исторической наукой эпохой правления Ивана Грозного. А.И. Фурсов в своей работе «Вперед, к победам!» пишет: «С.М. Соловьёв, автор знаменитой «Истории государства российского», видел в опричнине форму борьбы государственного строя с боярским, который выходит если не антигосударственным, то негосударственным. В.О. Ключевский вообще не считал опричнину чем-то закономерным и целенаправленным, а видел в ней проявление страха царя, его паранойи. С.Ф. Платонов, ничтоже сумняшеся, квалифицировал опричнину как средство пресечения княжебоярского сепаратизма. Н.А. Рожков результаты опричнины усматривал в землевладельческом и политическом перевороте. М.Н. Покровский – вполне в духе своего подхода – трактовал опричнину как средство перехода от феодализма к торговому капитализму, и от вотчины – к прогрессивному мелкопоместному хозяйству Советские историки в своей массе рассматривали опричнину сквозь классовую (а часто – вульгарно-классовую капиталоцентричную) призму, трактуя самодержавие как классовый орган дворянства и подчёркивая его антибоярскую направленность, причём главной сферой борьбы объявлялась собственность, землевладение».

Фурсов как на основной результат опричнины указывает на преодоление в целом и основном еще «не стертых» к середине XVI века «многих дефектов-реликтов киевской, владимирской и ордынско-удельной эпох, которые пришлось «кусать» и «выметать» опричнине… Опричнина до конца «дотёрла» удельную систему, устранив даже её следы; окончательно «переварила» Новгород и в значительной степени поставила под контроль церковь».

В политическом смысле опричнина была тем, что сейчас называется чрезвычайным или военным положением. Царю предоставлялось право без совета и приговора Боярской думы судить и казнить бояр, реквизировать их имущество, отправлять в ссылку и даже казнить. Освященный собор вкупе с Боярской думой утвердил эти особые полномочия.

Но ряд известных историков полагает, что опричнина была утверждена еще и Земским собором 1564–1565 гг. Как указывает в своей работе «Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв.» академик Л.В. Черепнин, такого мнения придерживаются Н.И. Костомаров, А.А. Зимин, С.О. Шмидт, Р.Г. Скрынников.

И. Таубе и Э. Крузе – свидетельства которых, в целом, заслуживают мало доверия, – сообщают о некоем «выступлении» царя «в большой палате» «в присутствии представителей всех чинов» в конце 1564 г. По Таубе и Крузе, царь заявил об отречении от престола и снял с себя «царскую корону, жезл и царское облачение». Сообщение Таубе и Крузе подтверждаются и другими исследователями, которые предполагают, что Собор мог открыться за две недели до даты отъезда Ивана Грозного из Москвы – 3 декабря 1564 года. Как утверждают немецкие авантюристы, «Через две недели Грозный «приказал всем духовным и светским чинам» явиться на митрополичье богослужение в Успенский собор. Выйдя из церкви, царь благословил собравшихся «первых лиц в государстве», сел с семьей в сани и уехал в Александрову слободу.

Как справедливо отмечает Черепнин, «Послание Таубе и Крузе – источник мутный, с неточными датами. Делать на его основе выводы трудно. Но он зафиксировал слухи о каких-то сословных совещаниях. Неизвестно, что за «чины» заседали в «большой палате», возможно, члены Боярской думы и «Освященного собора», т. е. высшие государственные и церковные сановники. Собрание в церкви было более широким (при прощании с царем присутствовали митрополит, архиепископы, архиереи, игумены, священники, монахи, высшие чиновники, военачальники, бояре, купцы). Очевидно, церковная служба, устроенная царем, была задумана им как политическая демонстрация перед сословиями. Если те, кто был на богослужении, присутствовали и на царском «совете», то это – представительное совещание соборного типа, сопровождаемое церковной церемонией.

В распоряжении исследователей – две версии об обстоятельствах отъезда царя из Москвы в Александрову слободу: одна (иностранная информация) говорит о предварительной подготовке; другая (летописная версия) утверждает, что Грозный покинул Москву неожиданно для населения. Так или иначе, сношения Грозного с населением Москвы происходили в формах обращения царя к сословиям. Но это не дает права говорить о деятельности в то время организованного земского собора.»

Однако неопровержимым фактом является обращение царя на протяжении всего политического кризиса 1564–1565 гг. не просто к сословным представителям, но непосредственно к народу.

3 января 1565 г. в Москву были доставлены Константином Поливановым две царских грамоты. В грамоте, посланной митрополиту, царь пишет о своем гневе и опале на

архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, бояр, дворецкого, конюшего, окольничих, казначеев, дьяков, детей боярских, приказных людей. Бояре и приказные люди обвинялись в злоупотреблениях властью, в пренебрежении государственной пользой, в своекорыстных поступках, духовенство – в заступничестве за них. Царь заканчивал свое послание словами: «не хотя их многих изменных дел терпети», он «оставил свое государьство и поехал, где вселитися, йде же его, государя, Бог наставит».

В послании (прочитанном дьяками Путилой Михайловым и Андреем Васильевым) «к гостем же, и х купцом, и ко всему православному крестиянству града Москвы» Иван IV заявляет, что на них он опалы и гнева не держит.

Л.В. Черепнин указывает, что для обсуждения царских грамот на митрополичьем дворе собрались не только представители всех сословий: «1) высшие церковные иерархи; 2) бояре, окольничие, дети боярские, приказные люди, «священнический и иноческий чин»; 3) «гости и купцы и все граждане града Москвы», но и простой народ («просто любопытствующие»). Их летопись обозначает словами «множество народа».

Таким образом, мы можем говорить о проявлении в условиях безвластия вечевых традиций (как добавляет Черепнин, «собрание сословий могло перейти в вечевую сходку») с одной стороны, и земской соборности – с другой.

Именно в результате давления веча и представителей (не совсем корректно говоря) третьего сословия, митрополит и бояре пошли на переговоры с царем. Причем в Александровскую слободу, где обосновался Иван Грозный после отъезда из Москвы, отправились две независимых делегации: от Освященного собора (новгородский архиепископ Пимен и архимандрита Чудова монастыря Левкий) и от Земского (представители всех трех вышеуказанных сословных групп).

С 5 января и, видимо, до начала февраля 1565 г. с делегатами из Москвы велись переговоры, как предполагается, об устройстве опричнины. Во всяком случае, царь выступал перед представителями сословий по этому вопросу дважды: в середине января в Александровской слободе, и в феврале – в Москве.

Указ был «опубликован», видимо, после возвращения Ивана Грозного в столицу 15 февраля (в описи Царского архива о нем говорится так: «…Указ, как государь приехал из Слободы, о опришнине») и утвержден Земским собором («Если он и был принят царем на заседании Боярской думы и «Освященного собора», то предварительно, вероятно, был согласован с земским собором» (Л.В. Черепнин) на царских условиях: «Архиепископы же

и епископы и архимандриты и игумены и весь Освященный собор, да и бояре и приказные люди то все положили на государьскои воле».

Л.В. Черепнин по поводу январско-февральского Земского собора 1565 г. пишет: «Трудно сказать, связан ли собор, сведения о котором относятся к январю 1565 г., с предшествующим обращением Грозного к сословиям в декабре 1564 г. С.О. Шмидт считает, что собор начал действовать не в 1565 г., а в 1564 г., но в декабре этого года его деятельность была прервана «и на дальнейших заседаниях собора царь не присутствовал» вплоть до февраля 1565 г., когда соборно был утвержден указ об опричнине. Однако и в эти месяцы царь, несомненно, оказывал какое-то влияние на деятельность собора.

Особенность Земского собора 1565 г. заключается в том, что он собрался не по инициативе царя, а по инициативе сословий, в отсутствие царя. Демонстративное заявление Грозного «духовным и светским чинам» о «передаче им своего правления», церковное молебствие и публичное «благословение народа» – это акты, еще не связанные с деятельностью Земского собора, но подготовившие для него почву.

Несмотря на недостаточность и неясность источниковедческой базы, имеются все основания утверждать, что отъезд Грозного из столицы вызвал активизацию действий сословных групп, причем отнюдь не стихийного характера, а в организованных формах собора. Этот собор, рожденный к жизни необходимостью решить основной государственный вопрос – о главе государства, нельзя назвать иначе как «земским» (Черепнин).

Земский собор 1564–1565 гг. обозначил окончание открытой политической борьбы между прежней боярско-княжеской элитой и новой, нарождающейся элитой – поместным дворянством, ставшим опорой «народной монархии» Ивана Грозного. Но эта политическая победа была бы невозможна без поддержки Земского собора «черным» народом, посадскими людьми и крестьянством.

Опричнина стала тем инструментом, который позволил Ивану Грозному осуществить на Руси революцию «сверху» – переход от Средних веков к Новому времени. Однако был у этого «инструмента» и чисто русский, православный аспект.

Чаще всего опричниной на Руси называлась вдовья часть земли, выделяемая из поместья погибшего служилого человека его вдове в виде своеобразной пенсии для пропитания и воспитания детей до их совершеннолетия. И не случайно царь Иоанн назвал свой удел также. Государь, впервые в русской

истории венчанный на царство по обрядам древних византийских императоров, собирался «развестись» с государством. Но муж с женой и царь с державой в православной Руси могли разлучиться только в том случае, если один из супругов умирал или уходил в монастырь. Последнее, видимо, и хотел сделать в 1565 г. разочаровавшийся в подданных царь.

Согласившись вернуться к власти, Иоанн отложил пострижение в монахи, но созданная им опричнина «многим походила на монастырское братство». Можно сказать, что это был военно-монашеский орден, предназначенный для защиты единства государства и чистоты веры. Александровская слобода была перестроена и являлась внешне и внутренне подобием монастыря. При поступлении на опричную службу давалась клятва, напоминавшая монастырский обет отречения от всего мирского.

Жизнь в этом мирском монастыре регламентировалась уставом, составленным лично Иоанном, и была строже, чем во многих настоящих монастырях. В полночь все вставали на полунощницу, в четыре утра – к заутрене, в восемь начиналась обедня. Царь показывал пример благочестия: сам звонил к заутрене, пел на клиросе, усердно молился, а во время общей трапезы читал вслух Священное Писание. В целом богослужение занимало около девяти часов в день.

Многие историки пытались и пытаются представить все это ханжеством, разбавленным кровавыми оргиями, но не могут подтвердить свои обвинения реальными фактами. Тем, кто твердит о ханжестве, предлагаем пожить «по-царски» хотя бы месяц, чтобы убедиться, что без глубокой веры подобный ритм жизни просто невозможен. А ведь Иоанн жил так годами!

Впрочем, для историков в данном случае факты не имеют ровно никакого значения. Когда речь идет о ненавистной им опричнине, они словно теряют способность к объективному анализу и разражаются в адрес Грозного филиппиками, ничуть не стесняясь подменять историческую истину домыслами а la Карамзин или Курбский.

Вот как описывал опричную жизнь царя Валишевский: «После всенощной в Александровской слободе Иван отправляется в свою опочивальню, где три слепых старика должны были усыплять его своими сказками. Кроме того, сидя у его изголовья, они, **вероятно** (здесь и далее выделено мой – *В.М.*), оберегали его от ночных видений и избавляли от тяжелого одиночества (как известно, цари в одиночестве не спали – при дворе была должность постельничего, спавшего в одном помещении с царем. В описываемое время постельничим был Дмитрий Годунов, дядя

будущего царя Бориса Годунова – *В.М.*). Днем государь имел другие развлечения. Не отправлялся **ли** он, **как говорили,** в застенок наслаждаться видом пыток, производимых по его приказанию? Не заменял **ли** он там палача? Не менялось **ли** тогда его мрачное и угрюмое лицо, не становился **ли** он веселее среди этих ужасов, не сливался **ли** его дикий хохот с криками жертвы? **Все могло быть.** Но государь развлекался и **менее кровавыми играми** скоморохов, фокусников и медвежатников».

И с помощью такого примитивного подлога формируется в общественном сознании образ Иоанна – «кровавого деспота»! Прочтите цитату еще раз, вдумайтесь. Сначала приводится известный факт: царь любил слушать на ночь сказочников. Затем нам намекают, что старички-рассказчики «вероятно» – да и кто может знать о том наверняка? – спасали царя от мук неспокойной совести. После таких намеков самое время объяснить происхождение этих мук. Не утруждая себя доказательствами, автор высыпает на читателя ворох домыслов о дневном времяпровождении царя, который, возможно, шел в застенок, возможно, наслаждался пытками, возможно, заменял там палача и, возможно, дико при этом хохотал. Ну а если не шел, не наслаждался, не заменял и даже не хохотал? Если ничего подобного не было? Автора это не волнует. Зачем доказательства? Все и так знают, что Иоанн был тираном. И просто сказав: «Все могло быть», – Валишевский уже говорит о «кровавых играх» как о доказанном факте, мельком упоминая, что царь, кроме пыток, развлекался и скоморохами.

Конечно, царю приходилось отдавать приказы о казнях. Иоанн управлял государством с 1538 г. по 1584 г., почти 46 лет. За это время было казнено 3–4 тысячи человек, т. е. меньше ста человек в год, **включая уголовных преступников.** Причем «периодическое возникновение широко разветвленных заговоров» не отрицает ни один уважающий себя историк.

Однако невозможно убедить некоторых отечественных и зарубежных исследователей взглянуть на документальные данные беспристрастно. Например, В.Б. Кобрин считает, что заговоров против царя не было, а имели место измышления иностранных мемуаристов, которые таким образом пытались показать «слабость» московского режима и убедить своих хозяев вести более активную антироссийскую политику.

Интересно получается: когда источники сообщают о боярских заговорах – это домыслы; когда пишут о гуманности Грозного – это снисходительность и лесть; зато, когда речь идет о «кровавых казнях» – любая ложь проходит «на ура» безо всяких доказательств. Но мемуары той эпохи так и пестрят рассказами о

бесчисленных интригах и изменах. Факты и документы – вещь упрямая, а они свидетельствуют, что против Грозного были составлены несколько следующих один за другим опасных заговоров, объединивших многочисленных участников из придворной среды.

Так в 1566–1567 гг. царем были перехвачены письма от польского короля и от литовского гетмана ко многим знатным подданным Иоанна. Среди них был и бывший конюший И.П. Челяднин-Федоров, чей чин делал его фактическим руководителем Боярской думы и давал ему право решающего голоса при выборах нового государя. Вместе с ним письма из Польши получили князь Иван Куракин-Булгачов, три князя Ростовских, князь И.Д. Бельский и некоторые другие бояре. Из них только Бельский не вступил с Сигизмундом в самостоятельную переписку и передал царю Иоанну письмо, в котором польский король предлагал князю Ивану Дмитриевичу обширные земли в Литве за измену русскому государю. Остальные адресаты Сигизмунда продолжили письменные сношения с Польшей и составили заговор, ставящий своей целью посадить на русский престол князя Владимира Старицкого.

Осенью 1567 г., когда Иоанн возглавил поход против Литвы, к нему в руки попали новые свидетельства измены. Царю пришлось срочно вернуться в Москву не только для следствия по делу изменников, но и для спасения собственной жизни: заговорщики предполагали с верными им воинскими отрядами окружить ставку царя, перебить опричную охрану и выдать Грозного полякам. Во главе мятежников встал Челяднин-Федоров, который, по словам Кобрина, был «знатный боярин, владелец обширных вотчин… один из немногих деятелей администрации того времени, который не брал взяток, человек безукоризненной честности». Сохранился отчет об этом заговоре политического агента польской короны А. Шлихтинга, в котором он сообщает королю Сигизмунду: «Много знатных лиц, приблизительно 30 человек… **письменно обязались** (выделено мной. – *В.М.*), что предали бы великого князя вместе с его опричниками в руки Вашего Королевского Величества, если бы только Ваше Королевское Величество двинулись на страну».

Видать, «неподкупному» Челяднину очень пришлась по вкусу мысль увеличить свои обширные владения за счет польских подачек, иначе с чего бы «безукоризненно честный» боярин решился на иудин грех и возглавил такое мерзкое дело?

Состоялся суд Боярской думы. Улики были неопровержимы: договор изменников с их подписями находился в руках у Иоанна. И бояре, и князь Владимир Старицкий, постаравшийся

отмежеваться от заговора, признали мятежников виновными. Историки, основываясь на записках германского шпиона Штадена, сообщают о казни Челяднина-Федорова, Ивана Куракина-Булгачова и князей Ростовских. Их всех, якобы, жестоко пытали и казнили. Насколько этому можно верить? Во всяком случае, из мемуаров Горсея известно, что князь Иван Куракин, второй по важности участник заговора, остался жив и, более того, в 1577 г., спустя десять лет, занимал важный пост воеводы г. Вендена. Осажденный поляками, он пьянствовал, забросив командование гарнизоном. Город был потерян для России, а князь-пьяница наконец казнен.

Показателен для историографии опричного периода казус с князьями Воротынскими. В исторической литературе упоминаются три брата Воротынских: Михаил Иванович, Александр Иванович и Владимир Иванович. У некоторых авторов все трое слились в одну «образцово-показательную жертву деспотии», чей ужасный конец, как всегда красочно, описал Карамзин: «Первый из воевод российских, первый слуга государев – тот, кто в славнейший час Иоанновой жизни прислал сказать ему: «Казань наша»; кто уже гонимый, уже знаменованный опалою, бесчестием ссылки и темницы, сокрушил ханскую силу на берегах Лопасни и еще принудил царя изъявить ему благодарность за спасение Москвы – князь Михаил Воротынский, через десять месяцев после своего торжества был предан на смертную муку, обвиняемый рабом его в чародействе и в умысле извести царя… Мужа славы и доблести привели к царю окованного… Иоанн, доселе щадив жизнь сего последнего из верных друзей Адашева как бы для того, чтобы иметь хотя бы одного победоносного воеводу на случай чрезвычайной опасности. Опасность миновала – и шестидесятилетнего героя связанного положили на дерево между двумя огнями; жгли, мучили. Уверяют, что сам Иоанн кровавым жезлом своим пригребал пылающие уголья к телу страдальца. Изожженного, едва дышащего, взяли и повезли Воротынского на Белоозеро. Он скончался в пути. Знаменитый прах его лежит в обители святого Кирилла. «О муж великий! – пишет несчастный (!? – *В.М.*) Курбский. – Муж крепкий душою и разумом! Священна, незабвенна память твоя в мире! Ты служил отечеству неблагодарному, где доблесть губит и слава безмолвствует…».

Так и тянет спросить: а судьи кто? Изменник Курбский, натравивший на Россию поляков, поднявший уже усмиренного Иоанном крымского хана Девлет-Гирея на новые разбойничьи набеги, с которыми и пришлось бороться Михаилу Воротынскому. Как посмел ренегат, продавший Отечество за 4000 десятин

ляшской земли, написать о России такие слова? Впрочем, удивляться нечему: и сейчас достаточно желающих списать свои подлости на счет «этой страны». И все же удивляет: как мог умный и опытный Карамзин поверить изменнику?

Подлинная жизнь М. Воротынского прошла иначе. Начнем с конца: в Кирилло-Белозерском монастыре лежит прах не Михаила, а Владимира Воротынского. Над его могилой вдова даже воздвигла храм. Владимир попал в монастырь еще в 1562 г., когда его братьев Михайла и Александра постигла опала. Но историки не утруждали себя поисками истины, а сочиняли мифы о «царстве террора» и потому Александр и Владимир были забыты, а все «шишки» достались наиболее знаменитому из братьев – Михаилу, с которым произошли самые невероятные приключения.

Если верить корифеям исторической науки, повторяющим побасенки Курбского, то в 1560 г. Михаил сослан в Белоозеро, но в 1565 г. вызван оттуда и, по словам Курбского, был подвергнут пытке. Его жгли на медленном огне, а царь, разумеется, лично подгребал под него горячие угли своим посохом. После этого Воротынский будто бы умер на обратной дороге в Белоозеро (Валишевский). Однако вскоре «замученный до смерти» князь получает во владение город Стародуб-Ряполовский (С.Ф. Платонов) и одновременно шлет царю из монастырского заточения письмо, в котором жалуется на то, что ему, его семье и 12 слугам не присылают полагающихся от казны рейнских и французских вин, свежей рыбы, изюма, чернослива и лимонов (Валишевский). В 1571 г. Михаил неожиданно меняет монастырскую келью на кресло председателя комиссии по реорганизации обороны южных границ, побеждает в июле 1572 г. крымцев при Молодях (Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.), а в апреле 1573 г. его вторично, и опять же собственноручно, поджаривает Иоанн (Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.). И в довершение всех нелепиц, через год после своей второй смерти Михаил подписывает 16 февраля 1574 г. новый устав сторожевой службы (Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.)! Причем два последних, взаимоисключающих факта сообщаются в работе известных советских историков Зимина и Хорошкевич «Россия времени Ивана Грозного»; правда, последняя дата, скорее всего, результат невнимательности авторов и редакторов.

Из всего вышеизложенного ясно, что «исследователи» слегка переусердствовали в своем стремлении приписать Иоанну еще одно злодейство. Воротынский, в отличие от Курбского, был действительно выдающимся государственным деятелем и военачальником и на протяжении всей своей жизни оставался

верен царю. Судя по многочисленным противоречиям в данных различных историков, едва ли даже половина описываемых ими событий произошла в действительности. Понятно, что письмо о рыбе и лимонах написал Владимир Воротынский, благополучно и комфортабельно проживший у монастырских стен более десяти лет и скончавшийся в окружении родных и многочисленных слуг, тогда как Михаил провел эти годы, занимаясь активной политической деятельностью и участвуя в военных походах. Само собой разумеется, что если бы Михаил был замучен Иоанном в 1565 г., то он не смог бы одержать победу в 1572 г. Как только историки это сообразили, они отодвинули дату его смерти на 1573 г. Теперь им, видимо, следует задуматься над тем, как объяснить подпись, поставленную в феврале 1574 г. Но разве можно после этого верить описаниям пыток, которым, якобы, был подвергнут М. Воротынский?

Клевета коснулась не только взаимоотношений Иоанна с отдельными личностями, в искаженном виде представлялись многие значительные исторические события того времени.

Так, к весне 1571 г. стало известно, что крымцы готовят большой набег. Пять земских полков и один опричный встали на берегах Оки. Побыв некоторое время с войсками, царь отъехал вглубь страны. Историки не преминули вслед за Курбским и иностранцами обвинить царя в трусости. «Царь бежал! – причитает Карамзин, – в Коломну, оттуда в Слободу, мимо несчастной Москвы; из Слободы к Ярославлю, чтобы спастися от неприятеля, **спастися от изменников** (выделено мной. – *В.М.*) …».

Еще больше интересных и, главное, одному ему известных подробностей приводит Горсей: «Когда враг приблизился к великому городу Москве, русский царь бежал в день Вознесения с двумя сыновьями, богатством, двором, слугами и личной охраной в 200 000 стрелков».

Опять мы видим противоречия в данных историков. Если у Карамзина царь «бежит» мимо Москвы, то у Горсея из Москвы – с казною, придворными и детьми. И почему отъезд Иоанна из столицы ставится ему в вину? Никому не приходит в голову обвинять в трусости Великого князя Георгия, бежавшего из осажденного Батыем Владимира на Сить для сбора войск. А там последствия были гораздо тяжелее: не только полная гибель города со всеми гражданами, но и 240-летнее татарское иго. Однако что для Георгия историки считают государственной необходимостью, то для Иоанна Грозного, по их мнению, – преступная трусость.

В реальности же дело происходило так: в начале мая 1571 г.

разведка доложила, что татар не видно и набег, скорее всего, откладывается. Поэтому царь счел возможным 16 мая вернуться в столицу. Иоанн не знал, что в это время от 120 до 200 тысяч крымцев уже подходили к границе Руси. Но шли они не привычной дорогой, а тайными путями, в обход сторожевых застав. Их вели изменники под предводительством Кудеяра Тишенкова.

23 мая – через неделю после отъезда царя! – Девлет-Гирей неожиданно вышел к Оке и переправился там, где его не ждали, в неохраняемом месте, причем «благодаря тайным осведомителям» – высокопоставленным изменникам в русских рядах. Об измене говорит и то, что пока татары переправлялись, русское войско, пять земских полков – 120 000 человек – не сдвинулись с места и не пытались препятствовать переправе, ссылаясь на царский приказ не покидать предназначенных для охраны рубежей.

Только опричный полк под командой Я.Ф. Волынского встал на пути у татар. Но число смельчаков не превышало 6000 человек и они были просто сметены 100-тысячной Ордой. Дождавшись, пока татары закончат переправу и уйдут к Москве, земские храбрецы, так и не сделав ни единого выстрела, снялись с позиций и поспешно бежали в столице. Царь, узнав о случившемся и прекрасно понимая, что причиною такого положения дел является не только преступная халатность земских воевод Бельского и Мстиславского, но и прямая измена, был вынужден покинуть Москву и уж, конечно, не с двумя сотнями тысяч, а хорошо, если с двумястами опричниками. Для организации обороны города царь оставил весь резерв во главе с М.И. Вороным-Волынским.

Земские полки, бежавшие от Оки, вместо того, чтобы встретить врага в чистом поле, поспешно сели в осаду среди деревянных московских посадов. На другой день, 24 мая, татары зажгли предместья. Пожар был ужасен. Армия погибла в огне, воевода И.Д. Бельский задохнулся в подвале дома, где пытался спрятаться, комендант Москвы Вороной-Волынсков сгорел, самоотверженно пытаясь спасти Опричный двор. Татары, переловив разбегавшихся из пламени жителей, ушли восвояси.

Карамзин и иноземные мемуаристы объявили о 800 тысячах погибших и о 150 тысячах пленных. Цифры совершенно несуразные, даже если предположить, что в Москву собралось все окрестное население. Сами крымцы, сообщая о победе своим союзникам Сигизмунду и Курбскому, писали о 60 000 убитых и таком же количестве пленных. Сразу же после набега были казнены князь М. Черкасский, не сумевший провести в срок

мобилизацию всех опричных войск для отпора крымцам, и князь В.И. Темкин-Ростовский, ответственный за организацию обороны столицы. Князь Мстиславский, письменно признавший свою ответственность за поражение, был прощен благодаря ходатайству митрополита Кирилла.

Как руководитель, Иоанн сделал верные выводы из поражения 1571 года. Комиссия М. Воротынского разработала эффективный план защиты южных рубежей, в соответствии с которым «в 70-х годах XVI века правительство обставило степь цепью острогов… и под ее защитой крестьяне осмелились вторгнуться в области, бывшие доселе вотчиной кочевников». Засечная черта представляла из себя мощный комплекс оборонительных сооружений, протянувшихся на сотни километров в длину, и состояла из крепостей, острогов, сторожевых башен, валов, рвов, засек и прочих инженерных сооружений того времени, защитивших территорию государства от неожиданных нападений татарской конницы. Некоторые валы достигали в высоту 15 метров (пятиэтажный дом). По грандиозности эту засечную черту можно сравнить с Китайской стеной. Только выполнена Великая Русская стена была из земли и дерева, и потому до сегодняшнего дня от нее сохранились лишь незначительные фрагменты.

Грозный царь, реформировав оборону южной границы, преподнес землепашцам поистине царский подарок – плодороднейшие черноземные степи, а также (и это еще важнее!) избавил людей от страха перед татарским рабством, за что народ поминал его добрым словом не одно десятилетие. С того времени сила крымской Орды стала убывать, а созданная царем Иоанном и его соратниками система обороны прослужила России более ста лет – до Петра I.

Но Грозный в качестве талантливого государственного деятеля совсем не устраивал его «биографов». Они творили образ деспота на троне и в соответствии с такой задачей интерпретировали все его действия.

В 1580 г. царь провел полицейскую операцию, положившую конец благополучию немецкой слободы.

Враждебные России зарубежные силы тут же воспользовались этим для очередной пропагандистской атаки на Грозного. Так, например, одиозный померанский историк пастор Одерборн описывает события в мрачных и кровавых тонах: по его словам, царь, оба его старших сына Иван и Федор (святой благоверный царь Феодор Иоаннович, канонизирован Русской Православной Церковью), опричники, все в черных одеждах, в полночь ворвались в мирно спящую слободу, убивали невинных жителей,

насиловали женщин, отрезали языки, вырывали ногти, протыкали людей добела раскаленными копьями, жгли, топили и грабили. Правда, поляк Валишевский считает, что данные лютеранского пастора абсолютно недостоверны. Надо добавить, что Одерборн писал свой пасквиль в Германии, очевидцем событий не был и испытывал к Иоанну ярко выраженную неприязнь за то, что царь не захотел поддержать протестантов в их борьбе с католическим Римом.

Совсем по иному описывает это событие француз Жак Маржерет, много лет проживший в России: «Ливонцы, которые были взяты в плен и выведены в Москву (не те ли, которых «забили» железными палками? – *В.М.*), исповедующие лютеранскую веру, получив два храма внутри города Москвы, отправляли там публично службу; но в конце концов, из-за их гордости и тщеславия сказанные храмы… были разрушены и все их дома были разорены. И, хотя зимой они были изгнаны нагими, в чем мать родила, они не могли винить в этом никого кроме себя, ибо… они вели себя столь высокомерно, их манеры были столь надменны, а их одежды – столь роскошны, что их всех можно было принять за принцев и принцесс… Основной барыш им давало право продавать водку, мед и иные напитки, на чем они наживают не 10 %, а сотню, что покажется невероятным, однако же это правда».

Подобные же данные приводит и немецкий купец из города Любека, не просто очевидец, но и участник событий. Он сообщает, что хотя было приказано только конфисковать имущество, исполнители все же применяли плеть, так что досталось и ему Однако, как и Маржерет, купец не говорит ни об убийствах, ни об изнасилованиях, ни о пытках.

Но в чем же была вина ливонцев, лишившихся в одночасье своих имений и барышей?

Генрих Штаден, не питающий любви к России, сообщает, что русским запрещено торговать водкой и этот промысел считается у них большим позором, тогда как иностранцам царь позволяет держать во дворе своего дома кабак и торговать спиртным, так как «иноземные солдаты – поляки, немцы, литовцы… по природе своей любят пьянствовать». Данную фразу можно дополнить словами иезуита и члена папского посольства Дж. Паоло Компани: «Закон запрещает продавать водку публично в харчевнях, так как это способствовало бы распространению пьянства». Таким образом, становится ясно, что ливонские переселенцы, получив право изготовлять и продавать водку своим соотечественникам, злоупотребили своими привилегиями и «стали развращать в своих кабаках русских».

Как бы не возмущались платные агитаторы Стефана Батория и их современные адепты, факт остается фактом: ливонцы нарушили московское законодательство и понесли полагающееся по закону наказание. Михалон Литвин писал, что «в Московии нет нигде шинков, и если у какого-нибудь домохозяина найдут хоть каплю вина, то весь его дом разоряется, имение конфискуется, прислуга и соседи, живущие на той же улице, наказываются, а сам хозяин навсегда сажается в тюрьму… Так как московитяне воздерживаются от пьянства, то города их изобилуют прилежными в разных родах мастерами, которые, посылая нам деревянные чаши… седла, копья, украшения и различное оружие, грабят у нас золото».

Конечно, царь и митрополит встревожились, когда узнали, что в немецкой слободе спаивают их трудолюбивых подданных. Но никаких беззаконий не было, наказание соответствовало закону, основные положения которого приводятся у Михалона Литвина: дома преступников разорили; имущество конфисковали; прислуга и соседи были наказаны плетьми; им даже было оказано снисхождение – ливонцев не заключили пожизненно в тюрьму, как полагалось по закону, а только выселили за город и разрешили построить там дома и церковь. Достаточно гуманно для времен, когда в Англии каждые семь лет в жертву суевериям приносили невинных людей.

Поцелуй Иуды

Рассказ об «ужаснейших исступлениях Иоанновой ярости» (Карамзин) придется начать издалека, с еще одной цитаты из Карамзина: «Иоанн карал невинных; а виновный, действительно виновный, стоял перед тираном: тот, кто в противность закону хотел быть на троне, не слушался болящего царя, радовался мыслию об его скорой смерти, подкупал вельмож и воинов на измену – князь Владимир Андреевич».

Имел ли право «русский Тацит» на такие слова? Несомненно.

Противостояние Старицких князей с Москвой имело давнюю историю. Еще в 1537 году князь Андрей Старицкий, отец Владимира и дядя Грозного, поднял совместно с новгородцами мятеж против семилетнего Иоанна. Сам Владимир Андреевич оказался достойным продолжателем «трудов» отца. В марте 1553 г. ему оставался шаг до трона. Шаг через младенца-наследника. Трудно в полной мере оценить великодушие Иоанна, простившего брату покушение на своего первенца. Более того, в 1554 г. царь назначил князя Владимира опекуном своего второго сына – Ивана. Во время военных действий Владимир Андреевич неоднократно командовал русскими войсками. Словом, все, что царь делал для своего двоюродного брата, укрепляло реальное положение Старицкого князя.

И вдруг в 1563 г. Иоанн узнает от служившего в Старице дьяка Савлука Иванова о новых «великих изменных делах» Владимира и его матери, княгини Ефросинии. Царь начал следствие, и вскоре после того в Литву бежал Андрей Курбский, близкий друг Старицкого, его семейства и активный участник всех его интриг. В то же время умирает родной брат царя Иоанна, Юрий Васильевич. Это приближает Владимира Старицкого вплотную к трону.

Царь вынужден был принять ряд мер для обеспечения собственной безопасности. Он заменяет всех ближних людей Владимира Андреевича на своих доверенных лиц, обменивает его удел на другой и лишает двоюродного брата права жить в Кремле. Иоанн составляет новое завещание, по которому Владимир Андреевич хотя и остается в опекунском совете, но уже рядовым членом, а не председателем, как раньше. Такие меры нельзя назвать даже суровыми, они были просто адекватной реакцией на опасность.

Уже в 1566 г. отходчивый царь прощает брата и жалует его новыми владениями и местом в Кремле для постройки дворца. Когда в 1567 г. Владимир вместе с Боярской Думой вынес

обвинительный приговор Федорову-Челяднину и остальным своим тайным сообщникам, доверие к нему Иоанна возросло еще больше. Весной 1569 г. царь поручил ему командование армией, отправленной на защиту Астрахани.

Однако в конце лета того же года близкий двору Старицкого князя новгородский помещик Петр Иванович Волынский, которого Карамзин в своей «Истории» почему-то упорно называет бродягой, сообщает царю о новом заговоре такого масштаба, что Иоанн в страхе обратился к Елизавете Английской с просьбой о предоставлении ему, в крайнем случае, убежища на берегах Темзы.

Суть заговора, вкратце, такова: подкупленный князем Старицким царский повар отравляет Иоанна ядом, в то время как сам князь Владимир, возвращаясь из похода, имеет в своем распоряжении значительные воинские силы. С их помощью он уничтожает опричные отряды, свергает малолетнего наследника и захватывает престол. В этом ему помогают заговорщики в Москве, в том числе и из высших опричных кругов, а также боярская верхушка Новгорода и польский король.

После победы участники заговора планировали поделить шкуру русского медведя следующим образом: князь Владимир получал трон, Польша – Псков и Новгород, а новгородская знать – вольности польских магнатов. Надо иметь в виду, что если бы события стали развиваться по такому сценарию, то Астрахань, с трудом удерживаемая Россией, безусловно, отошла бы к Турции, это поставило бы под удар Казань, а вместе с тем – и присоединение Сибири. Российская империя загонялась в рамки Московии XIV века и Европа могла праздновать победу.

Многие историки голословно объявили заговор фикцией, но Валишевский утверждает, что Владимир Андреевич действительно состоял в преступных переговорах с Сигизмундом, и в Новгороде был найден текст договора изменников с Польшей, на котором стояли подлинные подписи архиепископа новгородского Пимена и многих именитых новгородских граждан. Было установлено участие в заговоре близких к царю московских бояр и чиновников: Вяземского, Басмановых, Фуникова и дьяка Висковатого.

В конце сентября 1569 г. царь вызвал к себе Владимира Старицкого, после чего, по словам Валишевского, князь навсегда исчезает из поля зрения историков: «Был ли он задушен, обезглавлен или отравлен ядом… – неизвестно, свидетельства не согласуются». Поэтому каждый историк получил возможность по своему вкусу описать его кончину. Ливонские проходимцы Таубе и Крузе сообщают, что **вся** семья князя Владимира была

полностью уничтожена. Карамзин, склоняясь к их версии, все же исключает дочерей из числа жертв, но красочно описывает смерть **двух** сыновей и супруги князя. У Кобрина выпили яд сам Владимир, его жена и дочь. А вот Костомаров на сей раз проявил благодушие и ограничился двумя жертвами, князем и его женой, справедливо заметив, что **единственный** (так все же два сына или один? – *В.М.*) сын и две дочери Владимира были живы через несколько лет после описываемых событий.

На самом деле известно, что в 1573 г. царь вернул сыну князя Владимира, Василию, отцовский удел, а дочь, Мария Владимировна, в мае 1570 г. стала супругой герцога Магнуса. Остается только сожалеть о том, что эти общеизвестные факты оказались «тайной» для большинства исследователей. Странно, что даже такой выдающийся религиозный философ XX века, как Г.П. Федотов пишет: «Князь (Владимир Андреевич Старицкий – *В.М.*) погиб (был отравлен) с женой и со **всем** семейством…». Ведь смог же бесхитростный бытописатель русских святынь А.Н. Муравьев увидеть в древних стенах Успенского собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры гробницы дочери князя Владимира Марии и его внучки, «жертв властолюбия Годунова», но никак не Иоанна Грозного. Кто помешал Федотову взглянуть на эти могилы и узнать даты смерти покоящихся в них, остается загадкой.

Что касается матери Владимира Старицкого, княгини Ефросинии, то по Курбскому, ее взяли из монастыря, где она жила с 1563 г., и утопили в реке, по Кобрину – удушили дымом в судной избе, а у Зимина судная изба трансформировалась в судно, плывущее по Шексне, на котором княгиню так же душат дымом. Непонятно только: если хотели убить, то зачем увозить, а если все же повезли, то зачем убивать? И как могли на лодке (а что еще могло плыть по Шексне?) удушить дымом, не проще ли уж было утопить? По словам Карамзина, княгиню утопили вместе с царской невесткой Александрой, а Кобрин, не мелочась, добавляет еще 12 утопленных монахинь, хотя на той же странице говорил об удушении дымом. Из всей этой разноголосицы ясно одно: никто ничего толком не знает, но каждый стремится добавить еще одну-другую леденящую кровь сцену в историческую драму.

Среди прочих документов заслуживает особого внимания скромное – без пыток и убийств – описание данного эпизода Д. Горсеем: «Иван послал за этим братом в провинцию Вагу; он считал его своим соперником… Когда князь Андрей (ошибка Горсея: не Андрей, а Владимир – *В.М.*) явился в его присутствие и кланялся ему в ноги, то Иван поднял его и поцеловал. «О!

жестокий брат, – сказал тот со слезами. – Это Иудин поцелуй, ты послал за мною не на добрый конец. Делай свое!» И с этими словами ушел. На другой день он скончался и был торжественно похоронен в Михайловском соборе в Москве».

Горсей не пишет «его убили», а «он скончался». Князь Старицкий не растерзан опричниками при встрече с царем, как описывают историки вслед за Курбским, Таубе и Крузе, он уходит после царского приема и умирает на другой день. Похоже, что здесь фраза об Иудином поцелуе явно сменила хозяина: Иуда предавал, а не казнил. Князь Владимир в таком случае мог бы вспомнить о Каине-братоубийце. А вот об Иуде мог сказать преданный братом царь Иоанн, любивший, кстати, украшать свою речь цитатами из Священного Писания. Тогда все встает на свои места: вызванный царем Владимир целует при встрече брата. Иоанн, не упоминая вслух о заговоре, оставляя Владимиру возможность раскаяться, говорит, что это Иудин поцелуй и тем дает понять князю Старицкому, что его заговор раскрыт: предательство брата известно ему, Иоанну, как было известно предательство Иуды Господу нашему Иисусу Христу. Тут явная для человека того времени аналогия: Иуда предал Царя Небесного, Владимир предал царя земного, «живую икону Царя Небесного».

Иуда, как известно, осознав свою вину, повесился. Князь Старицкий, поняв, что его измена открыта, уходит с царского приема и кончает жизнь самоубийством, скорее всего, с помощью того самого яда, о котором так часто упоминают историки. Но Иоанн опять прощает его, так как по-христиански не испытывает к нему личной вражды и торжественно погребает в родовой усыпальнице. Об уничтожении семьи у Горсея нет и речи. Ему не приходит в голову говорить о смерти детей Владимира, которых он мог видеть и после описываемых событий, а дочь Владимира Старицкого, Марию, лично вывез почти двадцать лет спустя из Ливонии на Русь.

Итак, заговор был обезглавлен, но еще не уничтожен. Однако прежде чем вместе с Грозным двинуться к Новгороду, необходимо сделать небольшое отступление, без которого этот обзор не будет полным.

Смерть митрополита

«В Твери, в уединенной тесной келии Отроча монастыря еще дышал святой старец Филипп, молясь… Господу о смягчении Иоаннова сердца: тиран не забыл сего сверженного им митрополита и послал к нему своего любимца Малюту Скуратова, будто бы для того, чтобы взять у него благословение. Старец ответствовал, что благословляют только добрых и на доброе. Угадывая вину посольства, он с кротостию промолвил: «Я давно ожидаю смерти; да исполнится воля государева!» Она исполнилась: гнусный Скуратов задушил святого мужа, но, желая скрыть убийство, объявил игумену и братии, что Филипп умер от несносного жара в его келии» – так писал Карамзин о смерти митрополита Филиппа.

Те, кто обвинял и обвиняет Иоанна Грозного в убийстве свт. Филиппа (хотя, с их стороны, правильнее было бы говорить о приказе убить святого), ссылаются на насколько «первоисточников» – на летописи, воспоминания Таубе и Крузе, сочинения князя Курбского и соловецкое «Житие».

Следует сказать, что все без исключения составители этих документов являлись политическими противниками царя, и потому необходимо критическое отношение к данным источникам. Тем более что составлены они были много лет спустя после описываемых в них событий.

Так, Новгородская третья летопись, под летом 7077 сообщая об удушении свт. Филиппа, называет его «всея Русин чудотворцем», то есть летописец говорит о нем, как об уже канонизированном святом. Это свидетельствует о том, что летописная запись составлена несколько десятилетий спустя после смерти св. Филиппа. Мазуринская летопись за 1570 год, сообщая о его смерти, прямо ссылается на соловецкое «Житие», которое было составлено не ранее самого конца XVI века, а то и в начале XVII века. Разница между событием и летописной записью составляет 30–40 лет! Это все равно, как если бы написанную в 1993 году биографию Сталина через 400 лет стали бы выдавать за непререкаемое историческое свидетельство.

Что касается «Мемуаров» Таубе и Крузе, то они многословны и подробны, но их явно клеветнический характер выводит их за скобки достоверных источников. Серьезные научные исследователи не считают их таковыми. Так, ведущий специалист по русской истории того периода, Р.Г. Скрынников отмечает: «Очевидцы событий, Таубе и Крузе, составили через четыре года после суда пространный, но весьма тенденциозный отчет о

событиях». Кроме того, нравственный облик этих политических проходимцев, запятнавших себя многочисленными изменами, лишает их права быть свидетелями на суде истории, да и на любом другом суде.

То же можно сказать и о князе Андрее Курбском. Будучи командующим русскими войсками в Ливонии, он вступил в сговор с польским королем Сигизмундом, и изменил во время боевых действий. Получил за предательство награду землями и крепостными в Литве. Лично командовал военными действиями против России. Польско-литовские и татарские отряды под его командованием не только воевали русскую землю, но и разрушали православные храмы, что он сам не отрицает в своих письмах к Царю (оговаривая только свое личное неучастие в святотатстве). Как источник информации о событиях в России после 1564 года он не достоверен не только в силу своего резко негативного отношения к государю, но и просто потому, что жил на территории другой страны и не был очевидцем событий. Практически на каждой странице его сочинений встречаются «ошибки» и «неточности», большинство из которых является преднамеренной клеветой.

Как ни прискорбно, но и «Житие» митрополита Филиппа вызывает множество вопросов. Оно было написано противниками царя Иоанна примерно 35 лет спустя после кончины святителя, и содержит много фактографических ошибок. Р.Г. Скрынников указывает на то, что «Житие митрополита Филиппа» было написано… в 90-х годах XVI века в Соловецком монастыре. Авторы его не были очевидцами описываемых событий, но использовали воспоминания живых свидетелей: старца Симеона (Семена Кобылина), бывшего пристава у Ф. Колычева и соловецких монахов, ездивших в Москву во время суда над Филиппом».

Таким образом, «Житие» составлялось: 1) со слов монахов, оклеветавших святого; именно их клеветнические показания сыграли решающую роль в неправедном осуждении митрополита Филиппа Освященным Собором Русской Православной церкви; 2) со слов бывшего пристава Семена Кобылина, охранявшего святого в Отрочьем монастыре и не выполнившего своих прямых обязанностей, а быть может, и замешанного в убийстве. Разумно ли принимать слова таких людей на веру, даже если их слова приняли форму жития? Вполне понятно отношение этих людей к государю, их желание выгородить себя и подставить других.

Составленный клеветниками и обвинителями митрополита Филиппа текст жития содержит множество странностей. Он «давно ставил исследователей в тупик своей путаностью и

обилием ошибок» (Скрынников).

Например, житие рассказывает, как царь послал уже сведенному с кафедры, но еще находящемуся в Москве святому отрубленную голову его брата, Михаила Ивановича. Но окольничий М.И. Колычев умер в 1571 году, спустя три года после описываемых событий. В других изданиях жития, там, где переписчики заметили эту несуразность, брат заменяется племянником святителя.

Вызывает удивление и то, что житие подробно передает разговор Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского (Малюты) и ев. Филиппа, а также рассказывает о том, как он якобы убил святого узника, хотя сами же авторы текста «Жития» утверждают: «**никто не был свидетелем** того, что произошло между ними».

На недостоверность данного эпизода указывают как светские, так и православные исследователи. Так, Г.П. Федотов, давая оценку приводимых в «Житии» диалогов, указывает на то, что речь ев. Филиппа «драгоценна для нас **не как точная запись** слов святителя, но как идеальный диалог… так как она **не носит характера подлинности**». И добавляет, что слишком многое в этих памятных словах принадлежит красноречивому перу историка Карамзина.

Выгораживая себя, составители «Жития» указывают заказчиков клеветы на святого Филиппа, которыми являлись «злобы пособницы Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский, сиггел Благовещенский Евстафий». Последний, духовник царя, был «нашептывателем» против ев. Филиппа перед царем: «Непрестанно яве и тайно нося речи неподобныя царю на ев. Филиппа». Об архиепископе Пимене «Житие» говорит, что он, первый после митрополита иерарх русской церкви, мечтал «восхитить его престол». Чтобы осудить и низложить св. Филиппа, они провели свой «собор», который, по словам Карташева, стал «позорнейшим из всех, какие только были на протяжении русской церковной истории».

Таким образом, имена врагов святого Филиппа, как клеветавших на него, так и заказавших клевету и осудивших его, хорошо известны. Что касается отношения государя к св. Филиппу, то из «Жития» становится ясно, что царь был обманут. Как только он убедился, «яко лукавством належаша на святого», то сразу подверг клеветников опале и ссылке. Святитель Димитрий Ростовский, составитель последнего канонически безупречного текста Четьих Миней, не упоминает о том, что царь как-либо причастен к кончине митрополита. Кроме того, Курбский указывал, что царь «аки бы посылал до него (митрополита Филиппа – *В.М.*) и просил благословения его,

также и **о возвращении на престол его**». То есть обращался с просьбой вернуться на митрополию. Не с этой ли просьбой и отправился к святителю Малюта?

Можно сделать вывод, что источники, «свидетельствующие» об убиении свт. Филиппа Скуратовым-Бельским по приказу царя, составлены во враждебном царю окружении, причем много лет спустя после описываемых событий. Их составители пишут с чужих слов, испытывают ярко выраженное неприятие проводимой московским правительством политики централизации и охотно повторяют слухи, порочащие московских государей. Эти первоисточники слишком предвзяты и ненадежны. Притом сами факты – суд над святителем по наущению ряда высших иерархов Церкви, лишение его сана, ссылка и мученическая кончина – не подвергаются автором данных строк ни малейшему сомнению.

Однако обвинение царя Иоанна Грозного в том, что все это совершилось по его прямому повелению, не имеет под собой никаких серьезных оснований. Для выявления истины необходимо непредвзятое и серьезное научное исследование. Более того, необходимо провести анализ мощей свт. Филиппа на содержание яда. Нисколько не удивлюсь, если яд будет обнаружен, и это будет тот же яд, которым отравили царя Иоанна Васильевича и почти всю царскую семью.

Кроме того, при ознакомлении с подробностями убийства неизбежно возникает вопрос: а для чего, собственно, Грозный приказал убить св. Филиппа? Конечно, если априори признать жестокость Иоанна, то других доказательств и не надо. Но на суде истории хотелось бы иметь улики повесомей. Древние в таких случаях спрашивали: кому выгодно?

Имена недругов святителя хорошо известны и упоминались выше. Это новгородский архиепископ Пимен – второе лицо в заговоре 1569 г., епископы Пафнутий Суздальский и Филофей Рязанский, а так же их многочисленные клевреты. Еще при поставлений святителя на митрополию в 1566 г. они «просили царя об утолении (!) его гнева на Филиппа». Иоанн же, напротив, гнева на нового митрополита не имел, даже когда тот просил его за опальных новгородцев или обличал недостатки правления. Царь еще более желал видеть на московской кафедре человека, знакомого ему с детства, прославленного честностью и святостью. Для тщеславных и честолюбивых интриганов избрание Филиппа было равно катастрофе. Как указывает митрополит Иоанн (Снычев) в своей книге «Самодержавие духа», после раскрытия заговора Федорова-Челяднина (1567 г.) митрополит Филипп выступил в поддержку державной политики царя и публично обличал сочувствовавших заговорщикам епископов. Это убедило

их, что новый заговор не будет иметь успеха, так как даже в случае ликвидации Грозного царя, изменникам придется столкнуться с митрополитом, стоящим на страже интересов Отечества. Поэтому они взяли курс на устранение ев. Филиппа с кафедры.

Сначала интриганы попытались вбить между святителем и царем клин клеветы. Орудием послужил царский духовник, который, как уже говорилось выше, «явно и тайно носил речи неподобные Иоанну на Филиппа». А Филиппу лгали на Иоанна. Но эта попытка не удалась, так как царь и митрополит еще в 1566 г. письменно разграничили сферы влияния: один не вмешивался в церковное управление, а другой не касался государственных дел. Когда святого обвинили в политической неблагонадежности, Иоанн просто не поверил интриганам и потребовал фактических доказательств, которых у заговорщиков, естественно, не было.

Тогда владыки новгородский, рязанский и суздальский заключили с высокопоставленными опричниками-аристократами союз против Филиппа. К делу подключились бояре Алексей и Федор Басмановы. Заговорщики сменили тактику. Для поисков компромата в Соловецкий монастырь направилась комиссия под руководством Пафнутия и опричника князя Темкин-Ростовского. Игумен монастыря Паисий, которому был обещан епископский сан за клевету на своего учителя и девять монахов, подкупленные и запуганные, дали нужные показания. Остальное было делом техники.

В ноябре 1568 года епископы-заговорщики собрали собор. Приговор собора, как и многие другие документы того времени, впоследствии был «утерян». Но известно, что особенно яростно «обличал» святого архиепископ Пимен, надеявшийся стать митрополитом. Надо особо отметить, что «царь не вмешивался в решения собора, и противникам Филиппа пришлось самим обращаться к царю».

Известный православный агиограф начала XX века Г.П. Федотов, несмотря на всю свою предубежденность против царя, отметил: «Святому исповеднику выпало испить всю чашу горечи: быть осужденным не произволом тирана, а собором русской церкви и оклеветанным своими духовными детьми». Из этого видно, что Иоанн добросовестно соблюдал подписанное соглашение о разграничении сфер деятельности церковной и светской власти. Царь пытался защитить святителя, но не мог нарушить соборного постановления. Свергнутый митрополит был арестован лично участником заговора А. Басмановым и заточен в Тверской Отрочь монастырь под надзор еще одного заговорщика,

«пристава неблагодарна» Стефана Кобылина.

Изменник Курбский откликнулся на событие очередной клеветой. «Кто слыхал зде, епископа от мирских судима и испытуема?» – писал он, как будто и не заметив, что суд был церковный, а не царский. Авторы «Жития» вообще не упоминают об осудившем святого Освященном соборе, также перекладывая всю вину на царя. Но самое интересное, что и Скрынников, в своей книге «Крест и корона», пишет: «Как бы ни складывались взаимоотношения монарха с первосвященником, в истории России не было случая низложения митрополита по решению светских судей», поддерживая, таким образом, версию Курбского. Такое заявление вдвойне непростительно для историка-профессионала: во-первых, Скрынников прекрасно знает о том, что святителя Филиппа осудил именно церковный собор, а во-вторых, как историк Скрынников должен помнить, что в XV веке Великий князь Василий Васильевич Темный своею (светской) властью низложил и арестовал принявшего Унию с католиками митрополита Исидора. Так что «случай низложения митрополита по решению светских судей» в России имел-таки место.

Но вернемся в век XVI. Враги святителя просчитались. Пимен не стал митрополитом – Иоанн был не так прост и призвал на место ев. Филиппа игумена Троице-Сергиева монастыря Кирилла. А в сентябре 1569 г. началось следствие о связях московских и новгородских изменников и их соучастии в устранении Филиппа. Святой стал очень опасным свидетелем и его решили убрать и когда Скуратов-Бельский, руководивший расследованием, достиг Твери, святитель был уже мертв. Можно предположить, что царь послал к узнику своего доверенного слугу с просьбой вернуться на митрополию, а вовсе не с приказом удушить святого. Но возвращение митрополита Филиппа в Москву вовсе не входило в планы заговорщиков. А тут, как на грех, один из них – пристав Кобылин – сторожил святого узника. И при этом стороже заключенный скончался – то ли от угара, то ли был задушен подушкой, то ли отравлен…

Григорию Лукьяновичу оставалось только доложить обо всем Иоанну. «Царь… положил свою грозную опалу на всех виновников и пособников его (св. Филиппа – *В.М.*) казни». Паисий был заточен на Валааме, Филофей лишен сана, пристав Кобылин, так неудачно «охранявший» святого, сослан в монастырь. Были казнены Басмановы и, после бездарной обороны Москвы в 1571 г., казнен князь Темкин-Ростовский. Не ушли от расплаты и другие преступники, в первую очередь Пимен, заключенный в Веневский Никольский монастырь.

Кстати, интересно, что по этому поводу (80 лет спустя!)

пишет царь Алексей Михайлович. Официально посылая покаянное письмо к мощам святителя Филиппа (инспирированное будущим патриархом Никоном с целью заставить царя покаяться в «убийстве» митрополита «светской властью» и утвердить, таким образом, превосходство святительской власти над царской), второй царь из рода Романовых неофициально придерживается совсем иной точки зрения.

В письме к князю Н.И. Одоевскому (от 3 сентября 1653 г.), Алексей Михайлович пишет по поводу перенесения мощей святителя Филиппа с Соловков в Москву: «А как принесли его (свт. Филиппа – В.М.), света, в соборную и апостольскую церковь и поставили на престоле его прежебывшем, кто не подивится сему, кто не прославит и кто не прослезится, изгонимаго вспять возвращающася и зело с честию приемлема? Где гонимый и где ложный совет, где облавники и где соблазнители, где мздоослепленныя очи, где хотящий власти восприяти гонимаго ради? Не все ли зле погибоша; не все ли изчезоша во веки; **не все ли здесь месть восприяли от прадеда моего царя и великого князя Ивана Василиевича всеа России** (выделено мной. – *В.М.*), и тамо месть вечную приимут, аще не покаялися?»

Из текста письма ясно, что Алексей Михайлович не только уверен в том, что святителя Филиппа погубили обманщики и взяточники, но и в том, что Иоанн Грозный (которого царь называет прадедом, так как является правнучатым племянником Грозного по линии его первой жены, Анастасии Романовой) справедливо покарал их. Что может быть лучшим свидетельством невиновности Иоанна IV?

Новгородский погром

Убийство святителя Филиппа заговорщиками показало царю, что его противники не остановятся ни перед чем. Это еще больше утвердило его в намерении покарать врагов государства. Иоанн двинулся к Новгороду.

Наверное, никакое другое событие того времени не вызвало такого количества гневных филиппик против царя, как так называемый «новгородский погром». Над возведением здания лжи поработали многие злые языки от Карамзина до К. Маркса. Но в основе их сочинений лежат вымыслы изменника Курбского, шпиона Штадена и ренегатов Таубе и Крузе. Из четверых на месте событий присутствовал один Штаден. О «погроме» писали и другие авторы, но они либо вообще не бывали в России, либо их «данные» настолько одиозны, что даже не все историки решились их повторить. Горсей, например, в своих «воспоминаниях» путает и время, и последовательность событий: Иоанн, якобы, отступая от Ревеля (в сентябре 1558 года – *В.М.*), «мстит» за поражение и «грабит» сначала Нарву (май 1558 г.), затем «милует» Псков и, наконец, вводит в Новгород 30 000 татар и 10 000 стрельцов и уничтожает 700 000 человек!

Абсурдность данного сообщения понятна каждому, кто знаком с историей. Во всех 150 городах тогдашней России не набралось бы, пожалуй, и половины названного количества убитых: единственным большим городом была Москва – около 100 000 жителей. Новгород был вторым по величине населения городом страны – примерно 26 000 человек. Остальные населенные пункты в нашем понимании больше всего походили на села.

Истинные подробности событий января 1570 года можно было бы узнать из дела по новгородской измене.

Оно хранилось в государственном архиве со времен Иоанна Грозного, пережило Смутное время, но все же не уцелело и исчезло в XIX в. точно так же, как другой важнейший документ той эпохи – Учредительная грамота опричнины. Эти странные исчезновения важнейших исторических документов из госархивов произошли как раз тогда, когда там работала парочка архивариусов-историков, а по совместительству – и масонов: Бантыш-Каменский и его верный ученик Карамзин. (Впрочем, были случаи, когда иностранные «специалисты», поработав в русских архивах, вывозили в Европу целые сундуки наших летописей.)

Известно, что 2 января 1570 года передовой отряд

опричников выставил заставы вокруг Новгорода, а 6 или 8 января в город вошел царь и его личная охрана. Зимин пишет о «15 тысячах опричного войска», но из документов той эпохи известно, что число опричников никогда не превышало 5–6 тысяч, из которых 1200 человек были придворные и обслуживающий персонал и около полутысячи – царская гвардия. Костомаров неопределенно говорит о каком-то войске и отдельно о 1500 стрельцах. А Валишевский пишет, что Иоанн прибыл вслед за передовым отрядом всего с пятью сотнями людей.

Зная, как часто в описании событий того времени появляются и пропадают по воле авторов нули (например, Горсей пишет о 700 000 убитых в Новгороде, а Валишевский исправляет эту цифру на 70 000; Карамзин сообщает о 800 000 сгоревших в Москве, а Костомаров – о 80 000) и, учитывая, что опричников было намного меньше, чем 15000, вернее всего будет считать, что царь вышел в поход с 1500 опричниками. Из них тысячу составлял передовой отряд под командой Скуратова-Бельского и 500 человек личную царскую «гвардию».

Значение вопроса о численности опричного отряда в том, что количество участников похода прямо пропорционально числу казненных в Новгороде. Понятно, что если говорить о десятках или даже сотнях тысяч казненных, то тут и 15000 стрельцов Зимина и даже 30000 татар Горсея будет маловато. Но факты свидетельствуют об ином. Иоанн не собирался брать штурмом новгородские твердыни, он знал, что народ не позволит знатным заговорщикам закрыть перед ним ворота. Так и случилось. Передовой отряд арестовал знатных граждан, чьи подписи стояли под договором с Сигизмундом, и некоторых монахов, виновных в ереси жидовствующих, которая служила идеологической подпиткой сепаратизма новгородской верхушки. Часть историков пишет, что были схвачены **все** монахи и священники, но известно, что царя встретил многолюдный крестный ход – не один же Пимен в нем участвовал!

После прибытия государя состоялся суд. Сколько было приговоренных к смерти изменников? Отбросим 700 000 Горсея и даже 70 000 Валишевского, он и сам сомневался в достоверности этого числа. Псковская летопись пишет о 60 000, но данные Новгородской, более близкой к событиям, в два раза меньше: примерно 30 000 человек. Однако, и это количество, на 5000 превышающее население города, не вызывает доверия у исследователей. Таубе и Крузе сообщают о 15 000 казненных, но находились они в то время на берегах Волги и не могли быть свидетелями событий!

Зато Курбский, как всегда, впереди всех – пишет о 15 000

убитых в один день, тогда как даже такой недруг России, как Гуаньино ограничивается 2770 убитых. Р.Г. Скрынников, на основании изученных документов и личных записей царя, выводит цифру в 1505 человек. Примерно столько же, полторы тысячи имен, насчитывает список, посланный Иоанном для молитвенного поминовения в Кирилло-Белозерский монастырь. Много это или мало для искоренения сепаратизма на 1/3 территории страны? Пусть современники «восстановления конституционного порядка в Чечне» решают вопрос сами.

Но, может, все же правы те, кто сообщает о десятках тысяч «жертв царской тирании»? Ведь дыма без огня не бывает? Не зря же пишут о 5000 разоренных дворах из 6000 имевшихся в Новгороде, о 10 000 трупов, поднятых в августе 1570 года из братской могилы близ Рождественского храма? О запустении Новгородских земель к концу XVI века?

Все приведенные факты объяснимы и без дополнительных натяжек. В 1569–1571 гг. на Россию обрушилась чума. Особенно пострадали западные и северо-западные районы, в том числе и Новгород. От заразы погибли около 300 000 российских подданных. В самой Москве в 1569 г. умирали по 600 человек в день – столько же, сколько, якобы, ежедневно казнил в Новгороде Грозный. Жертвы чумы и легли в «скудельницу» у новгородского Рождественского храма. Это подтверждается и тем, что погибших свозили в братскую могилу **все лето,** но только в августе их отпели. Значит, сначала «жертв опричного режима» искали по окрестностям, свозили к могильнику, не отпевая, хоронили (в православной-то России!), а через семь месяцев решили исправить ошибку и отпеть? Нет, в то время так поступить не могли.

Зато, если это были жертвы чумы, все становится на свои места. Умерших от «черной смерти» в средневековых городах хоронили быстро, стараясь поскорее избавиться от зараженного тела. Да и отпеть умершего не всегда была возможность, потому что от чумы умирали и священнослужители. Именно такая ситуация сложилась в Новгороде весной и летом 1570 года. По словам Карамзина, «голод и болезни довершили казнь Иоаннову, так что иереи в течение шести или семи месяцев не успевали погребать мертвых: бросали их в яму без всяких обрядов». Показательно, что именно людей, погибших от чумы, советский историк Кобрин самым беспардонным образом записывает в жертвы царя-»тирана», не обращая внимания на то, что они погибли несколько месяцев спустя после отъезда Иоанна из Новгорода.

Дело печерских старцев

В феврале 1570 года царь направился к Пскову. Кобрин спешит сообщить, что хотя «погрома» в Пскове не было, «были, **разумеется,** казни (как же Ивану Грозному без казней-то обойтись! – *В.М.*), погибло, **возможно** (выделено мной – *В.М.*), несколько десятков человек. Среди жертв был игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий и келарь Вассиан Муромцев».

Как же, очевидно, хочется Кобрину, чтобы Грозный напоминал собой индийского демона Кали, увешанного черепами! Особенно красноречивы эти «возможно, несколько десятков человек»! Ну что они могут прибавить к славе тирана, только что уничтожившего 700 000! Но так хочется добавить еще хоть немножко – и появляются «несколько десятков». Надо сказать, что многие другие историки, в том числе и Карамзин, все же не решились на столь откровенную ложь. Зимин пишет о двух казненных: ев. Корнилин и Вассиане. Дальнейшие казни, якобы задуманные Иоанном, остановил юродивый Никола. Наверно, только в историографии царствования Грозного **несовершенные** преступления можно ставить в вину.

Показательно отношение историков к святому праведному Николаю Псковскому. Понятно, когда гнусности о русском святом пишет иностранец. Однако Горсей, по крайней мере, все же признает, что сам был свидетелем чудес, творимых юродивым. Но когда Костомаров кощунственно называет ев. Николая «дурачком», то это далеко не с лучшей стороны характеризует историка, которого кто-то по ошибке назвал русским.

Что же касается смерти преподобного Корнилия и его ученика Вассиана, которых царь якобы приказал раздавить с помощью какого-то ужасного приспособления, то здесь историки опять повторяют байки Курбского.

По словам митрополита Иоанна (Снычева), на это «нет и намека ни в одном из дошедших до нас письменных свидетельств, а в «Повести о начале и основании Печерского монастыря» о смерти преподобного сказано: «От тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю в вечное жилище». «Надо обладать буйной фантазией, – продолжает митрополит Иоанн (Снычев), – чтобы на основании таких слов сделать выводы о «казни» преподобного Иоанном IV. Мало того, из слов Курбского вытекает, что Корнилий умерщвлен в 1577 году. Надпись же на гробнице о времени смерти преподобного указывает дату 20 февраля 1570 года. Известно, что в этот самый день святой Корнилий встречал царя во Пскове и был принят им ласково –

потому-то и говорит «Повесть» о том, что подвижник был «предпослан» царем в «вечное жилище». Но для Курбского действительное положение дел не имеет значения. Ему важно было оправдать себя и унизить Иоанна».

Первоисточником сведений о кончине преподобного Корнилия является летопись, составленная иеродиаконом Питиримом в XVII веке, то есть, **несколько десятилетий спустя** после описываемых в ней событий: «… во времена же бывших потом на земли России мятежей много злая пострада и, наконец, от тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю в вечное жилище, в лето 1570 февраля в 20-й день на 69 году от рождения своего». Как уже говорилось выше, эта фраза никак не может служить доказательством того, что святой принял смерть от руки царя.

Еще одним источником, на который любят ссылаться обвинители Иоанна IV, является церковная служба **преподобномученику.** Первая служба была составлена в **1690** г., **через 120 лет после кончины** святого, во время правления царя Петра 1. А современная служба святому, в которой Иоанн Грозный прямо обвиняется в смерти преподобного Корнилия («К безумию склонися царь грозный **и смерти ты предаде**; тем же и освятися твоею кровию обитель Псково-Печерская»), **написана в XX веке** в соответствии с неким «устным преданием», и совершается **с 1954 г.**

Игумен Алексий (Просвирин) считает, что «…не существует никаких достоверных свидетельств, подтверждающих, будто царь лично мучил игумена… **не может рассматриваться в качестве серьезного церковно-канонического аргумента текст службы, составленный насельниками монастыря уже в наши дни, хотя бы и с самыми благими намерениями**».

Не рассуждая о достоверности современного текста службы, как исторического источника, стоит все же рассмотреть несколько документов, дабы не совершить несправедливость.

Из первой Псковской летописи известно, что царь приехал в Псков на первой неделе Великого поста. После приезда царя в Пскове «…начата утреннюю звонити по всему граду, и тогда, слышав князь велии звон, умилился душею и прииде в чювство, и повеле всем воем меча притупити о камень, **и не единому бы дерзнути еже во граде убийство сотворити…** И срете его **игумен Печерский Корнилие** со всем освященным собором **на площади**». Заметим, что святой Корнилий встретил царя **на городской площади** Пскова, а не у ворот Псково-Печерского монастыря (находящегося за городом), где он, якобы, был убит царем, как рассказывает нам сейчас монастырская «братия».

Царь «повеле у Святыя Троица колокол сняти, того же часа паде конь его лутчий по пророчествию святого (Николая Псковского – *В.М.*) и поведаша сея царю; он же ужасен **вскоре** бежал из града. И повеле грабить имение у гражан, кроме церковнаго причту, и стоял на посаде **немного** и **отъиде к Москве**». (Псковские летописи. Вып. 1, Москва, 1941, с. 115–116.)

Из летописи видно, что самое большое «преступление», которое царь совершил во Пскове, – снятие вечевого колокола. Затем царь, потрясенный смертью своего коня, быстро («вскоре») бежит из города, и «немного постояв» на посаде, отъезжает в Москву. **Летопись ничего не сообщает о поездке в Псково-Печерский монастырь и об убийстве преподобного Корнилия.**

Кроме летописей есть и иные исторические документы. «Независимо от того, был или не был преподобный Корнилий Псково-Печерский казнен лично Иваном Грозным, его имя было записано в царском Синодике опальным, а это значит, что царь брал на себя вину и ответственность за смерть преподобномученика» – утверждают царские враги.

Действительно, заслуживающим внимания документом служит синодик царя Иоанна, в котором записано для поминовения имя св. Корнилия. Известно, что государь записывал для поминовения имена тех, кто был казнен по его решению. Но царь, как и все прочие православные христиане, мог записывать для поминовения в синодик имена тех, кто ему дорог, а не только осужденных им на смерть. **Занесение или незанесение чьего-либо имени в царский синодик не может служить доказательством казни этого человека по царскому приказу.** Например, известно, что в синодик не было записано имя святителя Филиппа, чудотворца Московского. А ведь в его смерти также обвиняют царя.

Надо сказать, что синодику иногда придают чрезмерное значение. Необходимо иметь в виду, что синодик был фактически реконструирован Р.Г. Скрынниковым (о чем он сам неоднократно писал) из рукописных обрывков XVII–XVIII веков, **предположительно** соответствующих первоначальному синодику царя Иоанна, собранных Скрынниковым в различных монастырях и зачастую не содержавших никакой иной информации, кроме одних имен. **Подлинника документа не существует, историки никогда не держали его в руках и никто не может достоверно знать, чьи имена в нем были записаны, а чьи – нет**!

Большое значение для подтверждения либо опровержения обвинений в адрес царя имеет датировка смерти святого Корнилия. Архимандрит Алипий (Воронов), рассматривая данный вопрос («Преподобномученик Корнилий, игумен Печерский»)

указывает на то, что «**в отношении даты кончины преподобного Корнилия мнения историков расходятся**».

Академик С.Б. Веселовский согласен с датой 20 февраля 1570 г. Митрополит Евгений датирует кончину игумена Корнилия 1577 годом. Известный церковный историк М.В. Толстой считает: «Можно полагать, что Корнилий умерщвлен в 1577 году. Надпись на гробнице о времени смерти его 20-го февраля 1570 года совершенно ошибочна, так как **в этот самый день Корнилий встречал царя во Пскове и был принят им ласково**». Карамзин пишет: «Иоанн отсек голову Корнилию… в 1577 году», хотя в другом месте склоняется к 1570 году. Курбский относит это событие к 1575 году. Исследователь Н. Серебрянский усомнился даже в месте совершения события: «Следует думать, что мученическая кончина преподобного Корнилия, согласно преданию, произошла не в монастыре, а во Пскове, только не в 1577 году».

Можно ли говорить об убийстве царем святого как о доказанном факте, если даже дата и место смерти вызывает споры?

Не только дату смерти, но и способ его «убиения» каждый историк представляет по-своему. Ученые мужи имеют несколько вариантов того, как царь «убил святого»:

1. Убиение **жезлом.** Царь «у самых Святых Врат поразил своим жезлом св. Корнилия».

2. Убиение «**орудием мучительским**» через раздавливание. Князь А. Курбский рассказывает в своей «Истории о великом князе московском», что ев. Корнилий и ев. Вассиан Муромцев «во един день орудием мучительским некакими раздавленные: вкупе и телеса их преподобномученически погребены».

3. Усекновение главы **мечом.** В рукописи, хранящейся в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры написано, что когда игумен Корнилий вышел за монастырские ворота навстречу государю с крестом, царь, заранее разгневанный на него, своей рукой отсек ему голову (но, как мы помним, встреча произошла не в монастыре, а в Пскове).

Есть еще вариант печерского предания (на которое так любят ссылаться цареборцы), повествующий о том, что убитый царем ев. Корнилий идет за ним по пятам, держа в руках отрубленную голову, и умирает только тогда, когда Грозный раскаивается и начинает молиться. Тут, как говорится, без комментариев.

Таким образом, не только место, дата, но и способ убиения (если оно было) неизвестны.

Причины гнева царя на святого также вызывают большие сомнения.

Исследователь П.Н. Михельсон в своем историко-архитектурном очерке «Изборск» (Псков, 1958) говорит, что Грозный «казнил игумена Корнилия, обвиненного в сношениях с крестопреступниками» (с Курбским – *В.М.*). Сохранилось три письма Курбского к псково-печерским старцам. В первом он благодарит старцев за присланную книгу, во втором критикует политику царя, а в третьем пеняет своим адресатам за то, что они не прислали ему денег и вообще не поддержали его в антиправительственных устремлениях.

Из писем видно, что как только Курбский раскрыл старцам свои истинные намерения – привлечь их к антиправительственной оппозиции – они тут же прекратили поддерживать с ним всякую связь.

Есть также легенда о том, что царь заподозрил преподобного Корнилия в государственной измене из-за постройки вокруг монастыря крепостной стены (!). Не говоря о явной алогичности подобных измышлений, следует указать на то, что строительство монастырских стен проходило под полным контролем центральной власти. **Стены строились при непосредственном участии царского военачальника Павла Петровича Заболоцкого,** специалиста по военно-оборонительным сооружениям, впоследствии ставшего иноком Псково-Печерского монастыря Пафнутием.

Есть версия о том, что царь разгневался на ев. Корнилия из-за составленного старцем критического описания его царствования. Но так как ни самого текста, ни даже его пересказа мы не имеем, то невозможно рассматривать чьи-то поздние домыслы как серьезное историческое свидетельство.

О существующей же Псковской третьей летописи историк Н.Н. Масленникова, занимавшаяся исследованием эпохи присоединения Пскова к Москве, осторожно выразилась, как о «созданной в Печерском монастыре **при** игумене Корнилин», и добавила, что «автор или редактор Псковской третьей летописи… неизменно враждебно относится к Великим князьям. Он не только сильно искажает, но и фальсифицирует историю».

Из всего вышесказанного следует, что ни приписываемое ев. Корнилию политическое единомыслие с Курбским, которого на самом деле не было, ни «самовольная» постройка игуменом крепостной стены вокруг монастыря, ни появление в свет описания бедствий подданных не могли послужить причиною казни преподобного Корнилия.

Кроме того (на это обращает внимание современный историк А. Хвалин), «игумен Корнилий, имевший в дореволюционных изданиях чин **преподобного,** в нынешних святцах Русской

Православной церкви обозначен как **священномученик.** Памятуя, как тщательно Синодальная Комиссия по канонизации святых еще совсем недавно подбирала чин святости для определения подвига мученичества Государя Императора Николая Второго Александровича, вряд ли подобное перемещение по святцам игумена Корнилия можно отнести к разряду случайностей».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод (не отрицая ни в коей мере святости преподобного Корнилия), что факт его убийства именно Иоанном Грозным, тем более убийства собственноручного, не является доказанным.

Относительно же Вассиана Муромцева, якобы (если верить Курбскому) также убитого царем заодно с преподобным Корнилием, то о нем сообщается, что он «известный по истории Российского государства Карамзина как смиренный ученик преподобного Корнилия, по приказанию Иоанна Грознаго будто бы раздавленный вместе с преподобным в один день каким-то мучительным орудием; но в древних монастырских рукописях он нигде не упоминается, хотя фамилий Муромцевых, встречается в древнем синодике немало».

После этого стоит ли удивляться, что, постоянно обвиняя царя в убийстве преподобного Корнилия, историки как-то стыдливо умалчивают о «его ученике» Вассиане Муромцеве.

По возвращении царя из Пскова в Москву, 25 июня 1570 года состоялся последний акт новгородской трагедии (названный К. Марксом «самой невероятной зверской сценой»). «Невероятное зверство» началось с милосердия: из трехсот изменников, покушавшихся на жизнь царя и целостность Российской державы, были помилованы и отпущены на свободу 184 человека – почти 2/3 приговоренных к смерти. Остальные, в том числе казначей Фуников и печатник Висковатый, поддерживавшие связь между заговорщиками и польским королем, Алексей и Федор Басмановы – вдохновители свержения митрополита Филиппа, Вяземский, предупредивший новгородских участников заговора о провале их планов, а так же привезенные из Новгорода изменники были казнены. С того времени силы внутренних врагов России были окончательно подорваны, и всем тем, кто ненавидел Иоанна и его великую державу, оставалось надеяться лишь на мощь враждебного Запада, на клевету и ядовитое зелье.

А был ли убит мальчик?

Есть одна «жертва» царя, о которой наслышаны все от мала до велика. Подробности «убийства Иваном Грозным своего сына» растиражированы в тысячах экземпляров произведений художников, писателей, поэтов и кинематографистов.

Вот как описал это событие «гордость русской историографии» Н.М. Карамзин: «В старшем сыне своем, Иоанне, царь готовил России второго себя: вместе с ним занимаясь делами важными, присутствуя в Думе, объезжая государство, вместе с ним и сластолюбствовал, и губил людей, как бы для того, чтобы сын не мог стыдить отца и Россия не могла ждать ничего лучшего от наследника… Но, изъявляя страшное в юноше ожесточение сердца и необузданность в любострастии, (царевич. – *В.М.*) оказывал ум в делах и чувствительность к славе или хотя к бесславию отечества. Во время переговоров о мире, страдая за Россию, **читая** горесть и **на лицах** бояр, – слыша, **может быть** (выделено мной. – *В.М.*) и всеобщий ропот, царевич исполнился ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: «Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня с престола!» и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее, царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию. Тут исчезла ярость Иоаннова. Побледнев от ужаса, в трепете, в исступлении он воскликнул: «Я убил сына!» – и кинулся обнимать, целовать его; удерживая кровь текущую из глубокой язвы; плакал, рыдал, звал лекарей; молил Бога о милосердии, сына о прощении. Но суд небесный свершился. Царевич, лобызая руки отца, нежно изъявлял ему любовь и сострадание; убеждал его не предаваться отчаянию; сказал, что умирает верным сыном и подданным… Жил четыре дня и скончался 19 ноября в ужасной слободе Александровской… Все оплакивали судьбу державного юноши, который мог бы жить для счастия и добродетели…».

Какая мрачная трагедия, какой апофеоз злодейства, какие яркие краски и какая ложь в каждом слове! Ложь, потому что Карамзин не мог не знать иные версии, но сознательно их игнорировал. Единственный достоверный факт во всей этой истории – то, что царевич действительно умер в ноябре 1581 года.

Отцом мифа о «сыноубийстве» был высокопоставленный

иезуит, папский легат Антоний Поссевин. Ему принадлежит и авторство политической интриги, в результате которой католический Рим надеялся с помощью польско-литовско-шведской интервенции поставить Россию на колени и, воспользовавшись ее тяжелым положением, вынудить Иоанна подчинить Русскую Православную Церковь папскому престолу. Однако, царь повел свою дипломатическую игру и сумел использовать Поссевина при заключении мира с Полыпей, причем избежал уступок в религиозном споре с Римом.

Хотя историки и представляют Ям-Запольский мирный договор как серьезное поражение России, надо сказать, что стараниями папского легата фактически Польша получила обратно только свой же собственный город Полоцк, отнятый Грозным у Сигизмунда в 1563 году. После заключения мира Иоанн даже отказался обсуждать с Поссевиным вопрос об объединении церквей – он ведь и не обещал этого. Рим сам, ослепленный своей извечной мечтой о господстве над миром, обманул себя и лишь напрасно, по словам поляка Валишевского, «принес в жертву интересы своей польской паствы».

Провал католической авантюры сделал Поссевина личным врагом Иоанна. К тому же, иезуит прибыл в Москву через несколько месяцев после смерти царевича и «ни при каких обстоятельствах не мог быть свидетелем происшествия».

Что касается сути самого события, то, как замечает Кобрин, «смерть наследника престола вызвала недоуменную разноголосицу у современников и споры у историков». Версий смерти царевича было достаточно, но в каждой из них основным доказательством служили слова «быть может», «скорее всего», «вероятно» и «будто бы».

В комментариях к приведенной выше цитате из Карамзина М.В. Иванов пишет: «Иван Грозный убил сына при иных обстоятельствах. Однажды царь зашел в покои сына и увидел его беременную жену одетой не по уставу: было жарко и она вместо трех рубах надела только одну. Царь стал бить невестку, а сын – ее защищать. Тогда Грозный и нанес сыну смертельный удар по голове».

Подобной версии придерживался и Валишевский: «Иван **будто бы** встретил свою невестку во внутренних покоях дворца и заметил, что ее костюм не вполне соответствовал требованиям приличия. **Возможно,** что при своем положении она **не надела пояса** на сорочку. Оскорбленный этим царь-игумен ударил ее с такой силой, что в следующую ночь она прежде времени разрешилась от бремени. Естественно, что царевич не воздержался от упреков по адресу царя. Грозный вспылил и

замахнулся посохом. Смертельный удар был нанесен царевичу в висок».

Кобрин признает настоящий рассказ самым правдоподобным: «**Похожа на правду, но не может быть ни проверена, не доказана** другая версия: царевич заступился перед отцом за свою беременную жену, которую свекор «поучил» палкой…».

Только один вопрос: с каких пор можно признавать человека виновным в убийстве на основании версии, которую нельзя «ни проверить, ни доказать», даже если она и «похожа на правду»?

Уже в данной, так сказать «бытовой» версии, можно увидеть ряд мелких, но характерных при даче ложных показаний несоответствий. «Свидетели» путаются. Первый говорит, что царевна одела лишь одно платье из трех полагающихся из-за жары. Это в ноябре-то? Тем более что женщина в то время имела полное право находиться у себя в покоях только в одной сорочке, служившей домашним платьем.

Другой автор указывает на отсутствие пояска, что, якобы, и привело в бешенство Иоанна, случайно встретившего невестку во «внутренних покоях дворца». Эта версия совершенно недостоверна хотя бы потому, что царю было бы очень сложно встретить царевну «одетой не по уставу», да еще во внутренних покоях. А по остальным дворцовым палатам даже полностью одетые дамы тогдашнего московского высшего света не расхаживали свободно.

Для каждого члена царской семьи строились отдельные хоромы, соединенные с другими частями дворца довольно прохладными в зимнее время переходами. В таком отдельном тереме и проживала семья царевича. Распорядок жизни царевны Елены был таким же, как и у других знатных дам того века: после утреннего богослужения она отправлялась в свои покои и садилась за рукоделье со своими прислужницами.

Знатные женщины жили взаперти, «как в мусульманских гаремах», а «царевны были самыми несчастными из них». Проводя дни в своих светелках, они не смели показаться на людях и, даже сделавшись женою, не могли никуда выйти без позволения мужа, даже в церковь, а за каждым их шагом следили неотступные слуги-стражи. Помещение знатной женщины находилось в глубине дома, куда вел особый вход, ключ от которого **всегда лежал у мужа в кармане.** На женскую половину терема не мог проникнуть никакой мужчина, «**хотя бы он был самым близким родственником**».

И, наконец, в дворцовых переходах зимой царили жуткие сквозняки и холод, которые никак не подходили для прогулок беременной женщины в одной сорочке.

Таким образом, царевна Елена находилась на женской половине отдельного терема, вход в которую всегда заперт, а ключ находится у мужа в кармане. Выйти оттуда она могла только с разрешения супруга и в сопровождении многочисленных слуг и служанок, которые наверняка позаботились бы о ее приличной одежде. К тому же, Елена была беременна и едва ли ее оставили бы без присмотра. Ввиду всего вышеперечисленного ясно, что единственной возможностью для царя встретить невестку в полуодетом виде – выломать запертую дверь в девичью и разогнать боярышень и сенных девушек. Но такого факта история в полной приключениями жизни Иоанна не зафиксировала. Поэтому можно полностью согласиться со словами митрополита Иоанна (Снычева) о том, что нелепость вышеприведенной версии уже с момента ее возникновения была так очевидна, что потребовалось облагородить рассказ и найти более достоверный повод и мотив убийства.

Так появилась другая сказка в изложении Карамзина – версия «политического сыноубийства». Но она оказалась еще более бездоказательной, чем предыдущая. «Порой находят разные политические причины этого убийства. Еоворят, что царь боялся молодой энергии своего сына, завидовал ему, с подозрением относился к стремлению царевича самому возглавить войска в войне с Речью Посполитой за обладание Ливонией. Увы, все эти версии основаны только на темных и противоречивых слухах», – словно вторит владыке Иоанну Кобрин. Не согласен с политической версией и Валишевский.

И действительно, противоречий в ней не меньше, чем в «бытовой». Чего стоит только один факт: весь эпизод у Карамзина строится на недовольстве царевича, страдающего за Россию и **читающего на лицах** (!) бояр, а **может быть** слышащего всеобщий ропот «**во время** переговоров о мире». Если верить Карамзину, царевич выражает недовольство каких-то слоев общества ходом русско-польских переговоров, так сказать, возглавляет оппозицию точке зрения царя на условия заключения мирного договора. Но все источники свидетельствуют, что царевич умер в **ноябре 1581** г., а переговоры с Польшей начались **13 декабря 1581** г., то есть, почти через месяц после смерти царевича. Как можно быть недовольным **ходом** переговоров, которые еще не начались, историки умалчивают.

Но есть еще одна версия «сыноубийства», назовем ее условно, «нравственного несоответствия». В **1580** году, а по другим данным – в **1578** году была проведена уже описанная выше акция по пресечению спекуляции алкоголем в Немецкой слободе. Она и послужила отправной точкой для третьей версии. Вот как передал

ее Джером Горсей: «Царь разъярился на своего старшего сына, царевича Ивана, за то, что тот оказывал сострадание этим несчастным (т. е. наказанным ливонцам. – *В.М.*)**…** и дал одному посланному по его делам дворянину подорожную на пять или шесть почтовых лошадей помимо царского ведома. Сверх того, царь опасался за свою власть, полагая, что народ слишком хорошего мнения о его сыне. В ярости он ударил его жезлом… в ухо и так нежно (какая милая западноевропейская ирония! – В.М.), что тот заболел горячкою и на третий день умер… Государство потеряло надежду иметь государем мудрого и кроткого царевича, героя духом и красивой наружности, **23** лет отроду (ошибка Горсея: царевичу было **27** лет. – *В.М.*), любимого и оплакиваемого всеми».

Нелишне добавить, что в другом переводе с английского этого отрывка удар в ухо описан как… **всего лишь пощечина**!

Такая версия ссоры между Иоанном и его сыном не менее надуманна, чем все остальные. Прежде всего, острота ссоры в ноябре 1581 г. не соответствует давности события, послужившего его причиной: со времени переселения Немецкой слободы прошло от одного до трех лет. Валишевский указывает и на иное, внутреннее противоречие версии: «Другие источники говорят, что царевич заступился за ливонских пленников (хороши пленники, имеющие свои церкви, получающие от царской казны ссуды на строительство домов, содержащие кабаки и «разодетые как принцы» – *В.М.*), с которыми плохо обращались опричники. Но это вызывает сомнение: между отцом и сыном существовало согласие в идеях и чувствах».

Но самое интересное в данной версии – противоречия в оценке характера царевича. Сначала все авторы утверждают, что Иван Иванович – полное подобие своего отца: «Иван, по-видимому, и физически, и нравственно напоминал отца, делившего с ним занятия и забавы», – писал Валишевский. По «свидетельству» Одерборна, отец с сыном менялись любовницами. Они вместе сластолюбствовали и губили людей – утверждал Карамзин. Как резюмировал Кобрин, царевич был достойным наследником своего отца.

Все лживые мерзости, которые говорились об отце, повторяются в адрес сына. И вдруг, после смерти наследника, все меняется как по мановению волшебной палочки. Карамзин рисует образ нежно любящего сына, который, умирая, «лобызает руки отца… все оплакивают судьбу державного юноши (27 лет? Трижды, по словам историков, женатого? Для пущего эффекта написали бы уж мальчика. – *В.М.*), который мог бы жить для счастия и добродетели…». У Горсея царевич стал «мудрым и

кротким, героем и красавцем, любимым всеми». Валишевский пишет, что царевич пользовался большой популярностью и его смерть стала народным бедствием.

Превращение «кровожадного чудовища» в «любимца нации» и «героя духа» говорит о том, что одно из двух – первое или второе – ложь. Пусть каждый решает сам для себя, где истина, автор же присоединяется к мнению митрополита Иоанна (Снычева) о голословности и бездоказательности всех версий об убийстве царем своего сына: «на их достоверность невозможно найти и намека во всей массе дошедших до нас документов и актов, относящихся к тому времени».

И это действительно так. В Московском летописце под 7090(01.09.1581-01.09.1582) годом читаем (летописи цитируются по Полному собранию русских летописей): «**Преставися** царевич Иван Иванович»; в Пискаревском летописце: «В 12 час нощи лета 7090 [1581] ноября в 17 день… **преставление** царевича Ивана Ивановича»; в Новгородской четвертой летописи: «Того же [7090] году **преставися** царевич Иван Иванович на утрени в Слободе…»; в Морозовской летописи: «**Не стало** царевича Ивана Ивановича».

Во всех приведенных летописях нет ни слова об убийстве. Причем, нельзя сказать, что летописцы боялись писать правду при жизни царя или еще не знали ее – многие летописи были написаны десятки лет спустя после событий, в них описанных, во время правления Бориса Годунова, который, кстати, проводил политику дискредитации царя Иоанна.

В подтверждение более позднего создания летописных записей можно привести Пискаревский летописец, в котором под «летом 7090» содержится информация о месте захоронения царя Феодора Иоанновича, следовательно, она создана в самом конце 90-х годов XVI века.

На то, что ссора и смерть царевича разнесены во времени и не связаны друг с другом, указывает запись во Втором Архивском списке Псковской третьей летописи. Здесь под летом 7089-м (с 01.09.1580 по 01.09.1581) записано о ссоре (и то, как о слухе): «Глаголют нецыи, яко сына своего царевича Ивана того ради остием поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова». А под летом 7090-м (с 01.09.1581 по 01.09.1582) говорится о смерти царевича: «Того же году преставися царевич Иван Иванович в слободе декабря [ошибочно указан декабрь – *В.М.*] в 14 день». Летописец никак не связывает два факта: ссору царя с царевичем в 7089 году и его смерть в 7090. Кстати, если следовать этому летописному сообщению, разница между ссорой и смертью царевича составляет не менее двух с лишним месяцев (с сентября по ноябрь: 7089 год, когда произошла ссора,

закончился 31 августа 1581 года, а смерть царевича наступила в ноябре 7090 г., т. е. в ноябре 1581 г., так как новый год в допетровской Руси начинался с 1 сентября).

Только так называемый Мазуринский летописец связывает воедино смерть царевича и его ссору с отцом: «Лета 7089 государь царь и великий князь Иван Васильевич сына своего болыпаго, царевича князя Ивана Ивановича, мудрым смыслом и благодатью сияющаго, аки несозрелый грезн дебелым воздухом оттресе и **от ветви жития отторгну осном своим,** о нем же глаголаху, яко от отца ему болезнь, и от болезни же и смерть». И то оговаривается, что это слухи («о нем же глаголаху») и связывает ссору и смерть царевича опосредованно – через болезнь. Одного источника, к тому же антимосковски настроенного, недостаточно для того, чтобы обвинить государя в таком тяжком преступлении. Да и вычурность изложения вызывает сомнение в достоверности и древности записи.

По поводу данной записи в Мазуринском летописце можно указать на сообщение Жака Маржерета, который писал: «Ходит слух, что старшего (сына. – *В.М.*) он (царь. **–** *В.М.*) убил своей собственной рукой, что произошло иначе, так как, хотя он и ударил его концом жезла… и он был ранен ударом, **но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье**».

На примере этой фразы мы можем видеть, как ложная версия, популярная среди иностранцев с «легкой» руки Поссевина, переплетается с правдой о смерти царевича во время поездки на богомолье.

Но если отец не убивал царевича, то от чего же он умер? Владыка Иоанн (Снычев) имел на сей счет свое мнение: «Предположение о естественной смерти царевича Ивана имеет под собой документальную основу. Еще в 1570 г. болезненный и благочестивый царевич… пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь… вклад 1000 рублей… он сопроводил вклад условием, что сможет, при желании, постричься в монастырь, а в случае смерти его будут поминать… Косвенно свидетельствует о смерти Ивана от болезни и то, что в «доработанной» версии о «сыноубийстве» его смерть последовала не мгновенно после «рокового удара», а через 4 дня, в Александровской слободе. Эти четыре дня —… время предсмертной болезни царевича» (продолжительность болезни, исходя из данных Кобрина, можно увеличить до 10 дней, с 9 по 19 ноября 1581 года. – *В.М.*).

При всем своем огромном уважении к владыке, позволю себе частично не согласиться с его мнением и предложить свою версию. Конечно, царь Иоанн IV был грозен только для врагов

России и не поднимал руку на своего сына. Царевич Иван умер от болезни, чему сохранились некоторые документальные подтверждения. Но что это была за болезнь?

В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты четыре гробницы: Иоанна Грозного, царевича Ивана, царя Феодора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского. При исследовании останков была проверена версия об отравлении Грозного. Ученые обнаружили, что содержание мышьяка, наиболее популярного во все времена яда, примерно одинаково во всех четырех скелетах. Но в костях царя Иоанна и царевича Ивана Ивановича было обнаружено наличие ртути, **намного превышающее допустимую норму.**

Насколько случайно такое совпадение? К сожалению, о болезни царевича известно только то, что она длилась от 4 до 10 дней. Место смерти наследника – Александрова слобода, расположенная к северу от Москвы. Можно предположить, что, почувствовав себя плохо, царевич выехал в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы там, как видно из приведенного митрополитом Иоанном (Снычевым) документа, принять перед смертью монашеский постриг. Понятно, что если он решился отправиться в такой далекий путь, то не лежал без сознания с травмой черепа. В противном случае, царевича постригли бы на месте. Но в дороге наступило ухудшение состояния больного и, доехав до Александровской слободы, наследник окончательно слег и вскоре скончался от «горячки».

Гораздо больше данных о смерти Иоанна. Еще в августе 1582 года А. Поссевин в отчете Венецианской Синьории заявил, что «московскому государю жить не долго». Такое утверждение тем более странно, что, по словам Карамзина, до зимы 1584 года, то есть еще полтора года после «пророчества» Поссевина у царя не было заметно ухудшения здоровья. Чем можно объяснить уверенность иезуита в скорой смерти царя? Только одним – сам папский посол был причастен к кончине Иоанна. К тому же, хотя историки пишут, что царь заболел зимой 1584 г., если обратиться к датам, то неточность такого утверждения очевидна. В январе 1584 года царь лишь увидел на небе комету и пророчески сказал окружающим, что она – предвестница его смерти. Хронология его болезни такова: весь февраль и начало марта он еще занимается государственными делами. Первое упоминание о «болезни» относится к 10 марта 1584 г., когда был остановлен на пути к Москве литовский посол «в связи с государевым недугом». 16 марта наступило ухудшение, царь впал в беспамятство, однако, 17 и 18 марта ему стало легче от горячих ванн. 18 марта «в третьем часу дня» царь принял лечебную ванну, после которой

почувствовал облегчение. Всю вторую половину этого дня царь в присутствии многочисленных официальных лиц занимался своим завещанием, а вовсе не игрой в шахматы. Но после полудня 18 марта наступила неожиданная развязка – царь умер. Тело государя распухло и дурно пахло «из-за разложения крови».

Подводя итог, можно сказать, что царь болел около 10 дней и перед смертью у него были признаки отравления парами ртути: распухшее тело и дурной запах говорят о дисфункции почек, на которые пары ртути действуют в первую очередь, что приводит к прекращению выделений из организма. Теплые ванны способствовали частичному освобождению организма от вредных веществ через поры кожи и после них царь чувствовал некоторое облегчение. Но улучшение самочувствия Грозного не устраивало тех, кто стремился к его смерти, и, как пишет Д. Горсей, Иоанн был, якобы, удушен. Однако Скрынников склоняется к тому, что данное место у Горсея неверно переведено на русский: царь был не удушен, а «испустил дух».

Царевич Иван также болел около десяти дней, ухудшение состояния его здоровья тоже наступило неожиданно, в пути, и в его скелете так же обнаружено высокое содержание ртути. В безвременной кончине отца и сына чувствуется одна и та же безжалостная рука.

О насильственной смерти Грозного сохранилось немало известий. Летописец XVII века сообщал, что «царю дали отраву ближние люди». Дьяк Иван Тимофеев рассказал, что Борис Годунов и Богдан Бельский «преждевременно прекратили жизнь царя». Голландец Исаак Масса утверждал, что Бельский положил яд в царское лекарство. Горсей писал о тайных замыслах Годуновых против царя.

Причем надо иметь в виду, что Поссевин знал о смерти царя заранее и так был в ней уверен, что посмел сообщить о грядущем событии правительству Венеции. Этот иезуит находился в России во время смерти царевича Ивана, который был сторонником войны с Польшей «до победного конца» и мог помешать своей бескомпромиссностью планам Поссевина стать «миротворцем» (существуй тогда Нобелевская премия мира – иезуит получил бы ее наверняка) и привести Россию к подножию папского престола. Надо было принимать срочные меры, чтобы наследник не оказал «плохого» влияния на Иоанна и не уговорил царя продолжить войну. Для папского легата не составило труда договориться с оппозиционно настроенными боярами, и царевич замолчал навсегда. А затем Поссевин сочинил миф о сыноубийстве.

Грозный умер так же весьма «вовремя» для Рима и Польши: в начале 1584 года Стефан Баторий, с благословения римского

престола, стал активно готовиться к новой войне с Москвой. У русских границ опять началась «челночная» дипломатия папских легатов. И через пару месяцев Иоанна не стало. Сходится все: и кто мог, и кому выгодно.

И, наконец, последний довод в пользу вышеизложенной версии – девиз иезуитов: «Цель оправдывает средства».

Иван Грозный и Сулейман Великолепный

Знаменитый турецкий султан Сулейман Великолепный и Иван Грозный правили практически в одно время, хотя царь и был намного моложе своего османского коллеги. Сулейману было уже 36 лет, когда в Москве грозовой августовской ночью появился на свет будущий первый московский царь. Но султан «опоясался мечом Османа» в 24 года, а Иван стал правителем Московского государства де-юре в возрасте трех лет – в 1533 году умер его отец, великий князь Московский Василий 111. Всю жизнь Иван Грозный зорко присматривался к происходящему в великой Османской империи. Видимо, хотя изначально политические и экономические интересы Москвы и Стамбула совпадали и Россия и Турция даже были некоторое время военными союзниками, Иван Грозный прекрасно понимал, что противостояние России с мусульманскими осколками Золотой Орды рано или поздно приведет к столкновению с Османской империей, которая претендовала в XVI веке на роль гегемона в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, а в перспективе – и на Нижней и Средней Волге, где располагались Астраханское и Казанское царства, которые турецкие султаны стремились превратить, как и Крым, в своих вассалов.

Несмотря на это, турецкий султан был единственным монархом, которого московский царь признавал равным себе – как «урожденного» правителя, по праву восседавшего на престоле.

Как писал российский юрист и историк XIX века А.В. Романович-Славатинский, «сознание международного значения самодержавия достигает в Грозном царе высокой степени». Иван IV ясно понимает, что представляет самой своей личностью высший принцип монархической власти, и остро реагировал на тех представителей европейских королевских династий, которые, по его мнению, не имели законных прав на престол.

«Если бы у вас, – пишет он шведскому королю, – было совершенное королевство (самодержавное правление. – *В.М.*), то отцу твоему архиепископ и советники и вся земля в товарищах не были бы». Так же относится Иван Грозный и к избранному сеймом польскому королю Стефану Баторию, говоря на приеме польским послам: «Государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть не пригоже».

Международный скандал вызвало письмо московского царя английской королеве-»девственнице» Елизавете I[26], которую Иван назвал «пошлой» (обыкновенной) девицей, подручницей «торговых мужиков»: «Мы думали, что ты в своем государстве

государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства, – поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая пошлая девица».

По представлению Ивана IV, высшая власть на земле – «самодержавие Божьим соизволением» – делегируется не от народа, а от Бога, передается по наследству от отца к сыну. Самодержавную власть, говорит Грозный, он получил от своих праотцев – Владимира Святого и Владимира Мономаха.

Как считал Иван Грозный, только турецкий султан соответствовал – наравне с ним самим – званию «совершенного» правителя, самодержавного монарха. Первоначально он старался поддерживать с Сулейманом добрососедские отношения. Быть может, этому не в последнюю очередь способствовали и личные мотивы: и дед Ивана Васильевича, великий князь Иван III, и сам Иван IV носили прозвище Грозный – такое же, как и отец Сулеймана Великолепного, Селим Явуз.

Именно при Иване III между Москвой и Стамбулом был краткий и уникальный исторический эпизод, когда два государства вступили в военный союз, третьей стороной которого стало Крымское ханство. Врагами союзников стали Большая Орда и Великое княжество Литовское. Союзные отношения с Крымом позволяли Ивану III и его наследнику Василию III сосредоточить внимание на завершении объединения русских земель вокруг Москвы.

В 1502 г. союзник великого князя московского Ивана III, крымский хан Менгли-Гирей в сражении на реке Суле нанес поражение последнему ордынскому хану Ших-Ахмеду, и Большая Орда (самый крупный остаток Золотой Орды) перестала существовать. В то время как Менгли-Гирей добивал Большую Орду, основные силы Московского государства 14 июня 1500 г. в сражении на реке Ведроши разгромили войско литовского гетмана Константина Острожского.

Однако в результате разгрома врагов Русского государства, Литвы и Большой Орды, изменилась геополитическая ситуация в Восточной Европе: Россия превращалась в основного противника Крыма, который мечтал при помощи Турции возродить под своей властью золотоордынские порядки. После смерти в 1515 году хана Менгли-Гирея новый крымский хан Мухаммед-Гирей отказался от союза с Москвой и потребовал от Василия III отдать ему все города и земли южнее Оки, а Смоленск вернуть

польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду. Летом 1521 г. Мухаммед-Гирей, воспользовавшись тем, что основные силы русских были заняты войной против Литвы, предпринял небывалый доселе поход на Москву и дошел до столицы. В селе Воробьеве, в виду Кремля его воины, отбросив запреты пророка, пили хмельные меды из царских погребов.

Мухаммед-Гирей пытался взять под свой контроль и Казань, что надолго стало одним из приоритетов внешней политики Крыма. В этом же 1521 г. при поддержке Крыма казанские татары прогнали придерживавшегося московской ориентации казанского ханаШих-Али и посадили на престол Сахиб-Гирея, который был братом крымского хана. В 1532 г. Сахиб-Гирей, покинув казанский престол, стал ханом в Бахчисарае. По примеру своего брата он в 1541 г. тоже предпринял поход к Москве и едва ее не захватил.

Москве пришлось выстраивать оборонительную стратегию с учетом новой военной опасности. Как правило, крымские татары предпочитали совершать свои набеги по Оке, на Москву или Рязань. Поэтому особое внимание московские князья уделяли этому участку границы. В наиболее опасных, доступных для конной переправы местах постоянно располагались войска. Главные силы, как правило, стояли под Серпуховом (большой полк). Полк правой руки – в Тарусе, полк левой руки – в Лопасне, передовой полк – в Калуге, сторожевой полк – в Кашире.

Но московское правительство не ограничивалось пассивной обороной. В 1552 году войсками Ивана Грозного было завоевано Казанское ханство, четыре года спустя – Астраханское. Русские вышли на Северный Кавказ, в Пятигорье, где пришли в непосредственное соприкосновение уже со сферой влияния Османской империи. Когда в 1555 году русская армия вышла в степи, прилегавшие к Крыму, Сулейман дал понять Ивану Грозному, что не согласится с вторжением русских на полуостров. Письмо султана, написанное золотыми буквами на пурпурной бумаге, называло русского самодержца «удачливым царем и мудрым князем», видимо, намекая, что удача может повернуться к нему и спиной…

В это время Россия уже готовилась к Ливонской войне, и потому Иван Грозный внял предостережению Сулеймана и предпринимал попытки дипломатическим путем наладить мирные и даже союзнические отношения с Бахчисараем, учитывая острые противоречия между Крымом, Польшей и Литвой. Однако это ему не удалось, так как крымский хан Девлет I Гирей после захвата царем Казанского и Астраханского ханств стал непримиримым врагом России и поклялся вернуть власть над

мусульманскими государствами, попавшими в руки «неверных».

Тогда было решено воздействовать на крымского хана с помощью военной силы. В московской дипломатии боролись две политические силы, одна из которых – царская – пыталась разрешить ситуацию мирным путем, а другая – боярско-княжеская – стремилась к войне с Крымом. Царь уступил требованиям оппозиционной аристократии о походе на Крым: «Мужи храбрые и мужественные советовали и стужали, да подвижется сам (Иван Грозный) с своею главою, со великими войсками на Перекопского хана». На 1558–1561 гг. запланировали организовать по Днепру и по Дону крупные военные походы на Крым соединенными силами России, украинских казаков, пятигорских князей и Ногайской Орды, находившихся в зависимости от Москвы.

Напряженные отношения с Крымом вылились в прямую военную конфронтацию в мае 1558 года, когда русские войска под командованием князя Дмитрия Вишневецкого начали военный поход на Крымское ханство. В нем принимали участие отряды русского войска и украинских казаков, но привлечь к делу ногайцев и черкесских князей не удалось. Несколько сухопутных и морских походов под руководством Данилы Адашева и Дмитрия Вишневецкого не принесли решающего успеха, хотя в 1558 г. русские войска одержали победу над противником под Азовом (но сам Азов, принадлежавший Турции, взять не удалось), а в 1559 г. экспедиция под командой Д. Адашева уничтожила крымский порт Гезлев (ныне – Евпатория). Удары были нанесены по Очакову и Перекопу.

Но начиналась Ливонская война, и, не желая воевать на два фронта, в 1561 г. Иван IV отказался от планов массированного военного вторжения на Крымский полуостров и вновь попытался действовать дипломатическими методами. Он прекрасно понимал, что за спиной Крымского ханства маячит огромная Османская империя, находившаяся тогда на пике своего могущества.

Более того, турецкая пехота уже проторила дорогу к Москве. Не в последнюю очередь напряженность в русско-турецких отношениях вызывало то, что оба государства претендовали на власть над осколками Золотой Орды.

Вассалами Сулеймана Великолепного признавали себя казанские (Сафа-Гирей в 1524 году) и даже сибирские ханы. Казанское и Сибирское ханства надеялись получить от турок дипломатическую и военную помощь. И эти надежды не были беспочвенны. Османские войска принимали участие в походах крымских татар на Россию в 1541 году на Москву, в 1552-м и 1555-м – на Тулу, в 1556-м – на Астрахань. Русский поход 1558

года на Азов стал только ответом на все возрастающую агрессию южного соседа, которая усиливалась и в будущем, на протяжении 60-х – 70-х годов XVI века.

Но самые масштабные военные столкновения России и Турции в XVI веке произошли уже после смерти Сулеймана Великолепного. В 1569 г. его наследник предпринял военную экспедицию против Астрахани. Вместе с сухопутной турецкой армией, янычарами и артиллерией, которых прикрывала татарская конница, вверх по реке Дон поднялся турецкий флот. В излучине Дона, месте наибольшего сближения его с Волгой, турки начали строительство судоходного канала с целью вывести турецкий флот через Волгу в Каспийское море для захвата Астрахани и войны против своего традиционного врага – Персии. Попытка прорыть канал закончилась неудачно – турецкие инженеры не смогли построить необходимую для этого систему шлюзов.

Поход турок на Астрахань в 1569 г. не был неожиданностью для московского правительства. Еще в 1563 г. мысль о таком походе появилась у султана Сулеймана Великолепного, точнее – у его главного советника великого визиря Махоммеда Соколи. Тогда уже предполагалось соединить Волгу с Доном каналом. Поход был решен, и осенью 1563 г. в Крым был отправлен специальный посол «ага янычавской», который и передал хану Девлет-Гирею султанский приказ к весне готовить «запас», «кормить коней» и сделать тысячу телег для перевозки «наряда», т. е. различных артиллерийских припасов и орудий. Султан Сулейман обещал прислать на помощь хану и янычар. Бывшие в Крыму московские послы А.Ф. Нагой с товарищами собрали сведения о причине столь необычайного предприятия и выяснили, что причина эта крылась в челобитье Сулейману со стороны черкесов, астраханцев, казанцев и ногайцев. К султану они взывали как к «халифу», покровителю всех «правоверных». Послы пустились на хитрость: они завязали сношения с янычарским агой, пригласили его к себе на обед, подпоили и узнали от опьяневшего аги, что в Константинополе деятельно готовились к экспедиции, особенно к прорытию Волжско-Донского канала: «У Турского [султана], – откровенничал ага, – наряд и для поткопов буравье и заступы и топоры и корыта к весне все готово». Намечена была и трасса будущего водного соединения и стратегический план похода: Доном добраться до реки Иловли, там переложить «наряд» на телеги и плыть в мелких судах до реки Черепахи, впадающей в Волгу; между Иловлей и Черепахой одолеть Переволоку верст в семь, спуститься по реке Черепахе до Волги, перебраться на другую сторону и идти затем к

Астрахани.

Однако Девлет-Гирей совершенно не желал отправляться в поход и отговаривал от него султана. Крымский хан боялся роста могущества турок на северных берегах Черного моря, на Дону и Волге, т. к. это грозило Крыму превращением в обыкновенную провинцию Турции. Стараниями хана поход действительно был отменен, и султан «к Астрахани ходити не велел».

Султан Сулейман в дальнейшем не предпринимал больше попыток организовать поход на Астрахань, хотя к этому и старался его склонить дефтердарь («великий дьяк», как переводили это звание в Москве) Касим-бей, родом черкес. По сведениям, собранным московским послом в Турции И.П. Новосильцевым, Касим-бей соблазнял султана большими выгодами, которые получила бы от захвата Астрахани султанская казна, нуждавшаяся в пополнении при огромных затратах на военные нужды: При этом указывалось огромное торговое значение Астрахани как коммерческого центра всей Юго-Восточной Европы и Центральной Азии.

Но и это не могло убедить старого султана. Сулейман отказался последовать настояниям Касим-бея – он не очень высоко ценил военные качества татар и был слишком занят своими внутренними неурядицами и неуспешными военными операциями в Европе, чтобы при явно неодобрительном отношении к предприятию крымского хана жертвовать столь необходимым ему турецким войском для сомнительной экспедиции в далекой стране. Практичный Сулейман остался глух и к религиозной стороне вопроса. Касиму он прямо заявил, что воевать с московским государем, с которым еще деды его были в дружбе, нет причины: москвичи не захватили у турок ничего, «а Азсторохань, деи, не наша Турская земля – то, деи, Московскому бог дал».

Положение изменилось через несколько лет, когда преемником Сулеймана с 1566 г. стал его сын, развратный пьяница, сумасбродный и легкомысленный Селим II. С одной стороны, открылась полная возможность производить давление на султана, жаждавшего военной славы, с другой – сложнее стала и обстановка на юго-востоке Русской равнины. Крым очень беспокоило настойчивое и успешное продвижение Московского государства на Северном Кавказе. На реках Тереке и Сундже выросли «города», где под предлогом защиты «пятигорских» (кабардинских) князей, вассалов Московского государства, постоянно пребывали то московские отряды, то московские гарнизоны. Та часть черкесских князей, которые пытались сохранить свою самостоятельность, еще в 1564 г. указывала хану

Девлет-Гирею на недопустимость возведения этих укреплений во владениях тестя Ивана IV князя Темрюка Кабардинского. «Если там будет поставлен «город», – говорили они, – то не только им пропасть, но и Тюмень и Шемкал будут за Москвою».

Тогда Девлет-Гирей остался равнодушен к этим указаниям, заявив посланным, что у него нет достаточно сил, чтобы помешать московскому царю ставить город, но очень скоро его отношение стало иным, и была снаряжена специальная военная экспедиция крымских царевичей, которая разведала о постройке «города» на реке Тереке и погромила кабардинцев, покровительствуемых Москвой.

Обход Крыма с востока особенно волновал хана еще и в связи с успехами России в Ливонской войне. Широко было, по-видимому, распространено в Крыму убеждение в пагубности для крымского «юрта» поражения Польши и Литвы и полной невозможности вследствие этого какого-либо серьезного для этой цели военного союза с московским царем. Выход из положения напрашивался сам собой: чтобы положить конец возможному стратегическому окружению, необходимо было где-то разорвать стягивающуюся петлю, и местом для удара легче и удобнее всего, казалось, могла служить только единоверная и единоплеменная Астрахань, тем более что из Казани и Астрахани в Крым постоянно приходили люди с уверениями, что, как только крымское войско двинется в большой поход против «Московского», то в их странах немедленно поднимется восстание.

В конце 1567 – начале 1568 г. Селим II приказал хану Девлет-Гирею вновь готовиться к походу на Астрахань.

Слухи о приготовлениях в Стамбуле к походу стали циркулировать в массе крымского населения, и московские послы тщательно собирали и посылали в Москву всю информацию. Послы отправили в Кафу некоего Ивана Григорьева, снабдив его 200 алтынами. К 1 июня 1568 г. Григорьев вернулся и привез следующие данные о количестве воинских людей и планах турок: морским путем в Кафу прибыло 3 санджака (полководца), а с ними 1500 спагов и их людей, 1800 янычар, 100 пушкарей, 2000 гребцов «и которым суды волочити»; судов в Кафе построено 300, да телег приготовлено 600; из них в Азов уже отправлено 220 судов и 400 телег, тяжелую артиллерию и «зелье» (порох) погрузили в суда еще до приезда в Кафу Ивана Григорьева, почему он и не мог сообщить их количества, но мог наблюдать, как 31 мая Касим-паша двинулся в поход по суше с санджаками, спагами и янычарами (1000 человек) и с 12 пушками «полковыми невеликими»; на судах из Кафы до Азова, а оттуда Доном до

Переволоки была отправлена тяжелая артиллерия с 800 янычарами и 2000 гребцами. Кроме того, послы получили сведения, что из Турции прибывают дополнительные войска: 7 санджаков по 600-1000 солдат. Общее число войск, двинутых из Турции, по сообщению самих турок, доходило до 80000 человек. В июле 1568 г. в Крым приехал назначенный беглербеем (генерал-губернатором) Касим, получивший уже звание паши. С ним в Кафу пришло три корабля с 50 пушками «большими», «средними» и «малыми» и с порохом.

Турки планировали, что если не удастся взять приступом астраханскую крепость, то на «старом городище» сделают «город», т. е. укрепления, где и засядет Касим-паша с турецким войском.

Касим-паша, командовавший турецкими войсками, предложил хану начать поход немедленно (в 1568 г.), но хан решительно запротестовал, заявив, что пусть в таком случае отправляется один Касим, так как без янычар он идти не согласен: татары не привыкли брать города («не городоемцы»). Для предохранения турецко-татарского войска от возможного удара с фланга Девлет-Гирей предложил Касиму завязать сношения с дружественным Москве князем Тинехматом Ногайским и его мурзами с коварной целью «к себе приманив, побито, а на Ногаех бы учинити на болшем княженье Казыя мурзу, что он нам верен».

В начале марта 1569 г. в Кафу прибыли корабли с артиллерийскими «запасами», со ртутью и серою, «и с чепми» (с цепями), чтобы делать «на Волге на чепях мост»; прибыло на кораблях и 300 янычар, остальные воинские люди должны были явиться «полем» (через Балканский полуостров и Днепр). Касим-паша в Кафе нанимал в поход конных и пеших людей и заботился о продовольствии будущего войска. Приходящих в Кафу ногайцев он одаривал деньгами, кафтанами и сапогами, а затем отпускал в Ногаи с предложением: как только турки и татары пойдут в поход, являться в рать «с торгом и с животиною».

В марте 1569 г. и Девлет-Гирей начал собирать свое войско. В мае из Турции привезли от султана на наем войска 30 тысяч золотых, два с половиной контара[27] серебра, 30 контаров меди, 70 доспехов, 70 шлемов, 1000 сабель, 1000 кафтанов, 1000 сапог, 300 «портищ» бархата, камок и атласов золотых на тягиляи татарам и 3000 батманов пшеницы, арпы и проса. Прибыло и подкрепление в 10 000 человек, но ожидали дополнительные войска. Султан Селим сообщал, что в поход он отправляет своего «третьего» пашу – Пилу-пашу, а с ним «голов» – «Амбреима-князя» и «Юнуса-князя» с 15 000 войска, которое должно идти прямо в Азов, не заходя в Крым.

Десятидневная осада Астрахани без осадной артиллерии (которую так и не сумели доставить к астраханским стенам) и под осенними дождями окончилась полной неудачей, все атаки гарнизон под командованием князя П.С. Серебряного отбил. Московское войско под командованием двоюродного брата Ивана Грозного, князя Владимира Андреевича Старицкого, отправленное на помощь Астрахани, даже не дошло до города, когда от него отступили турки. Не успела выслать свои войска и Персия, с которой вели переговоры о военной помощи московские послы.

Бесславное возвращение турок через безводные степи, по которым их, как говорят, долго и не без умысла водили «союзники»-крымцы, стоило им огромных жертв. Проезжавший через Кафу в феврале – марте 1570 г. посол в Турцию И.П. Новосильцев писал, что на родину вернулось меньше четверти турецкого войска; не все вернулись и санджаки, а из 3000 янычар возвратилось всего 700, да и то все больные; вернувшись в Турцию, они открыто заявляли, что они ни за что вновь не пойдут в такой поход – пусть уж лучше султан казнит их в Стамбуле.

Полный крах огромной армии «непобедимых» турок под Астраханью произвел огромное впечатление, и не только в странах Восточной Европы и Азии. Московский посол с гордостью доносил своему правительству в 1570 г.: «Да… во Фрянские (итальянские) городы весть пришла, что Азсторохани не взяли, а людем учинился великой изрон. И фрянки, деи, о том возрадовалис, меж собя учали говорите: «Государь, деи, московской – великой и кому, деи, против его стояти. А от неверных, деи, его бог оборонял»«.

В Турции решено было более не предпринимать попыток захватить устье Волги и соединять ее с Доном. Их отвлекла от военной астраханской операции огромная война, которая предпринята была ими в Средиземном море и принесла им поражение при Лепанто в 1571 г.

Отказ турок от повторения похода развязывал руки крымцам и Девлет-Гирею. Обезопасив себя со стороны турок, хан, однако, не отказался от своей враждебной политики в отношении Москвы. Через несколько лет, в 1571 г., Девлет-Гирей попытался поразить врага непосредственно в самом центре его владений – в Москве.

На этот раз русские понесли сокрушительное поражение, потеряв армию и сгоревшую Москву. То, что это поражение русских войск было изменой, подтверждает Р.Ю. Виппер: «Крымский хан действовал по соглашению с Сигизмундом, об этом знали в Москве сторонники польской интервенции

(участники заговора Челяднина-Старицкого), которые все еще не перевелись, несмотря на казни предшествующего трехлетия; они «не доглядели» приближения татар, не сумели, или, лучше сказать, не захотели организовать оборону столицы».

Сожжение Москвы было воспринято в Крыму как месть московскому царю за разгром Казани в 1552-м. За взятие Москвы хан получил прозвище Взявший Трон. Девлет 1 направил Ивану IV письмо с требованием очистить Поволжье от русских войск и восстановить независимость Казани и Астрахани. Он писал: «Жгу и опустошаю все из-за Казани и Астрахани, а богатства всего света считаю за пыль, надеясь на Божье величие… Был бы в тебе стыд и мужество – так ты бы пришел и против нас стоял. Захочешь с нами душевной мыслью в дружбе быть – так отдай наш юрт: Астрахань и Казань; а захочешь казной и деньгами всего мира богатство нам давать – нет надобности: желание наше – Астрахань и Казань».

Находясь в тяжелом положении после московского погрома, Иван Грозный в ответном послании крымскому хану ответил, что согласен на передачу под крымский контроль Астрахани, но Казань вернуть отказался.

Многие советники Девлета-Гирея советовали хану согласиться на это предложение, однако в нем возобладала гордость, ибо хан не хотел нарушать данного обещания вернуть Казань своему роду. Более того, окрыленный успехами летней кампании, он выдвинул план полного разгрома и подчинения Русского государства, нашедший поддержку у османского правительства в Стамбуле. И уже в следующем, 1572 году нападение крымской армии повторилось.

В июле 1572 года Девлет-Гирей в четвертый раз пошел на русские земли. На этот раз у него было около 120000 воинов, в том числе 40000 турецких пехотинцев, среди которых 7000 янычар – половина всего янычарского корпуса, имевшегося в распоряжении Османской империи.

В Москве готовились к татарско-турецкому нашествию. Был выпущен «Наказ» воеводе Михаилу Ивановичу Воротынскому, который в то время был главой пограничной стражи в Коломне и Серпухове и командовал Большим полком (полком правой руки руководил воевода князь Н.Р. Одоевский; передовым полком – князь А.П. Хворостнин; сторожевым полком – князь И.П. Шуйский; полком левой руки – князь А.В. Репнин; в Большом полку кроме главного воеводы находились воеводы И.В. и Ф.В. Шереметьевы). Этот «Наказ» предусматривал два варианта боев: походы крымцев к Москве и столкновение их со всем русским войском или обычный для татар быстрый налет, грабеж и такой

же быстрый отход. В первом случае составители наказа посчитали, что Девлет-Гирей поведет войска «старой дорогой» в верховьях Оки, и предписывали воеводам спешить к реке Жиздре (в современной Калужской области). Если же крымцы просто пришли пограбить, то предписывалось устраивать засады на путях их отхода, то есть, по сути, начать партизанскую войну. Все же русское войско, стоящее на Оке под командованием воеводы князя Воротынского, насчитывало примерно 20 тысяч человек.

27 июля крымско-турецкое войско подошло к Оке и стало переправляться через нее в двух местах – у деревни Дракино (выше Серпухова по течению) и у впадения в Оку реки Лопасни, у Сенькиного брода. Здесь оборону держал отряд из 200 детей боярских. На них обрушился авангард крымско-турецкого войска под командованием Тебердей-мурзы, стократно превосходящий защитников переправы. Несмотря на такое чудовищное превосходство, никто из них не дрогнул, хоть в страшном бою погибли практически все. После этого отряд Тебердей-мурзы достиг реки Пахры (недалеко от современного Подольска) и встал здесь в ожидании главных сил, перерезав все дороги, ведущие в Москву. На большее он, потрепанный в битве у Сенькиного брода, был уже неспособен.

Главная позиция русских войск, укрепленная гуляй-городом, находилась у самого Серпухова. Гуляй-город представлял собой обычные телеги, укрепленные дощатыми щитами с прорезями для стрельбы и составленные кругом. Против этой позиции Девлет-Гирей выставил для отвлечения двухтысячный отряд. Главные же силы крымцев переправились у деревни Дракино и столкнулись в тяжелейшем сражении с полком воеводы Никиты Одоевского. Разгромив отряд русских, главные силы крымцев двинулись на Москву. Тогда воевода Воротынский снял войска с береговых позиций и двинулся вдогонку.

Крымское войско изрядно растянулось. Если передовые его части стояли на реке Пахре, то арьергард только подходил к селу Молоди (в 15 километрах от Пахры), где и был настигнут передовым отрядом русских войск под руководством молодого и храброго воеводы Дмитрия Хворостинина. Вспыхнул яростный бой, в результате которого крымский арьергард был наголову разгромлен. Это произошло 29 июля.

Узнав о разгроме своего арьергарда, Девлет-Гирей развернул все свое войско на 180 градусов; отряд Хворостинина оказался лицом к лицу со всей крымской армией. Но, верно оценив обстановку, молодой князь не растерялся и мнимым отступлением заманил противника к гуляй-городу, к тому

времени уже развернутому на берегу реки Рожай (ныне – Рожая), в котором находился большой полк под командованием самого Воротынского. Началась затяжная битва, к которой татары были не готовы. В одной из безуспешных атак на гуляй-город был убит Тебердей-мурза.

После ряда небольших стычек 31 июля Девлет-Гирей начал решающий штурм гуляй-города. Но он был отбит. Татары понесли большие потери, был убит советник крымского хана Дивей-мурза. Татары отступили.

На следующий день, 1 августа, атаки прекратились, но положение осажденных было критическим – много раненых, почти кончилась вода. 2 августа Девлет-Гирей снова погнал свое войско на штурм, и снова приступ был отбит – крымская конница не могла взять укрепленную позицию. И тогда крымский хан принял неожиданное решение – он приказал коннице спешиться и атаковать гуляй-город в пешем строю совместно с янычарами. Дождавшись, когда главные силы крымцев (в том числе и янычары) втянутся в кровавую схватку за гуляй-город, воевода Воротынский незаметно вывел большой полк из него, провел его лощиной и ударил в тыл крымцам. Одновременно из-за стен гуляй-города сделали вылазку и воины Хворостинина. Не выдержав двойного удара, крымцы и турки побежали. Потери были огромны: погибли все семь тысяч янычар, большинство татарских мурз, а также сын, внук и зять самого Девлет-Гирея. Множество высших крымских сановников попало в плен. Хан, оставив победителям богатую добычу: обоз, шатры, даже собственное знамя, ночью бежал с поля боя.

Русские преследовали отступающих крымцев до переправы через Оку, где был полностью уничтожен 5-тысячный татарский арьергард, охранявший ее. В Крым вернулись не более 10 тысяч воинов…[28]

В этом бесславном походе Крым лишился практически всего боеспособного мужского населения. Турция потеряла свое элитное войско – янычар, до сих пор считавшихся непобедимыми. Россия в очередной раз показала всему миру, что является великой державой и способна отстоять свой суверенитет и территориальную целостность.

Сражение при селе Молоди стало поворотной точкой в отношениях между Россией и Крымским ханством. Оно поставило жирный крест на агрессивно-экспансионистской политике Крыма и Турции в отношении России и разрушило планы Турции по возвращению Среднего и Нижнего Поволжья в сферу ее геополитических интересов.

В этой великой и в то же время неизвестной битве Крымскому

ханству был нанесен сильнейший удар, после которого оно уже никогда не оправилось вплоть до его присоединения к Российской империи в 1783 году

Посох Грозного царя

Нам трудно представить себе государя Иоанна Васильевича без его знаменитого жезла. Об этом атрибуте царской власти остались многочисленные упоминания современников правления Грозного царя, его жезл многократно описан в литературных произведениях. Видимо, государь практически никогда не расставался с ним. Почему? Чем он был так дорог царю?

А с другой стороны, царский жезл вызывал и вызывает яростные нападки недоброжелателей и клеветников Грозного. Одни из них приписывают Иоанну Васильевичу убийство сына именно этим жезлом. Другие красочно описывают, как царь своим посохом подгребал уголья под терзаемых на кострах бояр. Третьи и вовсе сообщают как «достоверное» известие, что жезл вручался московским государям «крымскими (!) ханами как знак вассальной зависимости». Почему же врагам Русского православного царя, помазанника Божьего, был так ненавистен его посох?

В октябре 1553 года Государь посетил Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь, которому царь еще раньше (он посещал его трижды – в 1545, 1553 и в 1571 годах) пожаловал денежное подаяние на устройство каменного главного храма во имя Богоявления Господня. А теперь приехал проверить, как использован его вклад. Храм был освящен 2 октября 1553 года (в первую годовщину взятия Казани) в присутствии государя. В монастырских записях было отмечено: «Грозный царь, по совершении церковного торжества, в знамение упования своего на высшую помощь при одолении врагов, взял жезл, хранившийся в монастыре от времен преподобного Авраамия». По некоторым же данным, государь взял посох еще до Казанского похода (М.В. Толстой. История Русской Церкви) и держал его при себе во время военных действий.

Такая версия представляется весьма вероятной в свете того, что поход на Казань воспринимался Русью как Крестовый – то есть, как религиозная война. Посох святого Авраамия был увенчан крестом, который затем отделили от посоха. После революции 1917 г. он хранился долгое время в семье одного благочестивого московского священника, а в настоящее время находится, по некоторым данным, в городе Суздале.

Известно, что царь после штурма Казани воздвиг над ней крест, а затем приказал построить на том месте первый православный храм во имя Нерукотворного Спаса. Не крест ли преподобного Авраамия был поднят над Казанью?

Царь заплатил за посох огромную цену. Когда он отправился в 1553 году на богомолье (а государь планировал посетить не только Ростов, но и Кирилло-Белозерский монастырь в благодарность за исцеление от тяжелой болезни), враги всячески старались помешать ему в этом. Князь Курбский лгал царю, что святой Максим Грек предрек через него (хотя преподобный Максим перед тем лично встречался с Царем и мог ему все сказать сам) государю гибель первенца, царевича Димитрия, если только Иоанн Васильевич не повернет обратно в Москву. Царь не сошел со своего пути. И, на одном из привалов, кормилица, поднимаясь в струг, уронила младенца-царевича в реку. Остается только гадать, случайно или нет произошло столь странное и страшное событие. Ведь это был именно тот царевич-«пеленочник» (то есть, младенец) которому так не хотели служить бояре во главе с князем Владимиром Старицким.

Но чем же таинственный посох привлек внимание самого царя?

Город Ростов еще в XI–XII веках оставался городом воинствующих язычников. Первый епископ Ростова, Феодор, грек по происхождению, привел ко Христу многих ростовцев и построил в городе храм в честь Пресвятой Богородицы, но, не стерпев гонений от поганых, «бежа во греки паки». То же случилось и с его преемником – епископом Иларионом. Третий ростовский епископ, Леонтий, принял мученическую смерть от язычников. Его сменил св. Исайя, крестивший всю Ростовскую область кроме «Чудского конца» в самом Ростове.

Здесь, в «Чудском конце», окопались идолопоклонники, превратив его в цитадель язычества. Их знаменем стал древний идол Велеса – «скотьего бога». По словам летописи, в этом идоле «сосредоточились вся сила и все обольщение демонское; живший в истукане злой дух не только своих служителей, но, позднее, и нетвердых в вере христиан пугал различными страшными призраками, так что опасно было и проходить тем путем».

Именно святому преподобному Авраамию было суждено Богом сокрушить идола и повергнуть в прах силу бесовскую. Он еще молодых летах стал иноком в Валаамовом монастыре. Затем, «по высшему внушению поселился он на берегу озера Неро, невдалеке от Ростова, в жалкой хижине, построенной своими руками. Равноапостольная жизнь святого Авраамия доставила ему Божественную благодать исцелять расслабленных и недужных, слава старца росла».

Но «Чудской конец» все еще поклонялся своему идолу, о чем святой Авраамий очень скорбел. После долгих размышлений он решил, что единственный способ заставить язычников отказаться

от поклонения своему идолу – уничтожить самого истукана. Святой Авраамий стал молить Бога помочь ему в таком трудном деле, и молитва его была услышана.

Однажды преподобный, сидя у своей хижины, увидел идущего к нему чудного старца, который сказал, что Бог исполнит желание святого Авраамия и сокрушит идола, если Авраамий совершит путешествие в Цареград и помолится там перед иконой Апостола Иоанна Богослова. Пообещав притом, что Господь сократит его путь, старец исчез, а святой Авраамий немедленно отправился в дорогу.

Как и сказал старец, путь преподобного Авраамия был «сокращен»: святой успел пройти всего лишь три версты от Ростова и тут встретил человека «зело благолепно суща, имеюща в руце трость». Пораженный его величественным видом, святой Авраамий невольно пал к его ногам и на вопрос: «Куда он идет?», – поведал о цели своего путешествия. Таинственный незнакомец подал ему трость и сказал: «Возвратись обратно к месту твоему; безбоязненно подойди к идолу Велесу; тростью этою и именем Иоанна Богослова свергни его; рассыплется истукан в прах, и обратятся люди неверные ко Христу!» Произнеся такие слова, святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов – а именно им был незнакомец – стал невидим.

Святой Авраамий вернулся в Ростов, и, подойдя к капищу, в присутствии множества народа, именем Господа Иисуса Христа и повелением Иоанна Богослова, сокрушил данным ему посохом идола Велеса. Пораженные язычники в большинстве своем приняли христианство.

Преподобный Авраамий немедленно сообщил обо всем Ростовскому епископу Исаии и испросил у него благословение на строительство двух храмов: одного – на месте явления ему святого Апостола Иоанна Богослова, а другого – на месте сокрушенного идола. Здесь была построена церковь Богоявления Господня, ставшая началом Богоявленского монастыря, которому и помогал в строительстве храма царь Иоанн Грозный.

Таким образом, посох святого преподобного Авраамия, который стал жезлом Грозного для врагов России царя, был послан на Русскую землю самим Господом через Его любимого ученика Иоанна Богослова.

Как считают многие в наше время, государь Иоанн Васильевич Грозный есть прообраз последнего Русского Православного царя апокалиптических времен, грядущего очистить Святую Русь, выгрызть на ней измену и вымести с нее предателей, оградить ее от антихриста. И потому значение посоха, полученного, по легенде, из рук самого Иоанна Богослова,

сподобившегося принять от Бога и записавшего нам в предостережение и назидание Откровение о конце света, трудно переоценить. Становится понятна и ненависть к посоху (предмету неодушевленному) врагов царя и Святой Руси, и то, почему им так дорожил царь.

Гибель династии

Версия о том, что Грозный царь был отравлен, стала в народе одной из основных практически сразу после его смерти. Как уже упоминалось ранее, о ней писали и русские, и иноземные современники царя. **Только историки,** как ни странно, окружили эту версию молчанием. В тех редких случаях, когда никак нельзя было избежать упоминания о ней, фактам придавалась такая извращенная интерпретация, что просто диву даешься.

Именно так произошло после вскрытия гробницы государя в Архангельском соборе в апреле-мае 1963 года. Тогда экспертиза показала, что мощи царя содержат смертельное количество ртути. Но, несмотря на явные следы отравления, некоторые специалисты поспешили объявить, что это – всего лишь последствия неудачного лечения ртутными мазями застарелого сифилиса.

Так писали в 60-е гг., вскоре после эксгумации останков царя и его сыновей, так писали и в наше время, когда исследования, ведущиеся с середины 1990-х годов, доказали факт отравления практически всей семьи царя Иоанна IV. Его мать, Великая княгиня Елена († 1538), первая жена, царица Анастасия, († 1560), царевна-младенец Мария, царевич Иван Иванович († 1581), царь Федор Иоаннович († 1598) были отравлены мышьяком и ртутью. Таким образом, царскую семью травили на протяжении 60 лет!

Однако, очевидные факты не помешали, например, Александру Маслову, профессору судебной медицины, написать: «Исторически достоверно, что препараты ртути стали применять на Руси **с конца XV в.,** причем **исключительно для лечения сифилиса.** В конце XV – начале XVI веков многие страны Европы охватила эпидемия сифилиса…Относительно быстро распознанная связь этого тяжелейшего заболевания с половой жизнью дала основание назвать сифилис «половой чумой»! К этому же времени относится распространение сифилиса и в России. В царствование Ивана Грозного сифилис, несомненно, гулял по Москве.

Мог ли царь Иван заболеть сифилисом? Летописцы бесстрастно отмечали, что после смерти первой жены Анастасии «нача царь яр быти и прилюбодействен зело». Сифилис был неотвратимым наказанием сластолюбивого и похотливого монарха».

Что тут можно сказать? «Исторически достоверно», что сифилис был завезен моряками Колумба в Испанию из Америки в 1493 году, – как раз в конце XV века.

В 1494 г. испанский король Карл VIII, собрав огромное

войско, вторгся в Неаполитанское королевство. Так, вместе с испанскими солдатами, сифилис пришел в Италию. Историк того времени Пьетро Бембо записал: «Вскоре в городе, занятом пришельцами, вследствие контагия и влияния светил началась жесточайшая болезнь, получившая название галльской».

Почему «галльской»? После войны часть испанских наемников оказалась во Франции, откуда зараза стала распространяться по всей остальной Европе. В конце XV века срамная болезнь только-только появилась в Польше, и московские власти пытались задержать эпидемию на границе. Великий князь Иоанн III Васильевич (дед Иоанна IV), посылая в 1499 г. в Литву боярского сына Ивана Мамонова, поручил ему, «будучи в Вязьме, разведать, не приезжал ли кто с болезнью, в которой тело покрывается болячками и которая называется французскою».

Из вышесказанного следует вывод, что сифилис **не мог быть широко распространен** на Руси уже в конце XV века, как это утверждает почтенный профессор медицины, хотя, конечно, отдельные случаи могли иметь место.

Ошибается профессор и в том, что «препараты ртути стали применять на Руси с конца XV в., причем исключительно для лечения сифилиса». Препараты ртути в виде мазей для лечения сифилиса были предложены Теофрастом Парацельсом только **в первой половине XVI века.** Парацельс не мог сделать свое открытие раньше, так как родился в 1493 году (странно, что данный факт не известен профессору **медицины**). В конце XV века Парацельс был еще младенцем, а его мази не существовали и не могли применяться в России, даже если предположить, что испанские моряки завезли в нее сифилис раньше, чем в Испанию.

Было бы также интересно узнать, какие конкретно летописцы «бесстрастно отмечали» «ярость и прелюбодейство» царя после смерти первой жены – царицы Анастасии. Ведь известно, что царь глубоко переживал ее смерть, был уверен, что ее отравили (и оказался прав!). А через **год** вступил во второй брак – с царицей Марией Темрюковной. Сделал он это по настоянию ближайших сановников, исходя из политической необходимости: утвердиться в Пятигорье, перерезать путь туркам на нижнюю Волгу и к Каспию, и защитить, таким образом, завоеванные Казань и Астрахань. Так что «яриться и прелюбодействовать» у него просто не было времени. Как и болеть сифилисом.

То, что это заболевание не коснулось царя, было известно еще 40 лет назад. Как отмечает заведующая археологическим отделом музея «Московский Кремль» Т.Д. Панова, «**очень решительно отмел** М.М. Герасимов заключения некоторых слишком ретивых авторов о том, что Иван IV примерно с 1565

года (около двадцати лет) болел сифилисом. Тем же недугом (и с того же времени!) якобы страдал и его старший сын Иван. Авторов такой идеи даже не остановил возраст мальчика – ему тогда было всего 10 лет! **Ни на костях скелета, ни на черепе Ивана Васильевича и его сына следов венерических заболеваний нет, а они должны были бы быть, если бы они действительно болели сифилисом**».

Во время первой эпидемии сифилиса в XVI веке эта болезнь отличалась особо неблагоприятным течением, в частности, деструктивным изменением костей скелета. При третичном сифилисе (каковой и приписывают царю) такие изменения практически неизбежны. Комиссии, работавшей в Кремле в 1963 году, данный медицинский факт был хорошо известен.

Но в актах вскрытия отмечено: «**Каких-либо патологических изменений и следов механических повреждений на костях обнаружено не было**».

Однако, все эти детали «ускользнули» от апологетов «срамной версии», старательно стремящихся очернить государя. Они не только «не замечали» явных признаков отравления, но и прямо фальсифицировали выводы, следовавшие из открывшихся фактов.

Заявив, что количество мышьяка (основного яда вплоть до первой половины XX века) «не дает оснований говорить об отравлении», – хотя и по мышьяку цифры превысили верхнюю границу допуска, – «эксперты» объявили, будто «**пятикратное превышение** количества ртути, обнаруженное в останках царя Ивана Грозного и царевича Ивана, **в сравнении с количеством ртути, содержавшейся в останках царя Федора и князя Скопина-Шуйского**», вызвано хроническим отравлением при лечении срамной болезни. И откинули, таким образом, самую вероятную версию: о преднамеренном отравлении царя.

Обращает внимание и то, с какой иезуитской изощренностью преподносятся факты. Ведь отсчет количества ртути ведется не от максимально допустимой нормы, а «в сравнении с количеством ртути, содержавшейся в останках царя Федора и князя Скопина-Шуйского», которые также были отравлены! Во всяком случае то, что князь Скопин-Шуйский, спаситель России от Лжедмитрия II, был отравлен, ни у кого – ни у современников, ни у историков – не вызывало сомнения, а теперь доказано и отравление царя Феодора Иоанновича (см. ниже). То есть, **за норму принимается смертельная доза яда.**

На самом деле, в останках царя Иоанна Грозного и его сына Ивана показания естественного фона по ртути превышены в 32 раза! Естественное содержание ртути составляет в печени не

более 0,02 мг, в почках – 0,04 мг, а мышьяка – до 0,07 мг и 0,08 мг соответственно. В останках государя было обнаружено 1,33 мг ртути и 0,15 мг мышьяка. Таким образом, по ртути превышение в 32 раза, а по мышьяку – в 1,8 раз. «Эти-то цифры и породили массу несуразных идей о неприличных болезнях, следов которых, как уже говорилось, не найдено», – пишет Т.Д. Панова.

Казалось бы, все ясно – царя отравили! Но не тут-то было. Инерция мышления или страх пойти против могущественных сил, заинтересованных в клевете на царя, порождает у Пановой полные бессилия слова: «По поводу большого количества ртути и мышьяка (значительно выше фонового содержания!) **можно строить только догадки.** Внезапность смерти Ивана IV, отмеченная многими, вряд ли свидетельствует об отравлении… исследования экспертов-химиков особой ясности в вопрос о причинах смерти царя Ивана IV не внесли, а лишь добавили еще одну версию – сердечный приступ, об этом писал М.М. Герасимов. Состояние организма царевича Ивана и вовсе стало загадкой – умер от удара по голове, нанесенного отцом, но **стоял на грани гибели от хронического отравления мышьяком и ртутью**».

Более того, Панова выдвигает совершенно «оригинальную» версию о том, что царь сам отравил себя: «Есть смутные указания, что царь Иван Васильевич (а возможно, и его старший сын), боясь отравления, приучал свой организм к ядам, принимая их маленькими дозами. Это вполне реально, учитывая данные экспертиз; количество ртути в организмах отца и сына одинаково, а по мышьяку лишь небольшое расхождение. Хроническое отравление не успело свести в могилу царевича Ивана – это сделал его отец своею собственной рукой».

Будучи до сего момента необыкновенно скрупулезной, даже в газетной статье указывая на источники, которые она цитирует, здесь Т.Д. Панова ограничивается упоминанием о «смутных указаниях» (чьих? когда сделанных?), и на столь шатком фундаменте возводит историю, навеянную видимо, воспоминаниями о царе Митридате, который как раз и «приучал» себя к ядам. Правда, она забывает сообщить читателям: Митридату это так хорошо удалось, что он не только не повредил своему организму, но и не смог отравиться, чтобы спастись от врагов. Пришлось воспользоваться мечом.

Странно также слышать и о **небольшом** расхождении в количестве мышьяка, найденного в останках царя и его сына. Конечно, по сравнению, например, с дочерью Иоанна Грозного, Марией, в саркофаге которой мышьяка найдено в 47 раз больше предельно допустимой нормы, дозы отца и сына практически

равны. Но, тем не менее, если у царя мышьяка в 1,8 раз больше нормы, то у царевича Иоанна – в 3,2 раза. Разница заметная, почти в два раза.

И, конечно, ни о какой «внезапности смерти» как Грозного царя, так и его сыновей говорить не приходится. Как уже говорилось, за два года до царской кончины Антонио Поссевин заявил на заседании правительства Венецианской республики, что «московскому государю жить не долго». Царю Иоанну Грозному было в то время всего 52 года! В январе 1584 года сам государь пророчески предсказал свою близкую – через три месяца – смерть. 20 февраля был отменен из-за плохого самочувствия государя прощальный прием английского посла. 10 марта был остановлен польский посол, так как «государь учинился болен». То есть о «внезапной смерти» говорить трудно. Кризис продолжался около двух недель. Столько же примерно длилась предсмертная болезнь его старшего сына, Иоанна. Другой его сын, царь Феодор Иоаннович умирал 12 дней.

Умиляет и то, что для серьезных, владеющих темой ученых смерть царевича Иоанна является загадкой. Дескать, «умер от удара по голове, нанесенного отцом, но стоял на грани гибели от хронического отравления мышьяком и ртутью». Но загадка остается таковой только до тех пор, пока слепо следуешь навязанной клеветниками версии об убийстве царем своего сына. Версии, которая не подтверждена ничем: ни летописями, ни свидетельствами очевидцев, ни какими-либо вновь открывшимися научными фактами.

Напротив, факты свидетельствуют как раз об ином. Главной целью эксгумации 1963 года было выяснить причины смерти царя и его сыновей. То, что обнаружили в саркофаге царевича Иоанна, ни в коей мере не подтверждает общепринятую версию о сыноубийстве. Череп царевича совершенно не сохранился. Как сказано в судебно-медицинской экспертизе останков, «соответственно месторасположению черепа в саркофаге обнаружены только части нижней челюсти, серо-белая порошкообразная масса, в которую превратились остальные кости черепа, мозг и мягкие ткани головы». Таким образом, самая главная улика, которая могла бы раз и навсегда пролить свет на дело об убийстве царевича, утрачена.

Однако исследователи обнаружили «копну хорошо сохранившихся волос ярко-желтого цвета длиной до 5–6 см… **Признаков наличия крови на волосах не обнаружено**». Это хотя и косвенное, но весьма серьезное подтверждение того, что никакой раны на голове царевича в момент смерти не было. Иначе кровь непременно сохранилась бы на волосах и была бы

обнаружена впоследствии. Едва ли лежащему при смерти, раненому в висок человеку стали бы отмывать волосы до такой чистоты, что и современные криминалисты не могут найти на них следы крови. Да и покойников тогда обмывали далеко не так тщательно. К тому же в XVI веке еще не существовало средств гигиены, которые с легкостью могут отмыть пятна крови.

Зато следы отравления царевича Иоанна просто нельзя не заметить. В останках царевича ртути нашли ровно столько же, сколько и в останках царя Иоанна – 1,33 мг, а мышьяка, как сказано выше, почти в два раза больше, чем у отца – 0,26 мг, при максимально допустимом уровне в 0,08 мг. Именно одинаковое количество ртути позволило «экспертам» в 60-е годы говорить о том, что отец и сын «лечились» с одного времени – примерно с 1565 года. Однако, в первую очередь, такое совпадение может свидетельствовать о том, что царя и царевича начали травить одновременно. Одним ядом. И возможно, один человек. Кто?

После смерти царя Иоанна в Москве восстал народ. Восставшие требовали покарать ближнего свойственника Бориса Годунова, боярина Богдана Бельского, который, как сообщает Татищев, «извел царя Иоанна Васильевича и хочет умертвить царя Феодора». О Бельском – отравителе царя – писал Исаак Масса. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника» (начало XVII века) также считал Годунова виновником смерти царя Феодора и называя его рабом, отравившим своего господина, сообщал, что Борис Годунов и Богдан Бельский «преждевременно прекратили жизнь царя». Все свидетельства в один голос называют исполнителем преступления Богдана Бельского, которого спас от народного гнева Борис Годунов. Впрочем, он же потом и убрал ставшего лишним свидетеля.

Через 14 лет Бориса Годунова снова называют как главного виновника смерти царя – на сей раз – Феодора Иоанновича. Тот же Исаак Масса пишет: «Федор Иванович внезапно заболел и умер 5 января 1598 года. Я твердо убежден в том, что Борис ускорил его смерть при содействии и по просьбе своей жены, желавшей скорее стать царицей, и многие москвичи разделяют мое мнение».

Именно о Борисе Годунове писал в опубликованной в 1591 году в Лондоне книге английский посланник Флетчер: «Младший брат царя [Феодора Иоанновича. – *В.М.*] дитя лет шести или семи, содержится в отдаленном месте от Москвы [т. е., в Угличе. – *В.М.*] под надзором матери и родственников из дома Нагих. Но как слышно, жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя… Царский род в России, по-видимому, **скоро пресечется** со смертью особ, ныне живущих, и

произойдет переворот в русском царстве». Это было напечатано еще до смерти ев. царевича Димитрия и за семь лет до смерти последнего царя из рода Рюриковичей – Феодора Иоанновича.

Григорий Котошихин писал в своем сочинении о Борисе Годунове: «Той же боярин, правивше государством неединолетно, обогатился зело. Проклятый же и лукавый сотана, искони ненавидяй рода человеча, возмути его разум, всем бо имением, богатством и честию исполнен, но еще несовершенно удовлетворен, понеж житие и власть имеяй царскую, славою же несть. **И дияволим научением мыслил той боярин учинитись царем…**».

Вскоре после убийства царевича Димитрия умирает царь Феодор Иоаннович. Современники считали Бориса Годунова виновным в его смерти. «Некоторые сказывают, якобы царица [Ирина Годунова, супруга царя Феодора Иоанновича и сестра Бориса Годунова – *В.М.*.], думая, что оный брат ее причиной смерти был государя царя Феодора Иоанновича, до смерти видеть его не хотела». В «Истории Государства Российского» Карамзин приводит выписки из летописей: «Глаголют же неции, яко прият смерть государь царь от Борисова злохитоства, от смертоноснаго зелия».

Действительно, «зелия» в останках царя Феодора обнаружено более чем достаточно для летального исхода: содержание мышьяка превышает норму в 10 раз (0,8 мг при норме 0,08 мг).

Были отравлены (причем, факт отравления не вызывает у исследователей сомнения) мать царя Иоанна Грозного, Великая княгиня Елена Глинская и первая, самая любимая жена царя Анастасия Романовна. Экспертизы 1995–2000 гг. это убедительно доказали.

«…и Анастасия, и Елена Глинская отравлены… Эксперты не любят давать столь категоричные по форме заключения, тем более, что речь идет о преступлении, совершенном более четырех веков назад. Но в данном случае ничего другого не оставалось…» – заявила Т.Д. Панова. Ничего другого, как признать факт отравления, и вправду не остается, ведь если в останках Великой княгини Елены количество мышьяка превышает норму в десять раз, то царицу Анастасию Романовну травили не только мышьяком, но и ртутью. Причем ртуть в ее саркофаге обнаружена просто в невероятном количестве: 0,13 мг в костях (более чем в три раза превышение нормы), 0,3 мг в тлене (превышение нормы более чем в семь раз), 0,5 мг в погребальной одежде (превышение в 12 раз) и 4,8 мг в волосах (превышение нормы в 120 раз!).

А ведь царь Иоанн писал о причинах смерти не только

царицы Анастасии, но и других своих жен в прошении на имя Освященного Собора с просьбой разрешить ему четвертый брак: «…И отравами царицу Анастасию изведоша». О царице Марии Темрюковне: «…И такоже вражиим злокозньством отравлена бысть». О Марфе Васильевне Собакиной: «… И тако ей отраву злую учиниша… толико быша с ним царица Марфа две недели и преставися, понеже девства не разрешил третьего брака».

Как отмечает Т. Панова, «вполне может показаться, что царь специально сгущает краски, описывая свои неудачи в семейной жизни. Но это отнюдь не так. Сегодня мы знаем, что **подозрения его в отношении причины смерти Анастасии Романовны, первой супруги, подтвердила экспертиза 1995 года.** Об остальных двух случаях сказать определенно пока нельзя, так как исследования еще не закончены, но вряд ли кого-то удивит, если слова Грозного подтвердятся…»

А ведь еще совсем недавно историки с насмешкой и презрением рассуждали о «параноике» и «маньяке», страдающем манией преследования, которому всюду мерещатся заговоры, покушения и отравления. Некоторые считали, что смерть царицы Анастасии явилась результатом… истощения от частых родов. Другие и вовсе создавали экзотические версии, о которых даже злейшие враги царя не упоминали в свое время, например, что царь Иоанн Васильевич отправил свою любимую жену… в монастырь! Поистине, фантазия историков не знает границ! Страшно и подумать, что бы они сделали с женами царя Иоанна, если бы не было монастырей!

И вот что особенно интересно. Историки отвергали версию об отравлении царицы Анастасии на том основании, что на ней настаивал царь Иоанн. И в то же время, они считали невероятной смерть Великой княгини Елены от яда только потому, что «об этом ничего не говорится самим Иваном IV, подозревавшим всех и вся в самых невероятных грехах и неоднократно писавшим о таких событиях» (Панова).

Потрясающая предубежденность. Как раз то, что в одном случае, царь сообщает об отравлении, а в другом – нет, и свидетельствует о его непредвзятости. Волей он, как хотят представить его враги, манией преследования, то что или кто мог бы помешать ему искать (и найти!) виновных в смерти матери? Но он даже и не подозревал о том, что она отравлена, и потому ничего об этом и не пишет. Но, если у него на глазах одна за другой умирают его жены – молодые, цветущие женщины, – а он знает, что есть лица, заинтересованные в их смерти и прекращении царской династии, то у царя появляются все основания подозревать отравление.

Таблица 1.

Жертвы отравлений	содержание мышьяка (в мг на 100 г массы)	содержание ртути
Княгиня Ефросиния Старицкая, тетка Ивана Грозного	12,9	0,10
Мария Старицкая (5-7 лет), троюродная племянница Ивана Грозного	8,1	0,11
Мария (младенец), дочь Ивана Грозного	**3,8**	**0,2**
Царевич Иван, сын Ивана Грозного	**0,26**	**1,3**
Царь Иван Грозный	**0,15**	**1,3**
Великая княгиня Мария Борисовна, первая жена Ивана III	0,3	1,05
Царица Анастасия, первая жена Ивана Грозного*	**0,8**	**0,13 в костях 4,8 в волосах**
Царь Федор Иванович, сын Ивана Грозного	**0,8**	**0,03**
Великая княгиня Елена Глинская, мать Ивана Грозного*	**0,8**	**0,05**
Царица Мария Нагая, жена Ивана Грозного	**0,1**	**0,6**
Великая княгиня Софья Палеолог, бабушка Ивана Грозного	0,3	0,05
Князь Михаил Скопин-Шуйский*	0,13	0,2
Максимально допустимый уровень	***0,08***	***0,04***

** Факт отравления не вызывает сомнений. Данные заведующей археологическим отделом музея «Московский Кремль» Т.Д. Пановой.*

Теперь, когда как в отношении царицы Анастасии, так и в отношении Великой княгини Елены, «факт отравления не вызывает сомнений», и о нем свидетельствует такой общепризнанный специалист, как заведующая археологическим отделом музея «Московский Кремль» Т.Д. Панина, когда стало ясно (см. таблицу 1), что были отравлены практически все близкие родственники царя, можно сделать однозначный вывод:

царь был прав – потомков Рюрика на русском престоле целенаправленно уничтожали.

Ведь если десятикратное превышение нормы по мышьяку в останках Великой княгини Елены однозначно подтверждает отравление, то почему такое же превышение нормы в останках царя Феодора Иоанновича (притом, что и у первой, и у второго показания по ртути практически в норме) не является таким же неопровержимым свидетельством отравления? Что за двойные стандарты?

Глядя на таблицу, нетрудно заметить, что некоторые жертвы отравлены ртутью, некоторые – мышьяком, а есть и такие, в чьих останках содержатся смертельные дозы как мышьяка, так и ртути.

Если учесть, что мышьяк действует быстро, при больших дозах – практически мгновенно, а ртуть ведет к постепенному отравлению организма, то из приведенных выше цифр можно сделать определенные выводы.

Когда цареубийцам нечего было опасаться, они использовали мышьяк. Так было во время детских лет царя Иоанна. Его мать, Великую княгиню Елену, отравили мышьяком, так как высокопоставленным преступникам никто уже не мог угрожать серьезным расследованием. Ее муж, Великий князь Василий III, отец царя Иоанна, умер за пять лет до этого, а сам Иоанн Васильевич был слишком мал – в момент смерти матери ему исполнилось всего 8 лет.

Таким же образом – с помощью мышьяка – расправились и с царем Феодором Иоанновичем, сыном Иоанна Грозного. Когда его отравили в 1598 году, из близких родственников у него оставались только жена – Ирина Годунова, и ее брат – правитель Борис Годунов. И если Годунову удалось еще при жизни царя Феодора скрыть от него правду о смерти ев. царевича Димитрия, то уж теперь расследовать преступления Годунова было просто некому. Если его сестра-царица что-то и подозревала, то промолчала.

До мертвого царя уже никому не было дела. Бояре, занятые дележом государева наследства, не сумели (или не захотели) похоронить последнего Рюриковича с полагающимися ему почестями. Даже саркофаг был изготовлен небрежно. Мастер-резчик в слове «благочестивый» допустил грубую ошибку и вырезал вместо буквы «б» букву «г». Так один из благочестивейших царей, посвятивших свою жизнь посту и молитве, был после смерти кощунственно назван «глагочестивым». И никто не удосужился проверить саркофаг и исправить ошибку. Видимо, оказалось недосуг за спорами о том, кому быть царем…

Но если не та буква еще может быть признана, с грехом пополам, «ошибкой», то полным неуважением выглядит то, что «в гробнице был установлен неприлично простой для царственной особы сосуд-кубок для миро». А ведь проследить за этим была не только государственная обязанность, но и родственный долг Бориса Годунова.

С прискорбием надо признать, что никто из претендентов на трон – ни Шуйские, ни Романовы, ни, тем более, Годунов, – не горели желанием выяснить причины смерти царя Феодора Иоанновича.

Совсем иначе обстояло дело с отравлением Грозного царя и его старшего сына. Здесь врагам приходилось действовать предельно осторожно, чтобы не навлечь на себя ни малейшего подозрения со стороны родственников, наследника престола и приближенных. И государя и царевича травили медленно, быть может, действительно на протяжении одного-двух десятилетий. Недаром царевич Иоанн был болезненным и задумался о смерти достаточно рано – в 16 лет.

Как уже говорилось, владыка Иоанн (Снычев) указывал, что еще «в 1570 году болезненный и благочестивый царевич… пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь… вклад в 1000 рублей… он сопроводил вклад условием, что сможет, при желании, постричься в монастырь, а в случае его смерти его будут поминать».

Интересно отметить, что незадолго до того, в 1569 году, был раскрыт серьезный заговор против царской семьи. «В записках иностранцев есть упоминание о якобы готовившемся Владимиром Старицким заговоре и что хотел он извести всю царскую семью именно ядом, для чего подкупил (за 50 рублей) одного из царских поваров» – пишет Т.Д. Панова.

Этот момент и может служить точкой отсчета – ведь **неизвестно, удалось или не удалось подсыпать яд.** В том же, 1569 году, умирает вторая жена царя, Мария Темрюковна, и государь считает, что ее отравили. Сам царь испытывает затруднения со здоровьем, а шестнадцатилетний царевич болеет и задумывается о смерти.

Длительный, многолетний период «болезненности» – общего ухудшения состояния здоровья – в конце 1581 года завершился кризисом, продлившимся около двух недель. Затем наступила смерть царевича. Наличие в его организме дозы ртути, в 32 раза превышающей норму, едва ли оставляет сомнение в причине этой загадочной «болезненности».

Но царь мог только подозревать об истинных причинах гибели наследника престола. Заслуживает внимания то, что

вскоре он отдалил от себя Бориса Годунова. Однако в следующем, 1582 году Антонио Поссевин заявляет Венецианской Сеньории о близкой смерти государя, и спустя полтора года царь Иоанн умирает. Причем, так же, как и в случае со старшим сыном, смерти царя предшествует длительный период «болезненности», с характерным для отравления ртутью выпадением волос, проблемами опорно-двигательного аппарата, а на последнем этапе – дисфункцией почек и других внутренних органов, что, вполне могло привести и к сердечному приступу, о котором писал М.М. Герасимов. Но первопричиной смерти все равно остается огромное – в 32 с лишним раза – превышение нормы по ртути.

Не исключено и то, что раздраженные «живучестью» царя – он был высокого роста, около 1,8 м и «обладал значительной физической силой» – отравители под конец решились действовать более нагло, о чем свидетельствуют многочисленные известия современников. Был ли это дерзкий, вызвавший сердечный приступ ответ, или же Богдан Бельский бросил последнюю порцию яда в прописанное врачом для царя лекарство, как пишет Исаак Масса, неизвестно, но результат оказался один – царь умер.

Около года тяжело болела царица Анастасия. Тяжесть болезни и относительно короткий (по сравнению с царем и царевичем Иоанном) срок болезни вполне объясним гигантским количеством ртути, обнаруженным в ее останках (до 120 предельно допустимых норм). Но выявлено также и 10-кратное превышение по мышьяку. Видимо, убийцы торопились довести свое черное дело до конца, и ускорили смерть царицы с помощью этого яда.

В связи с этим можно вспомнить, что за полгода до смерти царицы охлаждение отношений между царем и его советниками, Сильвестром и Адашевым, достигло своего апогея. Именно два этих временщика были проводниками при дворе боярско-княжеской олигархической политики. Они же были близки к князю Владимиру Андреевичу Старицкому (двоюродному брату царя) и князю-предателю Курбскому.

Именно высокородные покровители временщиков не желали во время тяжелой болезни царя присягнуть на верность его первому сыну, царевичу Дмитрию, утонувшему затем при загадочных обстоятельствах. Им было ненавистно само имя Романовичей (предков будущей царствующей династии Романовых). Убивая царицу Анастасию, они рассчитывали ослабить или вовсе уничтожить влияние Романовичей при дворе, и прежде всего Никиты Романовича, брата царицы Анастасии.

Характерна и судьба последней жены царя Иоанна, Марии Нагой. Хотя она и скончалась, казалось бы, «своей смертью»

в 1612 году, пережив и Годунова, и Смуту, однако, как видно из таблицы, ее останки содержат дозу ртути, в 15 раз превышающую норму (0,6 мг при максимальной норме в 0,04 мг). О том, что она была отравлена вскоре после убийства своего сына, святого царевича Димитрия, свидетельствует диалог между ее братом, Афанасием Нагим и Джеромом Горсеем.

Последний рассказывает об этом так: «Однажды ночью (в Ярославле. – *В.М.*) я предал душу Богу, считая, что час мой пробил. Кто-то застучал в мои ворота в полночь… Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей царицы, матери юного царевича Димитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе. «Царевич Дмитрий мертв! Дьяки зарезали его около шести часов; один из его слуг признался на пытке, что его послал Борис; **царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа.** Именем Христа заклинаю тебя: помоги мне, дай какое-нибудь средство! Увы! У меня нет ничего действенного». Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом… и коробку венецианского териака (целебного средства против животных ядов). «Это все, что у меня есть. Дай Бог, чтобы это помогло». Я отдал все через забор, и он ускакал прочь. Сразу же город был разбужен караульными, рассказавшими, как был убит царевич Дмитрий».

То ли противоядие Горсея помогло, то ли доза яда оказалась недостаточной, но царица Мария выжила. Однако практически нет сомнений, что, убив царевича, Годунов попытался замести следы и убрать свидетелей своего преступления, прежде всего мать наследника престола.

Трагична судьба не только святого царевича Димитрия, зарезанного в Угличе († 1591), но и других сыновей царя Иоанна: царский первенец, тоже Димитрий, утоплен в реке кормилицей († 1553), царевич Иоанн отравлен († 1581), отравлен и царь Феодор Иоаннович († 1598). Неизвестна причина смерти двух сыновей царя Иоанна, (оба – Василии, † 1560 и † 1563), умерших во младенчестве.

Не стоит думать, что во всех преступлениях против царской семьи виноват только Годунов. Например, в год смерти царицы Анастасии он был еще ребенком, а Великая княгиня Елена скончалась задолго до его рождения.

Скорее всего, здесь имеет место сложная взаимосвязь многих факторов, и, прежде всего, династическая, политическая, идеологическая и религиозная борьба. В противостоянии Великокняжескому семейству, а впоследствии царю, объединились и Старицкие князья, и аристократическая верхушка

тогдашнего общества, и представители разгромленной, но недобитой ереси жидовствующих, и внешние враги Московского государства.

Об этом свидетельствует тесная связь между Владимиром Старицким и членами «Избранной Рады», дружеские отношения с А. Курбским. С другой стороны легко просматривается и связь Старицких князей с Великим Новгородом. Когда князь Андрей Старицкий, отец Владимира Старицкого и дядя Иоанна Грозного, поднял против семилетнего Великого князя мятеж, он попытался опереться не на свой Старицкий удел (что было бы вполне естественно), а бежал в Новгород. Именно новгородские помещики и дети боярские в первую очередь его поддержали. Они же больше всех за это и поплатились: три десятка мятежных новгородцев были повешены вдоль дороги из Новгорода в Москву.

Когда, 30 лет спустя, сын Андрея Старицкого, князь Владимир возглавил заговор против царя, ему обещали оказать содействие не только польский король, но и новгородские «лучшие люди».

Новгород всегда отличался жесткой антимосковской политикой и смотрел одним глазом на Запад. Но, помимо чисто политических противоречий, Новгород стал также и центром распространения на Руси ереси жидовствующих. Именно появление этой ереси в Московском Кремле вызвало династический кризис конца XV – начала XVI вв., когда в противоборство вступили две линии потомков Великого князя Иоанна III: от первой жены, Марии Тверитянки, и от второй – Софии Палеолог. Нет никаких причин сомневаться в том, что и впоследствии представители ереси жидовствующих пытались сыграть на разногласиях в великокняжеском (и царском) семействе.

Как было сказано выше, вместе с новгородцами и Старицким семейством в заговоре 1568–1569 гг. участвовали и поляки. Однако Польша всегда действовала по прямому указанию Ватикана и под его непосредственным руководством. Весьма показательна в этом смысле роль также уже не раз упоминавшегося папского нунция Антонио Поссевина, бывшего генератором идей, направленных на уничтожение Православия. Но веру Православную в России охраняла царская власть. Поэтому все свои силы Поссевин бросил на борьбу с Грозным царем.

Когда не удалось сломить его силой, и войска Стефана Батория обломали свои зубы о Псковскую твердыню, когда царь отказался даже обсуждать возможность о «мирном слиянии»

Православной Русской Церкви с еретиками-католиками, Поссевин стал клеветать на государя и распространять слухи об убийстве старшего сына.

Но только клеветой дело не ограничилось. Поссевин знал о близкой смерти царя Иоанна и сообщил о том Венецианскому правительству. В то время Венецианская республика была одним из самых могущественных государств Средиземноморья, обладала мощным военным флотом и вела беспрерывные войны против Турции за военную и торговую гегемонию.

К этой войне Венеция и Священная Римская империя (Австрия) неоднократно пытались привлечь и Россию, маня еще деда Иоанна Грозного завоеванием Константинополя (как наследства, полагающегося ему после брака с Софией Палеолог). За участие в войне с турками австрийский император обещал «короновать» Русского Великого князя и дать ему звание короля (что было с достоинством отвергнуто).

Так что Рим, Венеция и Австрия были бы не прочь увидать на Русском Престоле более сговорчивого правителя. Как для того, чтобы привести Русскую Церковь к Унии с Римом, так и для привлечения России к военному союзу против Турции.

Учитывая такие обстоятельства, нет ничего невероятного, что к концу царствования государя Иоанна Васильевича Грозного к участию в заговоре был привлечен и Борис Годунов. Перед ним были развернуты заманчивые перспективы: устранить царевича Иоанна и Грозного царя, стать правителем при своем шурине, царе Феодоре, а затем, после смерти последнего из Рюриковичей, самому сесть на престол.

Мог ли умнейший и хитрейший Борис Годунов предполагать, что он был всего лишь переходным этапом в планах зарубежных кукловодов? Что на протяжении всего того времени, пока он карабкается к трону Московских государей, иезуиты выращивают в Польше ему «достойную» замену – целую плеяду самозванцев, первый же из которых отправит его в небытие вместе со всей несостоявшейся династией Годуновых?

Кстати, первым из «великих» государственных дел, к исполнению которых приступил Лжедмитрий I после захвата власти, была подготовка к войне против Турции. Самозванец просто рвался в бой. Еще в Польше он принял католичество, и если не спешил открыто окатоличивать Русскую Церковь, то только из чувства самосохранения…

Интересно, что, размышляя о том, зачем нужна версия о «срамной болезни» царя, современные авторы, по сути, сами же себе и отвечают: для того, чтобы «с помощью «специалистов» подтвердить алиби Бориса Годунова».

Но «нет ничего тайного, что не стало бы явным». Настанет день, и мы узнаем, какая же связь существует между ересью жидовствующих, орденом иезуитов, Борисом Годуновым и его сегодняшними безымянными и именитыми адвокатами.

Часть III
Святой царь Иван

Митрополит Ювеналий vs. архиепископ Сергий

На Архиерейском соборе Русской Православной Церкви, прошедшем осенью 2004 г., личности царя Иоанна IV Васильевича было уделено особое внимание. В докладе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых, был заявлен однозначный отказ признать святым царя Иоанна Грозного.

При этом прозвучали совершенно безосновательные выводы: «Почитателям Ивана Грозного не только не удалось найти в Русской Церкви «прикровенно» совершившейся канонизации «оклеветанного» царя, но и обнаружить достоверные свидетельства его почитания как святого в русском церковном народе, для которого веками царь Иван Грозный оставался отнюдь не святым подвижником благочестия, а всего лишь грозным царем».

Надо отметить, что митрополит Ювеналий совершенно беспричинно поднял на Архиерейском Соборе вопрос о якобы имеющихся «требованиях канонизации» царя Иоанна. В отличие от многочисленных требований начала 90-х годов к Синоду РПЦ канонизировать святого царя-мученика Николая II, подобных требований (во всяком случае, организованных) вовсе не звучало.

Ложно обвиняя почитателей царя Иоанна IV в стремлении воспользоваться именем государя в своих низменных целях, митрополит Ювеналий утверждал: «Весь ход кампании (с «требованиями канонизации» – *В.М.*) свидетельствует о расчетах ее организаторов на то, что, угрожая скандалом, они заставят считаться с их политическими претензиями и личными амбициями… В печати уже отмечалось, что призыв к канонизации Ивана Грозного представляет собой «ни с чем не сообразное, безграмотное и с исторической, и с богословской точки зрения требование»«. Этими словами сам же митрополит Ювеналий и внес смущение в церковный народ.

К сожалению, такие обвинения выдвигаются не впервые. Несколько лет назад патриарх Алексий II публично заявил: «В последнее время появилось довольно много, с позволения сказать, икон царя Иоанна Грозного, печально известного Григория Распутина и других **темных исторических личностей** (выделено мной. – *В.М.*). Им составляются молитвы, тропари, величания, акафисты и службы. Какая-то группа псевдоревнителей Православия и самодержавия пытается

самочинно, с «черного хода», канонизовать **тиранов и авантюристов,** приучить не очень осведомленных людей к их почитанию. Неизвестно, действуют ли эти люди осмысленно или несознательно. Если осмысленно, то это провокаторы и враги Церкви, которые пытаются скомпрометировать Церковь, подорвать ее моральный авторитет. Если признать святыми царя Иоанна Грозного и Григория Распутина, то, чтобы быть последовательным, надо деканонизировать, например, митрополита московского Филиппа и преподобного Корнилия Псково-Печерского. Нельзя же поклоняться и **убийцам,** и их жертвам. Это безумие. Кто из нормальных верующих захочет оставаться в Церкви, которая одинаково почитает убийц и мучеников, развратников и святых?». Приведенная фраза патриарха дала отмашку для безудержного шельмования всех, кто положительно относится к первому Помазаннику Божьему на русском престоле.

Митрополит Воронежский Сергий также допустил весьма резкие выражения в адрес почитателей царя: «такие рассуждения (о святости царя. – *В.М.*) ведут **враги Церкви, которые хотят разрушить Церковь любыми путями…** стараются вбить клин между иерархией и простым народом. Расколоть Церковь любыми путями, во что бы то ни стало, даже на таких святых вопросах, как канонизация святых людей».

То, что шельмователи царского имени с увлечением занимаются своим делом, неудивительно и вытекает из их врожденной ненависти к православной самодержавной монархии. Удивляет отношение к данному вопросу патриарха, который сам благословил книгу, подтверждающую святость царя Иоанна.

В 1997 г. по благословению патриарха Московского и всея Руси Алексия 11 церковно-научный центр «Православная энциклопедия» и издательство «Православный паломник» выпустило в свет «Полный месяцеслов Востока» архиепископа Сергия (Спасского). Эта книга полностью опровергает заявление митрополита Ювеналия о том, что не удалось найти в Русской Церкви «прикровенно» совершившейся канонизации оклеветанного царя и обнаружить достоверные свидетельства его почитания как святого в русском церковном народе.

Во вступительной статье к изданию самому автору и его труду дается высочайшая оценка: «Имя архиепископа Сергия (Спасского) составляет гордость русской церковной науки конца прошлого-начала нынешнего столетия (XIX-XX вв. – *В.М.*)… В 1876 г. он выпустил в свет свой знаменитый труд «Полный месяцеслов Востока», **за который удостоился звания доктора богословия…** Уже из краткого… оглавления «Полного

месяцеслова Востока» видно, что перед нами труд выдающейся учености и редкого трудолюбия. Научный фонд, на который он опирается, поразителен. Автор перечитал и изучил всю существующую литературу по агиологии – иностранную, новогреческую и русскую – а эта литература весьма обширна… Но этого мало. Главное научное значение труда состоит… преимущественно в том, что он привлек к делу массу нового сырого материала, сохранявшегося дотоле в пыли библиотечных полок и в первый раз здесь вошедшего в ученый обиход.

Замечательной чертой, обеспечивающей научное значение «Полного месяцеслова Востока», является историко-критический метод, господствующий на всем протяжении сочинения. Автор повсюду стоит на высоте современных требований исторической критики…

По богатству использованных рукописных материалов, по обширности привлеченной к делу церковно-исторической и агиологической литературы, по систематичности и упорядоченности всех указаний «Полный месяцеслов Востока» должен служить настольным ученым пособием для всякого, занимающегося историей древней церкви… Ни один народ, ни одна Церковь не владеет столь упорядоченным, научно-обоснованным и полным собранием своих святых. **Это – труд, которым должна гордиться Русская Церковь**».

Давайте подробнее ознакомимся с книгой, столь высоко оцененной теми людьми, которые отрицают святость царя Иоанна Грозного.

В ее I томе (отдел Ж, раздел 2 «Подлинники простые или словесные, лицевые святцы, лицевые подлинники», с. 356–357) сказано следующее: «Из святцев московского музея замечательнейшие, как мы сказали, по полноте и особенностям святцы Ундольского № 237, написанные в 1621 году. В конце их, на листе 267, значится: «совершены бысть сии святцы в лето 7129, апреля в 25 день, в 4 час, в Корежемском монастыре».

Затем владыка Сергий (Спасский) сообщает: «В них есть краткие исторические сведения о некоторых **святых…** 10 (июня – *В.М.*) **обретение телеси царя Ивана** (выделено мной – *В.М.*)»

Говоря о канонизации русских святых (т. I, отдел Ж, «Святцы рукописные русских святых», с. 384–385), владыка пишет: «Все русские святые могут быть подведены под три вида:

1. Такие святые, которые в настоящее время чтутся во всей России, или приняты в печатные святцы, издаваемые с благословения Св. Синода.

2. Святые, чтимые местно, – те, которые находятся в книгах: *Словарь исторический о святых, прославленных в российской*

церкви, и *русские святые*[29] (последняя Филарета, архиеп. черниговского). Мощи почти всех сих святых доныне служат предметом поклонения…

3. Русские **святые,** которые не внесены авторами означенных книг в их произведения, **потому что памяти некоторых из них, хотя и чтились прежде, но пришли в забвение, а память большей части других никогда не чтились церковно, а хранились в устах народа или записаны летописцами.** Этот разряд немалочисленный святых, собранных из рукописных святцев и расположенных по алфавиту, приведен нами ниже».

И далее (т. III, приложение 3, с. 546, 561) архиепископ Сергий как раз и приводит алфавитный список этих святых, которых он охарактеризовал так: «**Русские святые** и вообще **особенно богоугодно пожившие,** находящиеся в рукописных святцах или в разных исторических памятниках, **но не канонизованные…** Сведения об них сообщаются для исторических соображений. Имена их внесению в месяцесловы для общего употребления и календари не подлежат. Хотя некоторые из них находятся в историческом словаре о русских святых, но дней празднования им не показано. Вообще в русской литературе в этом деле довольно неопределенности… Точное определение, каким святым местно совершается празднование, может быть определено официальным собранием о том сведений через епархиальное начальство. Одно это может послужить к устранению неопределенности и разногласий писателей в отношении к этому предмету, что выражено и профессором Голубинским в его книге «История канонизации святых в русской Церкви», стр. 256. В новейших сочинениях о русских святых Барсукова, Леонида и преосв. Димитрия **все и канонизованные и неканонизованные поставлены без различия одни вместе с другими…**»

Мы видим, что владыка Сергий **различает среди святых как канонизированных** (занесенных в 1 и 2 вид), **так и не канонизированных.** Именно последние – **русские святые и особенно богоугодно пожившие** – и включены архиепископом Сергием в алфавитный список Приложения 3. В том числе – и царь Иоанн Грозный. На с. 561 (т. 111) значится: «Иоанна, царя, обретение телеси июня 10. 1621»[30].

Таким образом, владыка Сергий (Спасский), выдающийся архиерей и богослов Русской Православной Церкви, на протяжении своего знаменитого труда неоднократно указывает (т. I, с. 357, 385, т. III, с. 546) на святость (или, по крайней мере, особую богоугодность) тех лиц, кто внесен им в данный список, в том числе и царя Иоанна Грозного. Указывая на то, что «имена их внесению в месяцесловы для общего употребления и календари

не подлежат», **он не отрицает их келейного почитания** и **дальнейшего собирания сведений о их почитании** на местах церковным народом с целью устранения «неопределенностей и разногласий».

Надо думать, что и церковно-научный центр «Православная энциклопедия» (являющийся одним из подразделений Патриархии), участвовавший в подготовке издания «Полного месяцеслова Востока», и сам патриарх Алексий II, благословивший его издание, разделяют все, в нем написанное?

В таком случае, как можно говорить об особо благочестиво пожившем государе, как о «тиране и убийце», и шельмовать тех, кто, следуя словам архиепископа Сергия (Спасского), собирает сведения о почитании государя Иоанна Грозного? И тем более, как можно накладывать прещения (церковный термин, означающий наказание церковной властью нижестоящих клириков за те или иные проступки – *прим. ред.*) за почитание царя, внесенного этим выдающимся иерархом в списки русских святых?

Впрочем, похоже, что некоторых иерархов мало интересует историческая истина. Они постоянно повторяют затверженные и не имеющие под собой никаких оснований избитые обвинения в адрес первого помазанника Божьего на Русском престоле, игнорируя все неудобные для них факты.

Святцы Коряжемского монастыря. Начало XVII века. Фото

2002 г.

Например, очень хотелось бы услышать от этих господ ясный и однозначный ответ на такие вопросы:

1) Известный церковный историк профессор Е.Е. Голубинский в своем труде «История канонизации святых в Русской церкви» отмечает почитание царя Иоанна IV в лике местночтимых святых. Может быть, ошибался профессор Голубинский? А если **не** ошибался, то царь Иоанн Грозный по-прежнему **является местночтимым святым**? Не правда ли?

2) Ошибался ли архиепископ Сергий, записывая царя Иоанна Грозного в разряд русских святых либо особо богоугодно поживших? А если **не** ошибался, то царь Иоанн Грозный является государем, чье имя **занесено в Святцы** начала XVII века? Разве не так?

3) Святцы Коряжемского монастыря, которые так высоко оценил архиепископ Сергий, найдены стараниями современных историков (см. фото), фотокопия Святцев опубликована в газете «Русский Вестник» № 45–46/2002 г. Они свидетельствуют о признанной Церковью святости царя Иоанна Грозного, более того, называют его великомучеником. Или же эти Святцы не являются подлинными?

Таким образом, исходя из вышесказанного, мы видим: имеются неоспоримые документальные свидетельства того, что святость царя Иоанна Грозного была признана церковью, по крайней мере, триста лет назад и подтверждена выдающимися русскими богословами начала XX века.

Народный царь

На наш взгляд, не соответствует истине и другой вывод митрополита Ювеналия – о том, что не удалось «обнаружить достоверные свидетельства его (царя – *В.М.*) почитания как святого в русском церковном народе, для которого веками царь Иван Грозный оставался отнюдь не святым подвижником благочестия, а всего лишь грозным царем».

Мнение народа по этому поводу митрополит перед своим выступлением на Соборе, конечно, не спрашивал. А зря. У народа отношение к царю Иоанну как встарь, так и ныне одно: он остался в народной памяти выдающимся правителем и народным заступником.

Этнограф И.Я. Аристов в 1878 г. в селе Стенынино Липецкого уезда Тамбовской губернии записал со слов столетнего крестьянина Ивана Климова следующее предание:

«Когда на Москве был царем Иван Грозный, он хотел делать все дела по закону христианскому, а бояре гнули все по-своему, перечили ему и лгали. И стала народу тягота великая, и начал он клясть царя за неправды боярские, а царь совсем и не знал обо всех их утеснениях. Насмелились тогда разные ходоки, пришли в Москву и рассказали царю, как ослушаются его князи-бояре, как разоряют людей православных, а сами грабят казну многую и похваляются самого царя известь. Разозлился тогда царь на бояр и велел виноватых казнить и вешать. Тогда бояре перестали совсем его слушаться и начали его ссылать из царства вон неволею. Как ни грозен был царь, а убоялся бояр и выехал с горем из дворца своего, попрощался с народом и отправился куда глаза глядят. Все его покинули, только один любимый его боярин поехал с ним вместе. Долго ли, коротко ли ехали они по лесу – и встосковался царь по своему царству, и молвил своему боярину: «Вот, Бог избрал меня на Московское царство, а я стал хуже последнего раба. Нигде нет мне пристанища, никто меня не пожалеет и куска хлеба взять негде». Только смотрят на лес, а березка кудрявая стоит впереди них и кланяется царю. Поклонилась низко раз, другой, третий… Не утерпел тогда царь, заплакал и сказал своему боярину, указывая на березку: «Смотри, вот бесчувственная тварь, и та мне поклоняется как царю, от Бога поставленному, а бояре считают себя разумными и не хотят знать моей власти… Стой! Поедем назад. Проучу же я их и заставлю мне повиноваться». И велел царь той березке повесить золотую медаль на сук за ее почтение. А когда вернулся в Москву, то перекрутил бояр, словно мух».

В этом бесхитростном повествовании, без сомнения, воплотилась история противостояния царя с «Избранной Радой», его отъезд из Москвы и создание опричнины. Причем, «сокрушение бояр, словно мух» народная легенда воспринимает явно положительно.

Существовал в народе и такой «плач» о Грозном царе, записанный в Саратовской губернии в 1854 году:

Уж ты батюшка, светел месяц!
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Из-за облака выкатываешься,
Черной тучей закрываешься?
У нас было на Святой Руси,
На Святой Руси, в каменной Москве,
В каменной Москве, в золотом Кремле,
У Ивана было, у Великого,
У Михайлы у Архангела,
У собора Успенского,
Ударили в большой колокол.
Раздался звон по всей матушке сырой земле.
Соезжались все князья-бояре,
Собирались все люди ратные
Во Успенский собор Богу молитися.
Во соборе-то во Успенским
Тут стоял нов кипарисов гроб.
Во гробу-то лежал православный царь,
Православный царь Иван Грозный Васильевич.
В головах у него стоит животворящий крест,
У креста лежит корона его царская,
Во ногах его вострый грозный меч.
Животворящему кресту всякий молится,
Золотому венцу всякий кланятся,
А на грозный меч взглянет – всяк ужаснется…

Не только крестьяне, но и казаки вспоминали о Грозном царе и призывали его восстать из гроба и навести порядок на измученной Смутой земле. Среди Гребенских (Терских) казаков пелся такой «плач», составленный в «бунташном» XVII веке:

Вы подуйте-ка ли вы, уж ветры буйные,
Пошатните-ка ли вы горы высокие,
Пошатните-ка ли вы леса темные,
Разнесите-ка ли вы царску могилушку,

Отверните-ка ли вы, уж вы гробову доску,
Откройте-ка ли вы золоту парчу.
Ты восстань, восстань, батюшка ты Грозный царь,
Грозный царь да ты, Пеан Васильевич!
Посмотри-ка, погляди на свою армеюшку…

Было за что любить Терским казакам царя Иоанна Грозного. Ведь он подарил им в вечное пользование весь Терек с притоками до самого Каспийского моря. При нем не посмели бы горцы вырезать русских сотнями тысяч, как это случилось после революции 1917-го и катастрофы 1991 года.

Уважали Иоанна Грозного и царственные особы. Император Петр 1 был известным почитателем царя Иоанна Грозного, считал себя его продолжателем в деле завоевания Прибалтики, что неоднократно подчеркивал. Например, во время торжеств после заключения мира со Швецией (1721 г.) герцог Голштинский (будущий зять Петра 1) построил триумфальные ворота, на которых с одной стороны был изображен Петр Великий в триумфе, а с другой – царь Иоанн Васильевич. Изображение вызвало неодобрение знатной публики (князья-бояре ничего не забыли!). Но императору оно так понравилось, что он обнял герцога, поцеловал и публично сказал: «Эта выдумка и это изображение самые лучшие изо всех иллюминаций, какие только я во всей Москве видел. Ваша светлость представили тут собственные мои мысли. Этот государь (указал на царя Иоанна Васильевича) – мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в благоразумии и в храбрости, но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельств его времени, свойства его народа и великих его заслуг, называют его тираном».

После смерти первого Всероссийского императора, в череде дворцовых переворотов, «бабьих царств» и иноземных временщиков, в «высшем» слое русского общества, которое старательно вестернезировалось, была совершенно утеряна память о святости и почитаемости русских благоверных князей, о сакральном значении Православных царей, и тем более – о святости и почитаемости первого русского царя, Помазанника Божиего, о котором знатные боярские роды сохранили самые негативные воспоминания. Созданный Карамзиным образ царя Иоанна IV – «тирана и душегуба» – овладел умами так называемых «передовых» людей расхристанного общества на многие десятилетия.

Но во время правления последних государей из дома

Романовых вновь стала возрождаться подлинная православная государственность, симфония Священства и Царства. Возродилось и почитание царя Иоанна Грозного, прерванное клеветой Карамзина. С воцарением императора Александра III Миротворца, в 1882 г. был обновлен образ царя Иоанна IV в Грановитой палате Московского Кремля.

С восшествием на престол святого царя-мученика Николая II началась работа по подготовке общецерковного прославления государя Иоанна Грозного. Писатель Александр Николаевич Стрижев подтвердил автору настоящей книги, что, когда он работал в отделе рукописей ГБЛ с документами фондов Святейшего Синода десятых годов XX века – до Собора 1917–1918 годов, он обнаружил там **список подвижников благочестия, к канонизации которых готовился Синод.** Там были и Блаженная Ксения Петербургская, и Святитель Игнатий Брянчанинов, и Святитель Феофан Затворник, и Святитель Филарет Московский, и Праведный Иоанн Кронштадтский, и… царь Иоанн Васильевич Грозный. Всего же в списке было более 25 имен. Революция прервала этот процесс.

И до революции 1917 г., и после нее Иоанн Грозный почитался в народе как благоверный царь и народный заступник. По словам митрополита Иоанна (Снычева), на гробницу царя в Московском Кремле приходили простые русские люди просить его о заступничестве в суде, как небесного предстателя перед Праведным Судьей – Христом.

«У гробницы его, по усердию многих богомольцев собора, служатся панихиды с поминовением или одного имени царя Иоанна Васильевича или же с прибавлением к оному имен своих родственников», – отметил в своей книге «Московский придворный Архангельский Собор» протоиерей Н. Извеков в 1916 году.

Итак, православные архиереи и профессора начала XX века признают, что царь Иоанн Грозный был внесен в церковные святцы как местночтимый святой; император Александр Третий приказывает обновить его икону в Московском Кремле, при императоре Николае Втором начинается подготовка ко всецерковному прославлению Грозного правителя земли Русской; православный народ почитает его память на гробнице в Архангельском соборе.

Благословение из склепа

Но есть и иное доказательство святости первого русского царя.

На святой горе Афон есть традиция погребения и вскрытия захоронений монашествующих. В соответствии с ней тело усопшего заворачивают с головой в черную материю и без гроба опускают в могилу. Через три года отрывают останки. Если находят светло-желтые, желтые, розоватые или белые косточки, – значит, душа покойного спасена.

Документы вскрытия гробницы Грозного царя свидетельствуют, что кости его скелета имеют желтоватый оттенок. Более того, мощи царя Иоанна были единственными среди эксгумированных, которые сохранились практически полностью, все остальные – царевича Ивана, царя Феодора и князя Скопина-Шуйского – были повреждены в той или иной степени временем и сохранились значительно хуже, чем у государя.

Как уже упоминалось, вскрытие саркофага царевича Ивана показало, что «соответственно месторасположению черепа в саркофаге обнаружены только части нижней челюсти, серо-белая порошкообразная масса, в которую превратились остальные кости черепа, мозг и мягкие ткани головы. Шейные позвонки, левая ключица, рукоятка грудины и левая малая берцовая кость представляли собой легко крошащуюся серо-буроватую массу. Головка левой плечевой кости была отделена от ее тела, на границе отделения – крошащаяся серо-беловатая масса. Ребра состояли из фрагментов черно-бурого цвет».

Останки царя Федора Ивановича также сохранились плохо: «От черепа остались лишь часть лицевого скелета и свода. Ключицы, лопатки, ребра, грудные позвонки, кости верхних конечностей и таза – серо-бурого цвета, легко крошатся».

В то же время: «Кости скелета Ивана Грозного были в основном расположены правильно. Череп слегка повернут влево, основание его и правая височная кость были очень хрупкие, легко крошащиеся. Череп небольших размеров с сильно развитым рельефом, довольно низким лбом, выступающими надбровьем и подбородком. Кости правого предплечья располагались необычно. Они были согнуты в области локтевого сустава таким образом, что концевые фаланги кисти как бы соприкасались с нижней челюстью. Кости левого предплечья располагались в поперечном направлении в нижней части грудной клетки. Анатомически правильное положение костей левой стопы было нарушено, они

были разрознены, что связано, по-видимому, с попыткой проникнуть в саркофаг во время ремонтных работ в начале XX в. **Кости скелета имели желто-буроватый оттенок, сравнительно хорошо сохранились,** на поверхности их, особенно в области позвонков, имелись отложения мелких кристаллов солей. Обращало на себя внимание наличие на костях резко выраженных костных наростов – остеофитов. Хорошо сохранились ногти в виде валикообразных изогнутых пластин грязно-буроватого цвета с отложением мелких блестящих кристаллов солей. Судя по скелету, Иван Грозный обладал значительной физической силой, рост его был около 178–179 см. Каких-либо патологических изменений и следов механических повреждений на костях обнаружено не было».

Достаточно хорошая сохранность костей черепа позволила видному русскому ученому Герасимову М.М., участвовавшему в работе комиссии, на основе разработанного им метода реконструкции воссоздать портрет царя Ивана Грозного.

«Лицо его было волевое, слегка удлиненное, нос «протяговен» с небольшой горбинкой, сравнительно небольшой рот, высокий лоб, большие глаза и слегка выступающая вперед нижняя челюсть. Полотна Репина, Шварца, скульптура Антокольского и прочих «художников-реалистов» совершенно не соответствуют его истинному облику Черты динарского типа, характерного для южных и западных славян, государь унаследовал от бабушки-сербки Анны. Кроме того, среди предков его матери Елены Глинской по мужской линии были белорусы. Но более всего царь Иоанн Васильевич походил на свою другую бабушку царицу Софью Палеолог, череп которой также в свое время обследовался специалистами судебной медицины и антропологами и по множественным признакам был однозначно идентифицирован как череп, имеющий близкую родственную связь с черепом царя Иоанна Васильевича».

Если учесть, что все три саркофага (князь Скопин-Шуйский похоронен в другом приделе) находятся в одном месте – дьяконнике Архангельского собора, и захоронения были сделаны практически в одно время (1581, 1584 и 1598 – разброс незначительный для периода в 400 лет), то сохранность царских останков просто поразительна. Хорошо сохранился даже щитовидный хрящ гортани, что дало ученым основание отказаться от версии об удушении царя. Царь Иоанн Васильевич был похоронен в схиме, которая частично сохранилась, лучше всего вокруг головы и на груди. Параманд (деталь монашеского облачения; четырехугольный плат с изображением восьмиконечного креста на подножии орудий страстей и черепа

Адама, носимый монахами на груди. Обозначает тот крест, который берет на себя инок, следуя за Спасителем. – *Прим. ред.*) был покрыт вышивкой, изображавшей голгофское распятие.

Еще одна важная особенность царского захоронения – расположение костей правой руки: «Кости правого предплечья располагались необычно. Они были согнуты в области локтевого сустава таким образом, что концевые фаланги кисти как бы соприкасались с нижней челюстью». Если взглянуть на фотографию мощей, то отчетливо видно: царь-схимник Иона поднял десницу в благословляющем жесте! Подобное не часто, но встречалось в церковной истории. Например, при вскрытии мощей св. княгини Анны Кашинской в XVII веке было обнаружено, что ее рука также поднята.

Мощи царя Иоанна Грозного. Правая рука поднята в благословляющем жесте. Фото начала 60-х гг. XX века.

В Киево-Печерской Лавре, среди мощей святых подвижников находились мощи преподобного Спиридона-просфорника, чья десница воздета для крестного знамения. В Псалтири (1904 года) так говорится об этом: «Желающий несомненного древняго свидетеля собственными очами видети, да идет во святую Киево-Печерскую Лавру в пещеры, к святым мощам преподобного Спиридона просфорника и оузрит десницу его, яже якоже в час кончины своея троеперстно сложи ю для крестного знамения, тако сложенною пребывает и до ныне близ седми сот лет».

Каждому хорошо известно, что руки покойным при положении во гроб складывают на груди крестообразно.

Таинственно воздетая (в уже закрытом гробе!) благословляющая десница – может быть, загадка более значимая, чем месторасположение знаменитой царской библиотеки.

Что же касается канонизации, то многие почитают государя как святого. Но никто из почитателей благоверного царя Иоанна никогда не настаивал на его канонизации, поскольку знают о том, что он уже почитается, как местночтимый святой. (Так же, как и двое его сыновей: ев. царевич Димитрий и блаженный царь Феодор Иоаннович.) Этого достаточно, чтобы келейно молиться царю, но безумно навязывать свое мнение другим, так как навязать почитание (впрочем, как и противоположное чувство) насильно невозможно.

В Святцах XVII века первый русский царь назван великомучеником. Можно считать доказанным фактом, что он был отравлен врагами Православного государства, пострадал именно как царь, помазанник (христос) Божий и был убит со всей своей многочисленной семьей, подобно тому, как был убит и последний русский царь-мученик Николай Второй. Видимо, поэтому Святцы и называют Иоанна IV великомучеником. И посмертная судьба двух царей на удивление схожа. Оба они долгое время подвергаются клевете, долгое время священноначалие Русской Православной Церкви, вопреки очевидным фактам, противилось их почитанию церковным народом и не признавало факт их прославления (царя Иоанна в начале XVII века, а царя Николая – в 1981 г. собором РПЦЗ).

В поисках Синей Бороды

Как говорил Конфуций, трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Но, похоже, что именно поисками такой «кошки» и занимаются цареборцы, когда начинают рассуждать о многоженстве царя Иоанна.

Пример в этом, как ни прискорбно, нередко подает наше церковное начальство. Так, митрополит Ювеналий в своем докладе на Архиерейском Соборе заявил: «Сторонники канонизации Ивана Грозного отрицают как миф многоженство царя, делая особый акцент на том, что его четвертый брак был разрешен Освященным Собором. При этом совершенно бездоказательно отрицаются факты женитьбы царя на трех последних женах». Действительно, бездоказательности в данном вопросе много, но бездоказательности царского многоженства, а вовсе не наоборот.

И вот, ничтоже сумняшеся, обвиняют в нарушении канонов, в прелюбодеянии и блуде не кого-нибудь, а первого русского царя, Помазанника Божиего, о котором Священное Писание говорит: «Не прикасайтесь к помазанным Моим» (Пс. 104:15). Поистине, «как поносят враги Твои, Господи, как бесславят следы помазанника Твоего» (Пс. 88:52).

Как раньше, так и теперь многие из сановников Церкви воспринимают царскую власть как рабство, худшее египетского. Первый пример такого восстания высшего священства против царской власти, вызванного непониманием разницы в служении Царя и Первосвященника перед Богом, мы можем видеть в Ветхом Завете: «И упрекали Мариам и Аарон Моисея **за жену Ефиоплянку,** которую он взял; ибо он взял за себя Ефиоплянку; И сказали: одному ли Моисею говорил Господь? не говорил ли Он и нам?» (Чис. 12, 1–2).

То есть тогдашнее «священноначалие» (Мариам и Аарон) взревновало Господа к Моисею, олицетворявшему собою царскую власть. Показательно, что упрекали они Моисея в том же, в чем упрекает Иоанна Грозного священноначалие нынешнее – в «прегрешениях» в личной жизни, там – в жене-иноплеменнице, здесь – в многоженстве. Причем Господь услышал упреки Аарона и Мариам и объяснил им, чем отличается царское служение Моисея от их служения: «…если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем, – он верен во всем дому Моем. Устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит; как же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея? И

воспламенился гнев Господень на них, и Он отошел. И облако отошло от скинии, и вот Мариам покрылась проказою, как снегом. Аарон взглянул на Мариам, и вот, она в проказе.

И сказал Аарон Моисею: господин мой! не поставь нам в грех, что мы поступили глупо и согрешили; не попусти, чтобы она была как мертворожденный младенец, у которого, когда он выходит из чрева матери своей, истлела уже половина тела. И возопил Моисей к Господу, говоря: Боже, исцели ее! И сказал Господь Моисею: если бы отец ее плюнул ей в лице, то не должна ли она была стыдиться семь дней? итак, пусть будет она в заключении семь дней вне стана, а после опять возвратится». (Чис. 12, 6-14).

Тогда, в древности, Первосвященник осознал свой грех и испросил прощения у Моисея-царя. Не то ныне.

Впрочем, не сегодня и даже не вчера это произошло. Еще в 1916 г. о. Павел Флоренский написал знаменательные слова: «Западный соблазн, давно уже стучавшийся в Золотые Ворота [Иерусалима, ныне замурованные, в них, по церковному преданию, перед концом света войдет антихрист, провозглашая себя царем всего мира – *В.М.*] в последнее время, не делая даже особых усилий, молчаливо принят и подразумевательно исповедуется уже Церковью Русскою. Здесь имеется в виду мысль о канонической, якобы, необходимости монархической духовной власти Церкви Православной, тогда как власть светская может, и, пожалуй, даже должна быть коллективной. Иначе говоря, в церковных кругах, считающих себя правилами благочестия и столпами канонической корректности, с некоторых пор… стала культивироваться мысль о безусловной необходимости неограниченной церковной власти и склонность к светской власти, так или иначе, коллективной…».

Сегодня мы видим, что такие тенденции, прозорливо подмеченные Флоренским сто лет назад, существуют и в практике РПЦ МП, где говорится о «непогрешимости» патриарха, а в отношении к светскому миру проповедуется во всем безоговорочная поддержка «коллективной» – демократической – власти, разрушающей Россию, но отдавшей на откуп постоянным членам Священного Синода церковную жизнь.

Потому и повторяют иерархи побасенки хулителей помазанника Божьего, – историков, очеркистов, публицистов и прочих щелкоперов от истории, – что измышления этих господ им словно бальзам на душу. А хулители во все времена, видя заказчика, рады стараться.

И вот профессора судебной медицины в конце XX века начинают рассылать по многочисленным медицинским и немедицинским изданиям перлы собственного производства о

«яром прелюбодействе царя» и его «срамной болезни» – без малейшего на то основания!

А любимец читающей публики начала того же века, господин Валишевский, сообщая, что царь превратил Александровскую слободу в «вертеп разврата», с иронией пишет: «Не трудно представить, что происходило у Александровских «иноков».

Представить, конечно, можно все, что угодно, но хотелось бы все же узнать, какие именно факты имел в виду автор. И тут мы не видим ничего, кроме общих фраз!

«Сам игумен-царь, – продолжает Валишевский, – мог служить живым примером разврата. Он успел удалить от себя трех или четырех жен».

А что, точно подсчитать нельзя? И с каких же пор смерть царицы Анастасии (1560 г.) и смерть царицы Марии (1569 г.) стали называть «удалением»? И каких еще «жен», кроме этих двух, имеет в виду знаменитый поляк?

«Со времени смерти Анастасии семейная жизнь его не представляла ничего поучительного», – нравоучительно вещает историк «прогрессивным людям» либеральной предреволюционной поры, сплошь исповедующим «свободные нравы». Да и сейчас, в наш «просвещенный» век, не менее смешно смотреть, как ужасаются «царскому разврату» те, кто с пеной у рта ратует за легализацию проституции и равные права сексуальных меньшинств. Так и хочется спросить: а судьи кто?

Что же касается Валишевского, то он словно удивляется тому, что написал и сам себя в очередной раз опровергает: «Однако, как же согласовать эту распущенность царя с его постоянным стремлением вступать в новые брачные союзы? По-видимому, это совершенно противоречит ходячим легендам о целых толпах женщин, будто бы приводимых в Александровскую слободу, или о гареме, повсюду сопровождавшем царя в его поездках. Иван был большим любителем женщин, но он в то же время был и большим педантом в соблюдении религиозных обрядов. Если он и стремился обладать женщиной, то только как законный муж».

Не сумев найти подтверждений царскому блудодейству, историк стремится приписать Иоанну хотя бы многоженство. На сцену выступают пресловутые «семь жен Ивана Грозного», созданные больным воображением западных мемуаристов, начитавшихся сказок о Синей Бороде.

Путаница с женами царя превосходит все мыслимые размеры. Прежде всего, надо разобраться с терминами. Жена – это женщина, прошедшая тот или иной официально признанный обряд вступления в брак с мужчиной. Сейчас, например, таким обрядом является запись в книге актов гражданского состояния

ЗАГСа. Для XVI века таким обрядом было венчание в церкви. Поэтому называть женщин, с которыми Иоанн не венчался, женами не корректно. Для их обозначения есть много терминов (любовница, фаворитка), но только не «жена». Когда маститые историки начинают рассуждать о «женах», не имея на руках никаких достоверных исторических данных, это вызывает, по крайней мере, удивление.

Современные историки и популяризаторы исторической науки называют **семь-восемь** «жен» Иоанна Грозного. Борис Годунов в разосланном им письме запрещал поминать святого царевича Димитрия на литургии под тем предлогом, что царевич был сыном **шестой** – и **последней**! – жены царя, Марии Нагой. А Джером Горсей, почти современник событий, в своих мемуарах называет царицу Марию Нагую **последней, пятой** женой. Но притом он не постеснялся записать в царские жены «Наталью Булгакову, дочь князя Федора Булгакова, главного воеводы, человека, пользовавшегося большим доверием и опытного на войне… вскоре этот вельможа был обезглавлен, а дочь его через год пострижена в монахини». Звучит правдоподобно. Однако, в научных комментариях к тексту Горсея мы читаем: «Упоминание жены Ивана IV Натальи Булгаковой – ошибка, **таковой не существовало**». Если исключить «Наталью Булгакову», то Мария Нагая становится **четвертой** женой.

И это соответствует известным историческим фактам.

Например, в своем «Путешествии по святым местам русским» А. Н. Муравьев указывает точное число Иоанновых жен. Описывая Вознесенский монастырь – традиционное место последнего упокоения Великих княгинь и русских цариц вплоть до Петровских времен, он говорит: «Рядом с матерью Грозного **четыре его супруги…**» (Анастасия Романова, Мария Темрюковна, Марфа Собакина и Мария Нагая – *В.М.*)

Конечно, четыре супруги – безусловное нарушение церковного канона. Но, во-первых, не семь-восемь. А, во-вторых, третья супруга царя, Марфа Собакина, тяжело заболела еще невестой и умерла через неделю после венца, так и не став царской женой де-факто. Для подтверждения этого была созвана специальная комиссия, и на основании ее выводов царь получил впоследствии разрешение на четвертый брак. Интересно, что уже в XX веке, во время вскрытия ее гробницы, царица Марфа была найдена исследователями совершенно нетленной. Как живая, лежала она перед пораженными людьми. Однако вскоре, под воздействием воздуха, ее плоть обратилась в прах.

К царским женам относят также Анну Колтовскую, утверждая, что она не погребена в Вознесенском монастыре лишь потому, что

была пострижена в монахини. Однако Мария Нагая также была пострижена, но это не помешало ее погребению в царской усыпальнице, причем одетой в монашеское одеяние. И Мария Нагая, и Анна Колтовская, как утверждают, были сосланы (Мария Нагая – Борисом Годуновым) в Горицкий девичий Воскресенский монастырь, однако после смерти одна удостоилась погребения в Москве как царица, а другая нет.

Такой факт можно объяснить тем, что Анна Колтовская не являлась законной женой царя. Однако Мазуринский летописец под 7078 (1569) годом рассказывает о том, что Освященный собор дал царю разрешение на **четвертый** брак и упоминает затем в тексте имя царицы Анны. Упоминается в Новгородской второй летописи под 7080 (1571) годом и о поездке царя в Новгород. Вместе с ним в Новгороде находилась и Анна (до 17 августа 1571 г.).

Но та же Новгородская вторая летопись сообщает о женитьбе царя на **третьей** жене, Марфе Собакиной под записью от 28 октября **7080** (**1571**) года, что соответствует действительности. Но это **на два года позже,** чем указанная в Мазуринском летописце **дата разрешения на четвертый** брак (**7078/1569** год – год смерти второй жены, Марии Темрюковны)! Как можно давать разрешение на четвертый брак **до** совершения **третьего** и сразу после **второго**?

Также весьма сомнительно указание на 28 апреля 1572 года, как на дату свадьбы с Анной Колтовской. Сам царь Иоанн при составлении Духовной грамоты (завещания) в августе 1572 г. упоминает только трех жен: Анастасию, Марию и Марфу, делит наследство только между своими двумя сыновьями – Иваном и Феодором. Ни о какой четвертой жене в завещании 1572 года нет и речи. Каким же образом и откуда в летописной записи за август 1571 года могла возникнуть «царица Анна»?

Единственное объяснение путаницы заключается в том, что, как уже говорилось выше, летописи писались много десятилетий спустя после описываемых событий, и потому точность описания и датировка в них оставляют желать лучшего. Возможны и позднейшие вставки ретивых сторонников Бориса Годунова либо новой династии Романовых, при которых летописи активно редактировались в «нужную», в соответствии с политическим моментом, сторону.

Историкам абсолютно нечего сказать о таких якобы имевших место «женах» царя, как Анна Васильчикова (о которой, по словам современных историков, «почти ничего не известно») и Василиса Мелентьева, о которой «ничего не известно»… Некоторые историки подвергают сомнению сам факт существования

таинственной Василисы Мелентьевой, считая упоминание ее в летописи чьей-то позднейшей «**шуткой**» – то есть специальной вставкой!

А ведь есть еще мифические «жены», например, упоминавшаяся Наталья Булгакова, а также Авдотья Романовна, Анна Романовна, Марья Романовна, Марфа Романовна, Мамельфа Тимофеевна и Фетьма Тимофеевна… Вот где простор для клеветнических измышлений!

И потому вполне закономерно замечание митрополита Иоанна (Снычева) по этому поводу: «…сомнительно выглядят сообщения о «семи женах» царя и его необузданном сладострастии, обрастающие в зависимости от фантазии обвинителей самыми невероятными подробностями».

Стоит упомянуть и о том, что даты жизни и подробности биографии погребенных в Москве в Вознесенском монастыре цариц хорошо известны, у трех из них (кроме умершей девственницей Марфы Собакиной) были дети, тогда как по отношению к другим, не удостоившимся погребения в Москве «женам», ничего подобного утверждать нельзя. То, что они упоминаются в летописях или мемуарах, даже не может свидетельствовать о том, что они в действительности существовали.

Поэтому с уверенностью можно говорить только о четырех женах Иоанна Грозного, причем четвертый брак был совершен по решению Освященного Собора Русской Православной Церкви, и царь понес за него наложенную епитимию (церковное наказание). Четвертый брак был разрешен ввиду того, что третий брак (с Марфой Собакиной) был только номинальным, царица умерла, так и не став фактически супругой государя.

Наконец, надо помнить, что в царской жизни нет ничего личного, но все – направлено на благо государства. Ведь даже зачатие наследника престола было… общественным делом. Вся Москва извещалась специальным колокольным звоном, когда царь входил в опочивальню к царице (они жили в отдельных теремах), дабы православный народ молился о зачатии здорового телесно и духовно царевича. Нам сегодня просто невозможно понять то чувство религиозного трепета, которое испытывали русские к своему царю, являвшемуся для них выразителем Божией воли и истины.

Самое печальное, что этого не могут понять не только историки, воспитанные на догмах марксизма-ленинизма и впитавшие их в плоть и кровь, но и клирики православной церкви. Среди последних, как ни прискорбно, все шире развивается дух отрицания православного самодержавия. А ведь

священномученик митрополит Киевский Владимир еще в начале XX века сказал: «Священник-немонархист не достоин стоять у престола Божия» – то есть не может стоять в алтаре и служить Литургию!

Вождь Воинствующей церкви

Всем памятен известный экспонат Третьяковской галереи. «Ну, как же, как же!» – воскликнет наш культурный современник в 98 случаях из 100. – «Иван Грозный убивает своего сына!». И невдомек ему, современнику, что совсем иначе называется это злосчастное полотно: «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года».

Репин писал его с горячечной одержимостью. А.В. Жиркевич свидетельствует: «Репин рассказывал о той горячке, с какой он писал эту картину, не дававшую ему покоя ни днем, ни ночью, пока не удалось воплотить выношенные душой образы».

С самого момента своего создания картина подвергалась ожесточенной обструкции, прежде всего, в самой Академии художеств. «Возмущение там, – пишет Ф.Ф. Бухгольц, – доходило до того, что устраивались публичные лекции в конференц-зале Академии специально для того, чтобы объективно и критически разобрать репинское полотно».

«Уничтожающей критике его подверг профессор анатомии Ф.П. Ландиерт, который доказал, что «картина написана лживо, неправильно, без знакомства с анатомией». Лекция профессора позднее была опубликована во 2-м выпуске «Вестника изящных искусств» за 1885 год. Критика картины шла постоянно. Например, 16 декабря 1891 года в газете «Русская жизнь» появилась статья врача-практика, которая так и называлась: «Картина Репина «Иван Грозный и его сын Иван» с точки зрения врача». Автор, не ставя перед собой задачу умалить силу, несомненно, громадного таланта Репина, на основании данных науки и практики доказывал, что вся картина написана вопреки природе. Он нашел и показал читателям массу противоречий в картине, которые невозможно было обойти вниманием. Причем сделал это доказательно и детально.

Мало кто знает, что столь вольное распоряжение талантом дорого обошлось и самому художнику: его правая рука стала сохнуть на глазах. Недаром в Священном Писании сказано: «не прикасайтесь к помазанным Моим» (Пс. 104:15).

К счастью, от прошедших веков нам остался ряд совершенно иных изображений царя Иоанна.

Первой и ключевой в этом ряду является икона «Благословенно воинство Небесного Царя» (позднее название «Церковь воинствующая»), находящаяся в настоящее время в экспозиции Государственной Третьяковской Галереи. Она была создана во второй половине 50-х годов XVI века в иконописной

мастерской свт. Макария, митрополита Московского, предположительно, по его собственноручным эскизам. Непосредственным поводом для создания иконы послужило взятие Казани, ставшее поворотным моментом в истории государства Российского, моментом рождения новой православной империи.

Икона создавалась для Успенского собора Московского Кремля. Вскоре после венчания на царство (1547 г.) по заказу царя было выполнено и установлено в Успенском соборе царское моленное место (1551 г.). Некогда подобное моленное место (а по существу – трон) находилось в главном соборе Византийской империи – святой Софии в Константинополе. На него восходил император после свершения над ним Таинства Миропомазания при священном венчании на царство. На том же троне византийские базилевсы (божественные – в переводе с греческого) молились и в православные праздники. После падения Византии и помазания на царство русского православного царя этот обычай перешел на Русь. У византийского трона была одна особенность – он был двухместный. На левой части трона восседал базилевс, а правая была пуста – на ней незримо присутствовал Сам Христос.

Икона составляла с царским местом единый идеологический и культурный комплекс. Расположенная вблизи царского места, она во время Богослужения всегда была доступна взору государя. Однако она служила не для «вспоминания» о величайшей его победе, а для постоянного, ежедневного напоминания помазаннику Божиему о его обязанности перед Церковью Христовой и народом Божием: защищать чистоту Православной веры, служить покровителем православных во всем мире.

Эта миссия иллюстрируется изображенным на иконе исходом Церкви – народа Божиего – из Града обреченного в Новый, небесный Иерусалим. Апокалиптические мотивы соединяются в иконе с воспоминанием о конкретном историческом событии: завоевании Казанского царства.

Мы видим на иконе не только абстрактное изображение членов земной, воинствующей Церкви, сплотившейся вокруг центральной фигуры предводителя (средняя колонна воинов), но и выступивших ей на помощь небесных заступников Святой Руси, святых князей и воинов. Это конкретные исторические личности: свв. князья Дмитрий Донской, Феодор Ярославский с сыновьями Давидом и Константином, Александр Невский, Борис и Глеб и множество других защитников земли Русской из рода Рюриковичей.

Икона отражает реальные исторические события подготовки к Казанскому походу. Царь Иоанн Васильевич совершил перед

походом ряд паломнических поездок, во время которых посетил многие города Московской Руси и молился у мощей тех своих святых предков, на покровительство и помощь которых надеялся в войне.

Казанский поход воспринимался русским народом как прямое продолжение дела Великого князя Дмитрия Донского, поэтому государь, прежде всего, совершил паломничество в Коломну, где молился о победе перед тем же образом Богоматери, который ранее был во время Куликовской битвы со св. князем Димитрием.

Повторяя деяние своего великого предка, пошедшего в чужую враждебную землю и одержавшего там победу над агарянами, собравшего для битвы на Куликовом поле всю Русь под знамена Москвы, Грозный царь так же осуществляет, но уже на духовном уровне, единение всей Русской земли.

Собирая войска во Владимире, Шуе, Ярославле, Муроме, Иоанн Васильевич одновременно совершал там молитвенное поклонение мощам святых князей-воинов.

Во Владимире находились святые мощи князей Андрея Боголюбского и его сына св. кн. Глеба Андреевича, св. кн. Александра Невского и его брата князя Феодора Ярославича. В Муроме царь поклонился святым Петру и Февронии, св. князю Константину, родоначальнику муромских князей, и другим местночтимым святым. В Ярославле, в Спасском соборе, находились мощи святого князя Феодора Ростиславича и его сыновей Давида и Константина, а также погибших во время монголотатарского нашествия святых кн. Василия и Константина Всеволодовичей.

Многих из этих князей мы видим изображенными на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя».

Известно, что св. кн. Дмитрий Донской молился о победе Архистратигу Михаилу, предводителю Небесных Сил Бесплотных, уповая на его помощь и заступничество. В послании митрополита Макария царю, составленном перед выступлением в Казанский поход, также особо возлагаются надежды на предстательство Архангела Михаила за Русское воинство. Сам царь всегда считал его своим покровителем и даже составил Канон «Ангелу Грозному» – Архангелу Михаилу (Как известно, Иоанн Грозный писал не только молитвы, но и духовную музыку)

Именно Архангела Михаила мы видим главнокомандующим – Архистратигом – во главе трех колонн святого воинства, двигающегося к Горнему Иерусалиму.

Вернувшись из Казани с победой, царь совершает благодарственные моления, особо упоминая в них как Архангела

Михаила, так и своих сродников – святых князей. Все они были вскоре после того изображены на фресках Архангельского собора – так русский самодержец выразил им благодарность за молитвенную помощь. В Муроме царь приказал построить храм, посвященный святым Петру и Февронии, заказал их храмовый образ «на золоте, обложен серебром и каменьями», а один из приделов этого храма освятил в честь святого Константина и его сыновей, святых Феодора и Михаила.

Имена святых, изображенных на иконе и в росписи Архангельского собора, входят в состав Вселенского Синодика, который читается в церкви в праздник Торжества Православия, в день, когда совокупно прославляются и Церковь Небесная, Торжествующая, и Церковь земная, Воинствующая.

Очевидно, что в некоторых своих деталях икона «Благословенно воинство Небесного Царя» более достоверно отражала для православного русского человека XVI века исторические события, сопутствовавшие Казанскому походу, так как представляла не просто зримые образы, но и то, что можно было увидеть только духовными очами – единение Церкви Воинствующей и Церкви Торжествующей, участие в человеческой жизни небесных заступников Руси.

Однако, изображая на иконе участников похода, живых и усопших, только стремящихся к святости и уже достигших ее, иконописец не мог обойти своим вниманием организатора и возглавителя Казанского похода, первого Русского царя – Иоанна Грозного.

Но если многие из вышеуказанных святых соотнесены со своими изображениями на иконе, то судьба Государя и здесь сложилась непросто.

Впервые мысль о том, что на иконе есть изображение Иоанна IV Васильевича, было высказано в середине XX века. Его увидали в юном всаднике, скачущем сразу за Архистратигом Михаилом. Однако впоследствии эта версия была отвергнута, и спутник Архангела был опознан как св. Дмитрий Солунский. Вопрос об определении изображения Иоанна Грозного был отложен и больше не поднимался. Полемика искусствоведов сосредоточилась вокруг центральной фигуры царственной особы в среднем ряду.

Выдвинутая поначалу версия о том, что это св. равноапостольный царь Константин, была вскоре отвергнута. Искусствовед В.И. Антонова указала, что св. Константин «не изображался на русских иконах в царской шапке; голову его обычно украшала корона с «городками». Мономахов венец служил в XVI веке инсигнией главы русского государства и был

непременным атрибутом изображения Владимира Мономаха. Крест в руке предполагаемого Владимира Мономаха на иконе, заставлявший считать это изображение царем Константином, имеет здесь значение не исповедания веры, а инсигнии царской власти – жезла-скипетра».

Именно такие скипетры представлены на русских художественных памятниках XIV и XV вв. (крест в руке царицы на иконе «Предста царица» в Успенском соборе Московского Кремля; кресты в руке Иоанна Палеолога, Софии Витовтовны и Василия Дмитриевича, на саккосе митрополита Фотия 1410 г. в Оружейной палате; тут же представлен царь Константин с совершенно иным положением креста). Кроме того, изображение креста на иконе искажено: здесь оставлен слой записи, возвышающийся над уровнем первоначальной живописи. В.И. Антонова считает, что «при чинках непопулярный в иконной живописи Мономах был понят как царь Константин… Киноварная буква «а», уцелевшая между скипетром и несколько измененной теперь из-за вставки левкаса вверху шапкой, позволяет думать, что и в надписи был указан [Вл] а [димир], а не Константин – «Костянтин»; в этом имени по транскрипции XVI в., нет буквы «а». Слово же «царь» в то время писалось обычно с титлом «цръ»».

Икона «Церковь воинствующая». Фрагмент. Середина XVI века.

Таким образом, стала общепринятой версия о том, что перед нами изображение Великого князя Владимира Мономаха. Однако данный вывод никак не помог решить вопрос о том, где же на иконе изображен Иоанн Грозный? Если это не воин, скачущий за Архистратигом Михаилом и не фигура царя в центре композиции, то где же царь-победитель? Неужели на иконе, восхваляющей подвиг Казанского взятия его «забыли» изобразить? Невероятно.

Для автора данной книги нет сомнений, что именно фигура в центре иконы соответствует роли Иоанна IV в организации и осуществлении казанского похода.

Весь ее облик свидетельствует, что перед нами царь. Значительная часть святых, изображенных на иконе – святые

князья северо-западной, Владимирской Руси, предки Иоанна IV. Вся логика заложенной в икону идеи требует, чтобы в ее центре находился не греческий царь, пусть даже св. равноапостольный Константин Великий, не Владимир Мономах, а московский царь, первый помазанник Божий на русском престоле. Вся архитектура, вся живопись этого периода задумана и создана как памятник, прославляющий величайшее событие в истории Московской Руси: венчание на царство Иоанна IV, знаменовавшее завершение длившегося сто лет осмысления русским народом процесса перехода миссии «удерживающего» (2 Фесс. 2:7) от Константинополя к Москве.

Именно центральная фигура соизмерима по своему масштабу с фигурой Архистратига Михаила. Она является не только геометрическим, но и смысловым центром композиции. Сплотились вокруг его фигуры воины-копейщики, оглянулся и вопросительно смотрит на него воин-знаменосец, скачущий перед войском, даже сам Архистратиг Михаил повернулся к царю и словно призывает его смелее двигаться вперед.

Без сомнения, образ царя идеализирован, в нем присутствуют черты его предков и предтечей в служении Церкви Христовой, в том числе и черты св. царя Константина, и святого равноапостольного кн. Владимира, и Владимира Мономаха. Это сходство органично вытекает из идеи, согласно которой «**православный государь был призван внести в тьму и хаос языческой казанской земли священный миропорядок**». Так же, как несли его царь Константин – в Римскую империю, св. кн. Владимир – в языческую Русь. То идеальное, что сопутствует такому служению, наложило свой отпечаток на изображение всех святых правителей.

Если же говорить о Владимире Мономахе, то он был не просветителем язычников, а защитником православной веры. Поэтому, почитая его вслед за средневековой русской традицией как благоверного князя, все-таки следует указать, что изображение кн. Владимира с крестом могло бы относиться к св. равноапостольному кн. Владимиру I, а не к Владимиру Мономаху.

Что касается конкретных деталей изображения, то «Шапка Мономаха» была символом главы **Московского** государства, поэтому говорить о том, что ее изображение однозначно указывает на Владимира Мономаха и только на него – едва ли возможно.

Скорее всего, данная «царская шапка» воспринималась в иконографии того времени как атрибут православного Русского государя. Поэтому наличие шапки Мономаха в изображении фигуры царя на иконе «Церковь Воинствующая» нисколько не

опровергает предположения о том, что это Иоанн Грозный.

Крест в руке делает еще более вероятным идентификацию данной фигуры как Иоанна IV. То, что крест имеет значение не исповедания веры, а инсигнации царской власти, заменяющей скипетр на вышеописанных изображениях московских князей XIV-XV вв., лишь подтверждает возможность сохранения данной иконописной традиции и при написании этого изображения. К тому же мы знаем, что, отправляясь в Казанский поход, Иоанн приказал утвердить на царском знамени с Нерукотворенным Спасом крест, «иже бе у прародителя… достохвального великого князя Димитрия на Дону». После взятия Казани государь сам водрузил Крест Христов над покоренным городом и, «обойдя по стенам с хоругвями и иконами, посвятил Пресвятой Троице бывшую столицу царства Казанского».

Едва ли современник-иконописец мог пройти мимо такого факта. И нет ничего странного в том, что он (а надо помнить: весьма вероятно и то, что эскиз был составлен рукой самого свт. Макария) отразил этот факт в живописном описании Казанского похода. Нелишне упомянуть здесь и о том, что на иконе XVII века «Святой благоверный царевич Димитрий, угличский и московский чудотворец», сын Иоанна Грозного изображен с точно таким же крестом. Во всяком случае, крест в царских руках еще больше подтверждает версию, что на иконе здесь изображение Иоанна Грозного.

Что же касается буквы «**а**», единственной сохранившейся от написанного имени, то, следуя логике данного доказательства, можно утверждать, что она относится к имени [Ио] **а** [ни] а не [Вл] а [димир]. Кстати, и поныне предстоятель Украинской Православной Церкви (МП), Блаженнейший митрополит Владимир, подписывает свои послания на украинском языке так: «Володимир» – без буквы «а».

Еще одна деталь царской одежды обращает на себя внимание – «лорос» – лента, одеваемая поверх далматика и перекинутая через руку царственной фигуры наподобие ораря иподиакона. Такая же лента изображалась и на иконах святых – византийских императоров, например, на иконе свв. Константина и Елены с избранными святыми (вторая половина XVI века, ГРМ). Однако и эта деталь не может однозначно служить в пользу той версии, что данная фигура является изображением св. царя Константина. Иоанн Грозный также воспринимался не только его российскими подданными, но и подданными других православных государств как император. С точки зрения Вселенской Православной Церкви он и был императором единственной на земле православной империи. Таким образом, царь Иоанн имел все права на лорос.

Интересен и тот факт, что на иконах Архангела Михаила не принадлежащих к так называемому разряду икон «воинского» типа, Архангел изображался как служитель Небесного Царя и его одежда также включала такую деталь, как лорос. На такой иконе Архангел обычно держит сферическое зерцало (сферу с инициалами Иисуса Христа, в которой читает повеления Божии) и мерило (высокий посох с круглым навершием) или копие. Но на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя» изображение Архангела принадлежит к «воинскому» типу – он вооружен обнаженным мечом и облачен в доспехи. Зато фигура царя несет те атрибуты, которые полагаются Архистратигу: посох-крест и лорос. Если вспомнить, что Иоанн Васильевич составил «Канон Ангелу Грозному воеводе», а самого его прозвали Грозным за Казанский поход, то аналогия напрашивается сама собой. На Казань идет объединенное православное войско. Архистратиг Михаил возглавляет воинство Небесное, а Царь-слуга Божий – воинство земное.

В Византии существовала традиция создавать портреты императора в память о какой-либо его победе. Такие изображения окружали фигурами святых воинов. Так, на миниатюре из Псалтири Василия II император представлен принимающим копье – оружие победы – из рук Михаила Архангела. Рядом с ним – святые воины Георгий, Димитрий, Феодор Стратилат, Феодор Тирон, Прокопий, Меркурий. Сопроводительный текст объясняет, что они «сражались заодно» с царем Василием II как его «други». Если вспомнить, какое значение имела Казанская победа для всего Русского государства, какую роль сыграл в ней царь Иоанн, а также о том, что эта победа стала поводом для написания иконы, то нет ничего странного в возрождении доброй византийской традиции на русской земле.

В связи с возрождением византийских традиций в иконописи стоит вспомнить и еще об одном интересном факте: икона «Благословенно воинство Небесного Царя» была создана во второй половине 50-х гг. XVI века, а в 1551 г. состоялся Стоглавый собор, на котором рассматривались также и вопросы соответствия иконописи канонам. В частности, собор принял решение придерживаться старых канонов иконописи и разрешил изображение на иконах «лиц не святых», что также является продолжением византийской традиции:

«У древнихъ Святыхъ Отець преданіяхь, от пресловущихъ живописцевъ греческихъ и русскихъ свидетельствуютъ, и на святыхъ иконахъ воображены и написаны, якоже на Воздвижение честнаго и животворящаго Креста Господня, не токмо цари и Святители, и протчія народи многая множество всяческихъ

чиновъ. Также на Покровъ Пресвятыя Богородицы, егда виде Святый Андрей Богородицу молящуся со всеми Богу за весь мірь; безчисленное множество народа писано также на происхожденіе честнаго и животворящаго Креста, токмо цари и князи, множество безчисленное народа писана суть на страшномъ Суде, на иконахъ воображаютъ и пишуть не токмо Святыхъ, но и неверныхъ многія различная лица от всехъ языкъ».

Русский путешественник XIV в. Стефан Новгородец сообщает об иконах, написанных императором Львом Мудрым, которые находились в монастыре Манган. Иконы представляли собой изображения патриархов и царей: «до скончания Цареграда царей восемдесят, а патриархов сто». Царские портреты в святой Софии упоминает тот же Стефан Новгородец (XIV в.): «…и на полатях же исписаны патриарси вен цари, ко дико их было в Цареграде». Некоторые из софийских портретов видел А. Муравьев в 1849 г.

Итак, исходя из вышесказанного, представляется весьма вероятным, что центральная фигура на иконе «Церковь Воинствующая» изображает государя Иоанна IV. Но насколько было правомочно для иконописца – человека православной культуры, живущего по канонам Православной Церкви – при создании иконы так акцентировать внимание на фигуре пусть и царя, но еще не святого? Ведь икона не просто исторический памятник великой победы, она имеет прежде всего сакральную, священную функцию, является, в первую очередь, предметом почитания со стороны верующих.

Для того, чтобы понять логику изображения на иконе «Церковь Воинствующая» в центре ее композиции царя земного, необходимо рассмотреть другие аналогичные изображения того времени и обратиться к учению Православной Церкви о Царской власти.

Начиная с XV века, когда в православном мире появились эсхатологические ожидания в связи с окончанием седьмой тысячи лет от сотворения мира, тема Апокалипсиса стала занимать значительное место не только в умах, но и в изобразительном искусстве.

От второй половины XVI века нам остался ряд художественных памятников, непосредственно иллюстрирующих страницы Апокалипсиса, например, фрески Спасопреображенского монастыря в Ярославле. Сохранились также несколько икон, схожих по тематике и композиции с рассматриваемой нами иконой «Церковь Воинствующая»: икона конца XVI века в Государственной Оружейной палате, поступившая туда из Чудова монастыря Московского Кремля; икона «Соединение земной воинствующей Церкви с Небесной

Торжествующей» (XVI в.), находившаяся ранее в Никольском Единоверческом монастыре; «Великий стяг» Иоанна Грозного (Гос. Оружейная палата, 1560 г.); икона «Страшный суд» (Север России, конец XVI в.) в Национальном музее Стокгольма.

Для нас наиболее интересна последняя. На этой иконе, также, как и на иконе «Благословенно воинство Небесного Царя», движется тремя отрядами войско под предводительством Архистратига Михаила. Крупнее других фигура полководца во главе среднего отряда: на голове его – высокая тиара, а следы надписи «…нее» дают возможность предполагать, что это Моисей…Под ногами лошади Моисея можно разобрать слово «фараона». Как отмечают искусствоведы, «икону Стокгольмского музея можно поставить в связь с распространившейся с конца XV в. политической теорией об особом избранничестве русского народа – «нового Израиля».

Взаимозаменяемость, с точки зрения православных иконописцев XVI века, двух фигур на аналогичных иконах – царственного всадника на иконе «Церковь Воинствующая» и св. Моисея на иконе «Страшный суд» – говорит о том, что создатели икон признавали за изображенными на них людьми одну и ту же миссию: быть водителями народа Божия на пути из греховного мира (египетского пленения, града обреченного) к земле обетованной, Новому Иерусалиму.

Если обратиться к Священному Писанию, то уже в книге Исхода мы прочтем слова Господа Моисею о его брате Аароне: «… разве нет у тебя Аарона брата, Левитянина? Я знаю, что он может говорить, и вот он выйдет навстречу тебе, и увидев тебя, возрадуется в сердце своем. Ты будешь ему говорить и влагать слова в уста его; а Я буду при устах твоих и при устах его, и буду учить вас, что вам делать. И будет говорить он вместо тебя к народу. Итак он будет твоими устами; а **ты будешь ему вместо Бога.** И **жезл сей возьми в руку твою**; им ты будешь творить знамения» (Исх., 4, 14–17).

Святитель Кирилл Александрийский отмечает: «Моисей и Аарон… были для древних прекрасным прообразом Христа, дабы ты… представлял себе Еммануила, Который, по премудрому устроению, в одном и том же лице есть и Законодатель, и Первосвященник…В Моисее мы должны видеть Христа как Законодателя, а в Аароне – как Первосвященника».

Таким образом, Моисей, как прообразователь царской власти, является на иконе «Страшный суд» таким же Царем-предводителем Израиля, как и царственный всадник (имеющий, по слову Господа, жезл-крест в своей руке) на иконе «Церковь Воинствующая».

Продолжая аналогию с Ветхозаветным Исходом, надо обратить внимание на саму композицию иконы. Войско, изображенное на иконе, делится не только на три колонны (верхнюю, нижнюю и среднюю), но и на четыре больших отряда, так как верхняя колонна разделена пополам скалой на две большие группы всадников: первая выезжает из-за скалы, а вторая движется у ее подножия. В пользу четырехчастного деления войска на иконе говорит и наличие четырех полковых стягов-хоругвей (от четвертого видны лишь фрагменты над аръегардом верхней колонны).

Вот что говорит Господь о походном порядке народа Божиего при Исходе в землю обетованную: «Сыны Израилевы должны каждый ставить стан свой при знамени своем, при знаках семейств своих; пред скиниею собрания вокруг должны ставить стан свой. С передней стороны **к востоку** ставят стан: знамя стана Иудина… колено Иссахарово… колено Завулона… Знамя стана Рувимова **к югу…** Подле него ставит стан колено Симеоново… потом колено Гада… Когда пойдет скиния собрания, стан левитов **будет в середине станов.** Как стоят, так и должны идти, каждый на своем месте, при знаменах своих. Знамя стана Ефремова по ополчению их **к западу…** подле него колено Манасиино… Потом колено Вениамина…

Знамя стана Данова **к северу…** Подле него ставит стан колено Асирово… Далее колено Неффалима… И сделали сыны Израилевы все, что повелел Господь Моисею; так становились станами при знаменах своих, и так шли каждый по племенам своим, по семействам своим» (Чис. 2, 2-34).

Таким образом, воинский стан Ветхозаветного Израиля представлял из себя четыре полка по три колена в каждом с четырьмя знаменами, расположенных по сторонам света, со скинией собрания посередине. А скиния собрания, как говорит свт. Филарет Московский, «есть храм Божий, по применению к потребностям странствующего народа, подвижной и переносный, по отношению к спасительным для всего человечества судьбам Божиим, исполненный таинственных преобразований Христа и Христовой Церкви». Церковь Божия – есть тело Христово, состоящее из народа Божиего, а Сам Господь Иисус Христос называл себя Храмом. Потому и говорит свт. Филарет, что скиния завета прообразует в себе Самого Христа.

На иконе «Страшный суд» мы видим на месте скинии пророка Моисея, а на иконе «Церковь Воинствующая» – русского царя, помазанника Божиего. Святитель Филарета так говорит об ветхозаветном стане: «Вот первозданная в міре Церковь (ибо прежде ея были только жертвенники без храма): и мы видим её

среди стана и полков, устроенную в сем положении самим Господом Церкви. Это стан странствующего народа: но, при внимательном рассмотрении обстоятельств, нельзя не признать, что это и военный стан. Иначе, народу, разделенному на двенадцать племен, на что бы ещё давать новое разделение на четыре полка? И нужно было странствующему израилю воинское устройство: потому что и на пути встречал он врагов, и обетованную землю должен был приобресть оружием. Посему-то, когда Скиния свидения, вместе со всем станом, поднималась в поход, Моисей произносил воинскую молитву: восстании, Господи, и да разсыплются врази Твои». Эти слова мы с полным правом можем отнести и к воинскому стану, изображенному на иконе, лишь немного поменяв акценты: это воинский стан, но, при внимательном рассмотрении нельзя не признать, что это и стан странствующего в поисках Царствия Божиего русского народа – новозаветного Израиля.

То, что посреди этого стана вместо скинии возвышается фигура православного царя, нисколько не нарушает богоустановленный порядок, а только подтверждает правильность восприятия иконописцем церковного учения о царской власти.

Живая икона Христа

Византийская идея царя раскрыта в письме патриарха Антония князю Василию Димитриевичу (1389 г.): «Святой царь (имеется ввиду византийский император – *В.М.*) занимает высокое положение в Церкви, но не то, что другие поместные князья и государи. Цари вначале упрочили и утвердили благочестие во вселенной; цари собирали Вселенские Соборы, они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят Божественные и священные каноны о правых догматах и благоустройстве христианской жизни, и много подвизались против ересей… На всяком месте, где только имеются христиане, имя царя поминается всеми патриархами и епископами, и этого преимущества не имеет никто из прочих князей и властителей… Невозможно христианам иметь Церковь и не иметь царя. Ибо царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении… и невозможно отделить их друг от друга… **один только царь во вселенной,** и если некоторые другие из христиан присвоили себе имя царя, то все эти примеры суть нечто противоестественное и противозаконное».

Димитрий Хоматин, архиепископ Болгарский (XIII в.), о перемещении императорами епископов писал: «…оно весьма часто совершается по повелению императора, если того требует общее благо. Ибо император, который есть и называется **верховным блюстителем церковного порядка,** стоит выше соборных определений и сообщает им силу и действие. **Он есть вождь церковной иерархии и законодатель по отношению к жизни и поведению священников**; он имеет право решать споры между митрополитами, епископами и клириками и избирать на вакантные епископские кафедры. **Он может возвышать и епископские кафедры и епископов в достоинство митрополии и митрополитов… Его постановления имеют силу канонов**».

Св. Григорий Богослов, обращаясь к царю, пишет: «Тебе известно, что ты возвел меня на престол против моей воли».

Святитель Дмитрий Ростовский о царском служении говорил так: «Как человек по душе своей есть образ и подобие Божие, так и Христос Господень, помазанник Божий, по своему царскому сану есть образ и подобие Христа Господа. Христос Господь первенствует на небесах в церкви торжествующей, Христос же Господень по благодати и милости Христа Небесного предводительствует на земле в церкви воинствующей».

Таким образом, святитель Дмитрий Ростовский прямо указывает на то, что православный царь есть живой образ Господа

и предводитель воинствующей Церкви.

Богословы позднейших времен развивали святоотеческое учение о царской власти.

Профессор Н.С. Суворов в «Учебнике церковного права» писал: «Высшей церковной властью в древней Церкви были римские христианские императоры; признание за русским Императором высшей правительственной власти в Православной Церкви является историческим наследием после императоров византийских». И поясняет далее: «Государь Император признает святость догматов господствующей Церкви и провозглашает себя лишь блюстителем правоверия. И догматы, и правоверие определяются не Им, но церковной властью – соборами».

Профессор Градовский в своем многотомном труде «Начала русского государственного права», изданном в 1875 году, разъясняет: «Компетенция Верховной Власти ограничивается теми делами, которые вообще могут быть предметом церковной администрации… Права самодержавной власти касаются предметов церковного управления, а не самого содержания положительного вероисповедания, догматической и обрядовой его стороны».

Профессор Темниковский: «Император есть носитель и орган высшей власти в Русской Православной Церкви; Его церковная власть есть… одно из направлений высшей власти государственной»… «Смысл возглавления земной Церкви царем заключается в том, что Он является не только симфоническим мирским архиереем, но и единственным епископом внешних дел вселенской Церкви» для осуществления отношений земной Церкви с миром во зле лежащем (1 Ин. 5,19), чтобы оградить народ Божий от его агрессии». (В связи с этим вспомним арест Великим князем Василием Темным униата митрополита Исидора.)

Такое представление о значении царской власти не имеет ничего общего с цезарепапизмом и лишь законодательно закрепляет миссию православного царя, помазанника (христа) Божия.

Уже преподобный Иосиф Волоцкий вскоре после падения Константинополя и гибели Византии видел в русском Великом князе единственного защитника правой веры, подлинного православного царя, который «естеством подобен во всем человеком, **властью же подобен Богу**».

Святитель Макарий, Митрополит Московский, родственник и последователь прп. Иосифа Волоцкого, 16 января 1547 года, во время венчания на царство государя Иоанна IV, обратился к нему с речью, содержащей так же и мысль о высоте царского служения:

«**Вас бо Господь Бог в Себе место избрана земли, и на Свой престол вознес,** милость и живот посади у вас».

Все вышесказанное, приложимое к любому православному императору – Помазаннику Божиему, приложимо и к царю Иоанну Грозному. Уже через год после венчания на царство, в 1548 г. братия Хиландарского монастыря в своем послании к Иоанну Грозному титулует его «единым правым государем, белым царем восточных и северных стран… **святым, великим благочестивым царством,** солнцем христианским… утверждением седми соборных столпов». А в 1557 г. посланные от Константинопольского патриарха с просительной грамотой именовали в ней русского царя «**святым царством**» и заявляли о соборном уложении «молить Бога о царе и великом князе Иоанне Васильевиче **якоже о прежних благочестивых царях**» (то есть, Византийских императорах – *В.М.*). Сербские хроники называли Иоанна IV «надеждой всего Нового Израиля», «солнцем Православия», царем **всех** православных христиан.

Это было признание священной вселенской миссии Русского государя. Поэтому появление его изображения в центре иконы «Церковь Воинствующая» было совершенно закономерно, учитывая его значение в возведении Третьего Рима и эсхатологическом исходе новозаветного Израиля из обреченного града мира сего.

Как тут не вспомнить византийского императора Юстиниана, «делившего» престол со Христом в соответствии со словами Откровения святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его» (Откр. 3:21)

Столь велико значение православного самодержца, помазанника Божия! К сожалению, далеко не все, даже в церкви, это понимают.

Вспомним по данному поводу слова святого Филарета, митрополита Московского о 45-й главе книги пророка Исайи: «Бог назначил Кира для исполнения судьбы Своей и восстановления избранного народа израильского; сею Божественною мыслию, так сказать, помазал дух Кира еще прежде, нежели произвел его на свет: и Кир, хотя не знает, кем и для чего помазан, движимый сокровенным помазанием, совершает дело Царствия Божия. **Как могущественно помазание Божие**! **Как величествен помазанник Божий**! **Он есть живое орудие Божие, сила Божия исходит чрез него во вселенную и движет большую или меньшую часть рода человеческого к великой цели всеобщего совершения**».

А святитель Серафим (Соболев) продолжая слова святого

митрополита Филарета, говорит: «Если Кир, царь языческий, не получивший помазания с дарами Святаго Духа и даже не знавший истинного Бога, но как послушное орудие Божественной силы имел такое великое значение для жизни избранного народа и большей части мира, то **какая же величайшая Божественная сила действовала чрез помазание Святаго Духа в наших царях, помазанниках Божиих, и какое благодетельное значение имели они для нового Израиля – избранного русского народа, и для всего мира**».

И далее владыка Серафим продолжает: «Да, русская либеральная интеллигенция не хотела видеть этой силы в наших царях, помазанниках Божиих». Не хотела во времена владыки Серафима, не хочет и сейчас. Глумится, паясничает и гримасничает в лицо помазаннику Божиему – православному русскому царю: «… и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове» (Мф. 27:29–30).

Но вернемся к иконописным свидетельствам святости царя. Еще одно его прижизненное изображение, которое сохранилось до наших дней – это фреска «Митрополит Макарий и Иоанн Грозный» в алтарной части Успенского собора Свияжского Успенского Пресвятой Богородицы мужского монастыря.

Собор в честь Успения Пресвятой Богородицы был построен в 1556–1560 гг. псковскими мастерами под руководством Постника Яковлева и Ивана Ширяя. Одной из главных особенностей Успенского собора является сохранившийся цикл фресковой живописи XVI века, реставрированный в 1899 году художниками Н.М. Сафоновым и Г.О. Чириковым под руководством известного профессора-искусствоведа Д.В. Айналова (об этой реставрации И.Э. Грабарь отозвался весьма скептически). В 1964–1984 гг. собор также подвергался реставрационным работам. **Среди наиболее знаменитых фресок – алтарное изображение царя Иоанна Грозного и митрополита Московского Макария.** Время написания фресок определено точно: 1558 год.

Государь изображен с молитвенно поднятыми руками, с обращенным к небу лицом. На голове у него царский венец, напоминающий корону, в которой обычно изображают св. царя Давида. Иоанн Васильевич одет в алый плащ, застегнутый на правом плече и длинное перетянутое в поясе платье блекло-голубого цвета с широкой светлой каймой внизу. По левому бедру спускается золотистая лента, напоминающая лорос. Волосы рыжего цвета и черты лица напоминают о царственном всаднике с иконы «Церковь Воинствующая».

Из других изображений известна также икона Богоматери Тихвинской из Благовещенского собора Московского Кремля (середина XVI в.) **с изображением в клейме Иоанна Грозного и свт. Макария, тогда еще новгородского архиепископа.**

Один из самых известных (и относительно доступных) образов царя Иоанна Грозного находится в Грановитой палате Московского Кремля. Некоторое время считалось, что эта фреска была создана в конце XIX века по распоряжению императора Александра Третьего. Однако необходимо отметить, что она намного старше.

Грановитая палата была впервые расписана в конце XVI в., во время царствования сына Иоанна Грозного, святого царя Феодора Иоанновича (1584–1598). Ее фрески просуществовали до второй половины XVII века. К тому времени палата, не раз страдавшая от жестоких пожаров, сильно обветшала и нуждалась в серьезном

ремонте. Весной 1667 года царь Алексей Михайлович приказал расписать палату заново «самым добрым мастерством, а снимки для образца с того стенного письма снять ныне и приказать о том иконописцу Симону, чтобы **написать в той палате те ж вещи, что ныне написаны**». На следующий год большая группа мастеров во главе со знаменитым иконописцем Симоном Ушаковым возобновила фрески конца XVI века.

А в 1672 году Ушаковым были составлены подробные, профессионально точные описания древних сюжетов с указанием места их расположения на сводах и стенах: «Царь Феодор Иоаннович сидит на златом царском месте на престоле, на главе его **венец царский с крестом без опушки** (подобный венцу царя на иконе «Церковь Воинствующая» – *В.М.*), весь каменьем украшен; исподняя риза его порфиры царская златая, поверх порфиры положена по плечам холодная одежда с рукавами, застегнута об одну пуговицу; по той одежде по плечам лежит диадима с дробницами; около шеи ожерелье жемчужное с каменьями; через диадиму по плечам лежит цепь, а на цепи на переди крест; обе руки распростерты прямо, в правой руке держит скипетр, а в левой державное яблоко. По правую сторону подле места его царского стоит правитель Борис Годунов в шапке мурманке; на нем одежда верхняя с рукавами, златая, на опашку, а исподняя златая же, долгая; а подле него стоят бояре в шапках и в колпаках, верхния на них одежды на опашку Над ними палата, а за палатою видать соборную церковь. И по другую сторону царского места также стоят бояре и над ними палата».

Справа от этой фрески **находится изображение царя Иоанна,** отца правящего государя, слева – его деда и прадеда, Великих князей Василия III и Иоанна III. Чуть дальше – великих предков последнего Рюриковича, святого князя Димитрия Донского и венчание на царство Великого князя Владимира Мономаха.

Фреска царя Иоанна Грозного. Грановитая палата Московского Кремля. Конец XVI века. Реставрирована в 1882 г. по указу императора Александра Третьего

Есть все основания полагать, что фреска благоверного царя Иоанна Грозного была написана в то же время, что и остальные фрески Грановитой палаты – в конце XVI века, а в 1882 г. только заново обновлена в царствование императора Александра III, известного своей приверженностью к русской старине.

О времени создания фрески свидетельствует и ее стиль. Иоанн Васильевич одет в характерное для написанных в XVI веке великокняжеских изображений длинное платье с поясом и вертикальной каймой по центру.

Нимб вокруг головы царя также не может считаться поздней «фантазией» палехских мастеров, обновлявших икону в конце XIX века. Например, в Архангельском соборе Московского Кремля все портреты князей из династии Рюриковичей написаны с нимбами вокруг голов, несмотря на то, что никто из них (кроме святого

благоверного князя Александра Невского) не был канонизирован Церковью ко времени создания росписи. В то же время, портреты царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, стоявшие в Архангельском соборе вплоть до 30-х гг. XIX века, были написаны без нимбов.

Это свидетельствует о том, что нимбы на изображениях династии Рюриковичей не могли быть дописаны во время реставрации росписи во второй половине XVII века, так как тогда нимбы появились бы и на изображениях первых царей из династии Романовых. Ничего подобного не случилось, однако мастера, возобновлявшие росписи, сохранили нимбы в портретах Рюриковичей. Тем более, ни у кого из иконописцев XIX века не могла возникнуть мысль о написании изображения государя Иоанна IV с нимбом. Для того был необходим или приказ императора, или наличие древнего образца, подлежащего возобновлению.

Изображение нимба на царском портрете из Грановитой палаты, как и изображения нимбов на княжеских портретах из Архангельского собора, были именно признаком святости, несмотря на то, что далеко не все из представленных на фресках князей были канонизированы. Изображенные с нимбом князья относились к разряду почитаемых усопших, или святопочивших, местночтимых в столице их княжества.

Как отмечает кандидат искусствоведения Т.Е. Самойлова, «образ святого князя ступень за ступенью формирует Степенная книга. Идеальный правитель – это тот, кто как государственный муж «благоразумным велемудрием преудобен, во бранехже храбр и мужествен… вся православные догматы по Бозе трудолюбно утверждая… на святость и на украшение Богом дарованные им державы», а в личной жизни «сам тщашеся угодная Богу сотворити», «многие святыя церкви поставляя и честная монастыри устрояя», так что через личный подвиг князя «верахристианская… сугубо распространяшеся». Именно верность Православию является главным основанием для прославления государя как святого, а из русских князей никто никогда «ни смутися… ни соблазнися о истинном законе христианском», поэтому многие из князей «аще и не празднуеми торжественно и не явлены суть, но обаче святы суть» – так Степенная книга объясняет то обстоятельство, что даже не канонизированных официально Церковью князей сочли возможным представить в росписи собора. Степенная книга и образы Архангельского собора формируют представление об идеальном правителе из рода праведных, который и после смерти продолжает оказывать помощь потомкам, ограждая их небесным заступничеством.

Центральная идея эпохи – прославление Православия через святость государей…».

Таким образом, древнерусская традиция, с одной стороны, и Церковь в лице составителя Степенной книги, митрополита Афанасия, с другой, признают почитание князей, как местночтимых святых без общецерковной канонизации.

Тем более это относится к православным царям – помазанникам (Христам) Божиим. Согласно византийскому ритуалу венчания на Царство, после совершения обряда миропомазания царь торжественно провозглашался святым. Именно совершение данного ритуала, сообщавшего императору святость, давало ему право быть изображенным, как и подобает святому, с нимбом вокруг головы. На всех дошедших до нас портретах как византийские императоры, так и сербские короли, начиная со Стефана Первовенчанного, представлены с нимбами, независимо от того, прижизненным или посмертным было изображение.

Благоверный Великий князь Василий Третий. Икона XVI в.

Почитался святым отец Иоанна Грозного – Великий князь Василий III, его изображение на иконе ев. Василия Парийского (XVI в., собрание Государственного исторического музея) было обнаружено в процессе реставрации во второй половине 90-х гг. XX столетия. Великий князь изображен в монашеской одежде, справа от его фигуры надпись: «благоверный князь великий Василий Иоаннович самодержец…» Сомневаться в этом не приходится, так как портрет отца Иоанна Грозного сопровождает подробная надпись с упоминанием его титула и имени.

Еще в XVII веке существовала икона святого царя Феодора Иоанновича, сына Иоанна Грозного, который почитался и официально почитается сейчас, как местночтимый московский

святой.

Видимо, в конце XVI века было создано еще одно изображение царя Иоанна IV с нимбом – «Моление царя Иоанна Грозного с сыновьями Феодором и Дмитрием перед иконой Владимирской Божией Матери». На иконе государь предстоит образу Владимирской Божией Матери в той же молитвенной позе, что и на фреске Свияжского монастыря. На голове у него многоступенчатая корона, напоминающая «Казанскую шапку» – корону Царства Казанского, одежда тоже типична для княжеских изображений XVI века: плащ, застегнутый на правом плече, длинное платье с вертикальной каймой. Имеется и знак императорского достоинства, как и на иконе «Церковь Воинствующая» – лорос, перекинутый через левую руку. Вокруг головы – нимб. Черты лица схожи с изображениями иконы из ГТГ и фрески из Свияжска, но здесь царь выглядит намного старше. Возможно, он изображен в последний год своей жизни.

В Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря, построенном в 1491 г. сохранилась еще одна фреска государя, на которой он изображен с нимбом. Над правым плечом фигуры имеется надпись «Цръ», над левым – «Iwаин». Плащ с растительным орнаментом застегнут у шеи, длинное платье перехвачено поясом и разделено вертикальной каймой. На голове – шапка в самоцветах, с меховой опушкой. Вся одежда украшена драгоценными камнями по вороту и кайме.

Царь Иоанн Грозный. Фреска в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря. XVII век.

Фреска датируется XVII веком, т. к. зодчие Дмитрий Телегин, Никифор Кологривов, Иван Акинфов и Григорий Копыла разобрали и полностью переложили Спасо-Преображенский собор монастыря в 1649 г. Во второй половине 80-х гг. XVII века собор был заново расписан при государях Иоанне V и Петре I. А 5 августа 1689 г. собор был вновь освящен. Еще раз фрески Спасо-Преображенского собора были возобновлены в 1837 г.

С тем, что фреска изображает именно Иоанна Грозного, соглашается, например, Р.Г. Скрынников: «К числу ранних изображений Грозного относится фреска на стенах Новоспасского монастыря в Москве».

Кроме изображения царя Иоанна, на фресках собора были написаны все русские государи от св. Великой княгини Ольги до царя Алексея Михайловича, все цари израильские и греческие

мудрецы, подобно тому, как они были изображены на фресках Благовещенского собора в XVI веке. Это позволяет предположить, что время создания фресок, в том числе, и изображения царя Иоанна IV, относится к XVI веку Конечно, последовавшие в XVII веке капитальные реконструкции монастыря многое изменили, однако можно считать, что идентификация фрески как изображения царя Иоанна Грозного не подлежит сомнению.

Таким образом, не вызывает сомнений, что царь Иоанн Грозный представлен на дошедших до нас от XVI–XVII вв. иконописных изображениях именно как местночтимый святой (благоверный царь) без общецерковной канонизации, «аще и не празднуеми торжественно и не явлены суть, но обаче святы суть». То есть – святой.

Не судите, да не судимы будете

«И все же, – скажет читатель, – что, если прав не автор, а многочисленные и весьма авторитетные историки, хотя бы тот же Карамзин? И Иоанн Грозный, пусть и не самый страшный тиран в истории человечества, но все же виновен хотя бы в некоторой части инкриминируемых ему преступлений. Например, ненамеренно убил сына. Да вот и с двоюродным братом, князем Владимиром Старицким, как бы это помягче сказать… не все ясно. И может ли быть назван святым человек, отправлявший на смерть, пусть и в соответствии с законом, тысячи людей?»

Не буду спорить, приведу лишь (не ради осуждения, а ради назидания) несколько малоизвестных либо хорошо забытых исторических фактов из жизни православных византийских императоров, в святости которых никому не приходит в голову усомниться.

* * *

Святой равноапостольный царь Константин Великий вел войну со своим соперником, Лицинием. Потерпевший поражение Лициний был осажден в городе Никомидии. Константин пообещал сохранить ему жизнь при условии, что он отречется от власти, и Лициний был вынужден принять условия победителя. 18 сентября 324 года в торжественной обстановке он снял с себя пурпурную императорскую мантию и пал к ногам Константина. Как Константин и обещал, он милостиво обошелся с побежденным, и Лициния просто выслали в Фессалоники (совр. Салоники), а сын Лициния Лициниан даже получил титул цезаря.

Но вскоре Лициний вновь начал интриги против Константина, и император, чтобы предотвратить возможность новых заговоров и смут, повелел его казнить.

* * *

По какой-то причине император Константин вдруг резко изменил отношение к своему старшему сыну Криспу Заподозрив его в подготовке заговора, император отобрал у него управление провинциями и стал держать его при себе почти на положении пленника. Слухи обвиняли в наветах на Криспа супругу Константина Фаусту, желавшую устранить соперника своих

сыновей на пути к власти в империи. Она якобы обвинила Криспа в замыслах лишить своего отца не только власти, но и жизни, и утверждала, что Крисп сделал своей мачехе предложение стать его женой и императрицей после переворота. Но подлинная причина императорского гнева осталась в истории скрытой.

В 325 году Константин, взяв с собой Криспа, отправился в Рим, чтобы отпраздновать двадцатилетнюю годовщину управления империей. Но торжество было испорчено общественными беспорядками. Когда Константин отказался принести жертву в храме Юпитера на Капитолийском холме, как того требовала древняя традиция, раздражение римлян-язычников против императора проявилось в бурной вспышке. Подстрекаемая сенатской аристократией, враждебной новым христианским порядкам, разъяренная толпа повергла на землю огромный памятник императору.

Эта безобразная выходка, знаменующая недолговечность земной славы, потрясла Константина и вывела его из равновесия. Он, вероятно, решил, что заговор против него и в пользу его сына Криспа начал осуществляться. Там же в Риме он приказал арестовать Криспа и сослать в Полу, что в Истрии. **Вскоре Константин подписал сыну смертный приговор, и Крисп был тайно казнен в Поле.**

Привычка Константина действовать быстро и решительно на сей раз обернулась ужасной трагедией.

Потом император глубоко раскаялся в своей ярости, приведшей его к преступлению и оставшейся нравственным пятном в его жизни. Но исправить ничего уже было нельзя. Константин поставил убитому сыну статую с надписью: «Жертве несправедливости». **Вскоре после этого, Фауста при неясных обстоятельствах утонула в горячей ванне.**

* * *

Св. правоверный император Юстиниан, прославленный во святых Православной церковью, больше всего известен как составитель Кодекса Юстиниана и автор симфонии светской и духовной властей. Он составил песнь: «Единородный Сыне и Слове Божий…», которая поется на литургии перед малым входом. Он первый ввел закон об обязательном государственном праздновании важнейших православных праздников: Рождества Христова, Крещения Господня и Воскресения, Благовещения Пресвятой Богородице и др. Был весьма набожен, и в частной жизни проявлял высокое благочестие.

И в то же время «мягким» этого императора никак не назовешь. При нем царили весьма жесткие порядки, за многие преступления было одно наказание – смерть. Смертью каралось, например, оскорбление императора, даже повреждение его скульптурных изображений. Причем для простолюдинов предусматривались весьма разнообразные виды казни: распятие на кресте, сожжение, отдание на съедение диким зверям, избиение розгами до смерти, четвертование; знатных особ обезглавливали.

Император начал реформы, которые вызвали знаменитое восстание «Ника» в Константинополе (532 г.). В числе мятежников оказались как городские низы, недовольные финансовой политикой правительства, так и знать, презрительно относившаяся к императору-«выскочке», родившемуся в семье бедного македонского крестьянина.

Лидеры восставших предъявили свои требования императору, причём в очень резкой форме, а когда он их отверг, назвали его убийцей и прекратили переговоры. Тем самым императору было нанесено неслыханное оскорбление. Ситуация осложнилась тем, что в тот же день арестовали подстрекателей к мятежу и приговорили их к смерти. Двое осуждённых сорвались с виселицы («были помилованы Богом»), но власти отказались их освободить.

Тогда была создана единая партия всех недовольных властью с лозунгом «Ника!» («Побеждай!»). В городе начался открытый бунт, совершались поджоги. Император согласился на уступки, отправив в отставку наиболее ненавистных народу министров, но успокоения это не принесло. Большую роль сыграло и то, что знать раздавала бунтующему плебсу подарки и оружие, подстрекая к мятежу.

Ничего не дали ни попытки силой подавить восстание с помощью отряда варваров, ни публичное покаяние императора с Евангелием в руках. Мятежники требовали теперь его отречения и провозгласили императором знатного сенатора Ипатия. Пожаров между тем становилось всё больше. «Город представлял груду чернеющих развалин», – писал современник. Верные правительству войска, в конце концов, подавили восстание: отряд полководца Велизария, победителя персов, проник в цирк, где шёл бурный митинг мятежников, и устроил там жестокую резню. **При этом погибло 35 тыс. человек.**

* * *

Под конец жизни император Юстиниан задумал примирить

православных с еретиками-монофизитами, для чего он решил созвать Y Вселенский собор. Замысел императора сводился к тому, чтобы сгладить конфликт путём **осуждения учения врагов монофизитов** – Феодорита Киррского, Ивы Эдесского и Фёдора Мопсуэтского (так называемые «три главы»). Сложность состояла в том, что все они умерли в мире с Церковью.

Можно ли осуждать умерших? После долгих колебаний Юстиниан решил, что можно, но с его решением не согласились Папа римский Вигилий и подавляющее большинство западных епископов (тогда еще православных). Император вывез Папу в Константинополь, **держал его чуть ли не под домашним арестом, пытаясь добиться согласия под нажимом.** После долгой борьбы и колебаний Вигилий сдался. В 553 г. V Вселенский собор в Константинополе **посмертно** (!) осудил «три главы». Папа, хотя и не участвовал в работе собора, ссылаясь на недомогание, и пытался противодействовать его решениям, всё же подписал их.

Император Юстиниан даже написал близкий по духу еретикам-монофизитам трактат о нетленности тела Христа. За сопротивление новым взглядам императора в ссылке оказались константинопольский патриарх и многие епископы.

* * *

Итак, история показывает, что Православная Церковь признает святыми царей, которые в тот или иной момент своей жизни вели себя, мягко говоря, не по-православному.

Святой равноапостольный император Константин нарушил клятву, данную им Лицинию, приказал убить своего сына Криспа, да и супруга императора погибла при невыясненных обстоятельствах.

Не в подобных ли преступлениях обвиняют и царя Иоанна Грозного? Ему ставят в вину убийство двоюродного брата Владимира Старицкого, родного сына Иоанна Иоанновича и даже утопление в монастырском пруду некоей безымянной «жены». С тем лишь отличием, что все его «преступления» абсолютно недоказаны.

Император Константин причислен к лику святых за деяния во благо Церкви, а также потому что перед смертью он принес покаяние. Но разве меньше деяний совершил во благо Церкви царь Иоанн, принесший свет Христов в царства Казанское, Астраханское, Сибирское, земли Нагаев и в Пятигорье? Эта территория никак не меньше, чем территория Византийской

империи. Разве не построил Иоанн 100 храмов и монастырей? Разве при нем не была проведена реформа церковной жизни, отраженная в Стоглаве?

Войска святого правоверного императора Юстиниана при подавлении мятежа, только за один день убили людей в девять раз больше, чем приказал казнить Иоанн Грозный за полвека своего правления. Император Юстиниан составил кодекс законов? А Иоанн Грозный – свой знаменитый Судебник!

Грозного царя обвиняют в насилии над епископатом. Но Юстиниан, как мы помним, принуждал папу Вигелия не просто покинуть престол. Он понуждал его покривить против Православного учения, подписать осуждение уже умершим (!) борцам с ересью монофизитов! Более того, сам написал «близкий к ереси» труд, и отправил в ссылку осудивших его епископов.

Вот уж чего не делал Иоанн Грозный! Он всегда и везде выступал в защиту чистоты Православия. Умер он в мире с Церковью, пострижен в иночество под именем Ионы и похоронен в иноческом одеянии. Сегодня нам говорят о том, что государь был, якобы, пострижен уже после смерти. И потому никак не может считаться иноком. Как утверждает митрополит Ювеналий в своем докладе: «…чин пострижения в схиму совершался, вероятно, уже над бездыханным трупом, что также не соответствует облику праведника».

Однако это не так! Царь Иоанн перед смертью причастился, как и положено православному христианину и принял постриг с именем Иона, как свидетельствуют о том многочисленные документы.

В «Грамоте избранной и утвержденной на царство царю Борису Феодоровичу» записано: «егда же восхотевшу Богу во онь век безконечный преставити от жития сего государя, царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Руси, тогда повеле приити к себе духовнику своему архимандриту Феодосию, хотя ему исповедати последнее исповедание, и пречистых Христовых Таин от него причаститься. **Егда же Великий государь последняго напутня сподобися, пречистаго тела и крови Господа,** тогда во свидетельство представляя духовника своего архимандрита Феодосия, слез очи свои наполнив, глаголя Борису Феодоровичу: тебе приказываю душу свою и сына своего Феодора Ивановича и дщерь свою Ирину».

Святой Патриарх Иов, составивший «Повесть о честном житии Царя и Великаго князя Федора Ивановича всея Руси» сообщает: «Благоверный Царь и Великий князь Иван Васильевич всея Руси прииде в пятьдесят третье лето возраста своего, случися

ему велия болезнь в ней же **проувидев** свое к Богу отшествие, **восприят Великий ангельский образ и наречен бысть во иноцех Иона, и по сем вскоре остави земное царьство,** ко Господу отъиде». Сказано абсолютно конкретно: вскоре после пострижения отошел ко Господу.

Архиепископ Арсений Елассонский, грек, живший в России также сообщает о том, что «царь Иоанн Васильевич, оставив царствие сыну своему Федору **еще при жизни, и постригся в монахи**».

Так зачем и кому нужны лживые выдумки и двойные стандарты?

Царь Иоанн, грозный страж земли Русской, свят у Господа. И никому этой святости у него уже не отнять.

Приложение

Цифры и факты

Если взглянуть на итоги царствования Иоанна IV, то мы увидим, что он правил 51 год (1533–1584). За это время:

• прирост территории составил почти 100 % – с 2,8 млн. кв. км до 5,4 млн. кв. км, были присоединены царства Казанское, Астраханское, Сибирское, Ногайская Орда и Пятигорье (Северный Кавказ). Русское Государство стало по площади больше всех остальных стран Европы, вместе взятых;

• прирост населения составил 30–50 %;

• к смертной казни были приговорены 4–5 тысяч человек;

• государь венчался на царство, принял царский титул, равнозначный императорскому, и стал покровителем всех православных христиан в мире;

• проведена реформа судопроизводства. Составлен Судебник;

• проведена административная реформа. Введена всеобщая выборность местной администрации по желанию населения административной единицы;

• проведена военная реформа. Созданы первые регулярные воинские части (стрельцы);

• установлены дипломатические и торговые связи с Англией, Персией и Средней Азией;

• по личному распоряжению царя построены 40 церквей и 60 монастырей;

• основано 155 новых городов и крепостей;

• создана государственная почта, основано около 300 почтовых станций.

В духовной и культурной жизни в правление Иоанна Грозного:

• положено начало регулярному созыву Земских соборов;

• прошел Стоглавый Собор. Унифицирована церковная жизнь;

• созданы Четьи Минеи святого митрополита Макария;

• положено начало книгопечатанию, созданы две типографии, была собрана книжная сокровищница царя;

• придан государственный характер летописанию, создан «Лицевой свод»;

• создана сеть общеобразовательных школ;

• при непосредственном участии царя появился новый жанр в русской литературе – публицистика.

Основные события правления государя Иоанна IV Грозного

1530, 25 августа – рождение государя Иоанна IV

1533, 3 декабря – смерть Великого князя Василия III, отца Иоанна IV

1537, 2 мая – 1 июня – мятеж князя Андрея Старицкого, (родной брат Великого князя Василия III; дядя Иоанна IV)

1538, 3 апреля – смерть Великой княгини Елены Глинской, матери Иоанна IV

1542, 2 января – переворот в Москве под руководством Шуйских

1542, 16 марта – поставление в Митрополиты свт. Макария

1543, конец декабря – арест и смерть князя Андрея Шуйского, главы боярской партии

1546, 6 мая – казнь князя Ивана Кубенского и Воронцовых

1547, 16 января – венчание на царство Иоанна IV. Помазанник Божий. Царский титул

1547, 3 февраля – венчание на Анастасии Романовне Захарьиной

1547, июнь – «Великий» пожар и бунт в Москве

1547, ноябрь – 1548, март – первый Казанский поход Иоанна IV

1547 – рождение царевны Анны Иоанновны (1547–1550; мать – царица Анастасия Романовна)

1549, февраль – Иоанн IV созвал первый Земский Собор («Примирительный»)

1549, ноябрь – 1550, март – второй Казанский поход Иоанна IV

1550, июнь – принятие нового «Судебника»

1550, июль – ограничение местничества

1551, январь – февраль – «Стоглавый» Церковный Собор. Унификация церковной жизни в Русской Православной Церкви

1552, май – начало третьего Казанского похода

1552, 1 октября – ультиматум казанцам о сдаче города, начало штурма, разрушение стен Казани

1552, 2 октября – взятие Казани

1552, 4 октября – освящение града Казани. Ныне – праздник Собор Казанских святых и обретение мощей святителя Гурия Казанского

1552, 11 октября – отъезд Государя из Казани в Москву

1552, октябрь – рождение царевича Димитрия Иоанновича,

царского первенца (мать – царица Анастасия Романовна).

1552, 8 ноября – празднование в Москве Казанского взятия. День Архангела Михаила, особо почитаемого царем Иоанном IV

1553, март – тяжелая болезнь царя Иоанна IV. Споры о престолонаследии между сторонниками царевича Димитрия и удельного князя Владимира Старицкого (двоюродного брата Иоанна Грозного)

1553, 26 июня – смерть царевича Димитрия Иоанновича (утонул при невыясненных обстоятельствах).

1553, осень – собор против ереси Матвея Башкина

1554, март – рождение царевича Иоанна Иоанновича (мать – царица Анастасия Романовна)

1554, лето – арест князя Семена Лобанова-Ростовского. Суд над ним

1555–1556 – отмена кормлений. Принято Уложение о государственной службе

1556, сентябрь – присоединение Астраханского ханства

1556 – нарушение перемирия шведским королем Густавом. Нападение шведов на Орешек

1557, 31 мая – рождение царевича Феодора Иоанновича, (мать – царица Анастасия Романовна; будущий царь в 1584–1598 гг.)

1558, январь – начало Ливонской войны

1558, 11 мая – взятие Ругодива (Нарвы) русскими войсками

1558 – переход на русскую службу князя Дмитрия Вишневецкого

1558, май – поход Вишневецкого на Крым

1558, сентябрь – Сибирское ханство начало выплачивать дань России

1559, 1 октября – в память взятия Казани освящена Митрополитом Макарием церковь Покрова Пресвятой Богородицы на рву (Собор Василия Блаженного)

1560, весна – удаление Алексея Адашева и Сильвестра

1560, 6 августа – смерть царицы Анастасии

1560 – собор для расследования смерти царицы Анастасии, осуждение Адашева и Сильвестра. Окончательное падение «Избранной Рады»

1561, август – венчание царя Иоанна IV на Марини Темрюковне, крещеной в православие дочери кабардинского князя Темрюка

1562, март – начало войны с Великим княжеством Литовским

1563, январь-февраль – полоцкий поход царя Иоанна IV. Взятие Полоцка

1563, 2 марта – рождение царевича Василия Иоанновича

(мать – царица Мария Темрюковна)

1563, 6 мая – смерть царевича Василия Иоанновича

1563, лето – опала на двоюродного брата, князя Владимира Андреевича Старицкого и его мать, княгиню Ефросинию

1563, 31 декабря – успение свт. Митрополита Макария

1564, апрель – измена и бегство в Литву Ливонского наместника князя Андрея Курбского

1564, 5 июля – первое послание (ответ) князю Курбскому от царя Иоанна IV

1564, 3 декабря – отъезд царя Иоанна IV из Москвы в Александрову слободу

1565, 5 января – создание опричнины

1565 – высылка в Казань ростовских и ярославских князей

1566, 28 июня – созыв Земского Собора для решения вопроса о продолжении войны с Литвой

1566, 25 июля – поставление игумена Соловецкого Филиппа (Колычева) на Митрополию

1567, осень – раскрыт заговор против царя Иоанна IV с целью схватить его и выдать королю Сигизмунду во время военного похода в Литву

1568, 4 ноября – низложение святителя Филиппа Освященным собором. Ссылка в Тверь

1569, 9 сентября – смерть царицы Марии Темрюковны

1569, 9 октября – смерть князя Владимира Старицкого (двоюродного брата царя Иоанна IV) и его жены

1569, 23 декабрь – смерть святителя Филиппа

1570, январь – февраль – расследование в Новгороде, аресты и казни заговорщиков

1570, февраль – поход на Псков

1570, февраль – смерть преподобного Корнилия

1570, июль – казнь заговорщиков в Москве

1571, 24 мая – сожжение Москвы крымскими татарами

1571, 28 октября – венчание царя Иоанна IV на Марфе Собакиной. Ее смерть 13 ноября. Отравлена

1572, июнь-август – составление завещания (духовной) царя Иоанна IV

1572, 30 июля – 2 августа – разгром крымских татар в битве при Молодях (в 45 верстах от Москвы)

1572, август – отмена опричнины

1575, октябрь – назначение татарского царевича Симеона Бекбулатовича Великим князем Московским

1576, май-июнь – поход царя Иоанна IV против крымских татар

1576, август – конец «княжения» Симеона Бекбулатовича

1577, июль-сентябрь – поход царя Иоанна IV в Ливонию

1579, июнь – нападение польского короля Стефана Батория на Россию

1579, 29 августа – захват поляками Полоцка

1580 декабрь – 1581 январь – созванный Земский собор просит царя закончить Ливонскую войну

1581, 20 августа – прибыл нунций Антонио Поссевин, посол Римского папы для посредничества в мирных переговорах

1581, август – начало осады поляками Пскова

1581, 19 ноября – смерть царевича Иоанна Иоанновича (отравлен)

1581–1582 – поход Ермака в Сибирь. Разгром Сибирского ханства

1582,15 января – заключено Ям-Запольское перемирие между Россией и Речью Посполитой

1582, февраль – диспут о вере между царем Иоанном IV и нунцием Антонио Поссевин

1582, февраль – снята польская осада с Пскова

1582, 19 октября – рождение святого царевича Димитрия (мать – царица Мария Нагая; зарезан в 1591 г. в Угличе)

1582 – рассылка царем Иоанном IV в монастыри синодика с именами казненных для поминовения душ усопших

1583, август – заключение Плюсского перемирия со Швецией

1584, 18 марта – смерть царя Иоанна IV (отравлен)

Библиография

ЛЕТОПИСИ

• Полное собрание русских летописей: т. III; т. IV; т. XIII, 4.1; т. XIV; т. XX, ч.2; т. XXIX;

• Псковские летописи. Вып. 1. Москва, 1941.

СОЧИНЕНИЯ ЦАРЯ ИОАННА ГРОЗНОГО

• Иван IV Грозный. Сочинения. СПб.: Азбука, 2000.

БИОГРАФИИ

• Бахрушин С.В. Иван Грозный. Л., 1944.

• Валишевский К. Иван Грозный. Воронеж: ФАКТ, 1992.

• Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.-Л., 1944.

• Кобрин В. Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989.

• Манягин В.Г. Апология Грозного царя. Изд. 3, доп. М.: Сербский Крест, 2004.

• Михайловский И.К. Иван Грозный в Русской литературе. В кн.: Михайловский Н.К. Сочинения. Т. 6. 1897.

• Платонове. Ф. Иван Грозный. Пг.: изд-во Брокгауз-Ефрон, 1923.

• Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975.

• Труайя А. Иван Грозный. М.: Эксмо, 2003.

• Царь всея Руси Иоанн IV Грозный. М., 2005.

ЗАПИСКИ О РОССИИ

• Гваньини А. Полное и правдивое описание всех областей, подчиненных монарху Московии… В кн.: Иностранцы о древней Москве. М.: Столица, 1991.

• Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея. // В кн.: Иностранцы о древней Москве. М.: Столица, 1991.

• Горсей Д. Сокращенный рассказ или мемориал путешествий. В кн.: Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986.

• Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в

Москве / Сост. И. Курукин. М.: Агиограф, 2005.

• Компани Дж. П. Московское посольство. В кн.: Иностранцы о древней Москве. М.: Столица, 1991.

• Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. В кн.: Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

• Курбский А. История о Великом князе Московском. Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914.

• Маржерет Ж. Состояние Российской империи и Великого княжества Московского. В кн.: Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986.

• Масса Исаак. Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии… В кн.: Иностранцы о древней Москве. М.: Столица, 1991.

• Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. В кн.: Иностранцы о древней Москве. М.: Столица, 1991.

• Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Штадена. В кн.: Иностранцы о древней Москве. М.: Столица, 1991.

• Царь Алексей Михайлович. Сочинения. В кн.: Московия и Европа. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

ИССЛЕДОВАНИЯ

• Helge Kjellin. Ryska Ikoner. Stockholm, 1956.

• Spatharakis I. The Portrait in Byzantine illuminated Manuscripts. Leiden, 1981.

• Стојановић Л. Стари српски родослови и летописи. Ср. Карловци. 1927.

• Majeska G.P. Russian Travellers to Constantinople in XIV–XVc. Washington, 1984.

• Агибалова Е. В., Донской Г. М. История средних веков. М.: Просвещение, 1991.

• Архимандрит Макарий (Веретенников). Митрополит Макарий и его время. М., 1996.

• Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами // ЧОИДР. 1883. Кн.1.

• Ерановитая палата Московского Кремля. Л.: Аврора, 1978.

• Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский и мемуары его из Русской истории. Киев, 1899.

• Забелин И.Е. Домашний быт русских царей. М., 1895. Ч. I.

• Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и

статистики г. Москвы. 4.1. М., 1884.

• Зайцева Л.И. Русские провидцы о Московской государственности. 4.1. XVI в. М.: Ин-т Экономики РАН, 1998.

• Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982.

• Извеков Н., протоиерей. Московский придворный Архангельский Собор. М., 1916 г.

• История государства Российского: Жизнеописания. IX–XVI вв. М.: Книжная палата, 1996.

• Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1987.

• Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., Мысль, 1993.

• Костомаров Н. И. Русские нравы. М., Чарли, 1995.

• Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к русскому централизованному государству. Л., 1955.

• Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. СПб.: Царское дело, 1995.

• Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам русским. М.:, Книга-СП Внешиберика, 1990.

• Муравьев А. Письма с Востока. СПб., 1851. Т.1.

• Описание Ростовского Богоявленского Авраамиева мужского второклассного монастыря, составленное архимандритом Иустином. Ярославль, 1862.

• Опричное братство. М: Эксмо; Алгоритм, 2005.

• Орлов А. С. Владимир Мономах, М.-Л., 1946.

• Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

• Первоклассный Псково-Печерский монастырь. Изд. 3-е, доп. Великие Луки, 1995.

• Петр Великий: Государственные деятели России глазами современников. М., 1993.

• Платонов С. Ф. Лекции по русской истории в 2 ч. 4.1. М.: Владос, 1994.

• Он же. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск: Фолиум, 1996.

• Скрынников Р.Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб.: Искусство, 2000.

• Он же. Россия накануне «смутного времени». 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1985.

• Он же. Филипп Колычев. В кн.: Скрынников Р.Г. Святители и власть. Л., 1990.

• Он же. Иван Грозный. М.: АСТ, 2005.

• Он же. Царство террора. СПб.: Наука, 1992.

• Татищев В. История Российская. Т.3. М.: АСТ, 2003.

• Титов А.А. Ростовский Богоявленский Авраамиев мужской монастырь Ярославской епархии. Сергиев Посад, 1894.

• Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Сербский Крест, 2004.

• Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII В.Т.1.М., 1913.

• Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М.: Стрижев-центр, 1991.

• Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2002.

• Шамбаров В.Е. Царь грозной Руси. М., 2009.

АГИОГРАФИЯ

• Архиепископ Сергий (Спасский). Полный месяцеслов Востока. В 3-х т. (репринтное воспроизведение издания: г. Владимир, 1901 г.). М.: Православный Паломник, 1997.

• Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882.

• Голубинский Е.Е. История канонизации Святых в Русской Церкви. М. 1903.

• Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу // РИБ. СПб., 1880. Т. VI. 4.1.

• Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея Руси. В кн.: Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т.3. М.: Мартис, 2000.

• Житие преподобного отца нашего Максима Грека. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1908.

• Житие святителя Филиппа, митрополита Московского. В кн.: Бехметева А. Н. Жития святых. М., 1897.

• Преподобный игумен Филипп. В кн.: Соловецкий патерик. М.: Синодальная библиотека, 1991.

• Свт. Филарет, митрополит Московский. Слово, сказанное по освящении храма св. мц. Царицы Александры 6 декабря 1851 г. В кн.: Прибавления к изданию творений Святых Отцев. Ч. 10. М., 1851.

• Святые земли Русской: Тысячелетие русской святости. Жития и жизнеописания. М.: Белый берег, 2002.

• Стоглав: Собор, бывший в Москве при Великом Государе Царе и Великомъ князе Иване Васильевиче (в лето 7059). Издание второе, исправленное. СПб., Воскресеніе, 2002.

• Творения св. отцов и учителей церкви. СПб., 1907.

• Толстой М.В. Книга, глаголемая описания о Российских святых. М., 1887.

• Ђурић В. Нови Исус Навин // Зограф. 14. 1983.

• Алисиевич В. Череп Ивана Грозного. Судебно-медицинское исследование останков Царя Ивана Грозного, его сыновей и князя Скопина-Шуйского. // Записки криминалистов: Правовой общественно-политический и научно-популярный альманах Московского юридического института. Вып.1. М.: Юрикон, 1993.

• Антонова В.И. «Церковь Воинствующая» («Благословенно воинство Небесного Царя») // Каталог древнерусской живописи. Статья № 521. М.: ГТГ, 1963.

• Архимандрит Макарий (Веретенников). По поводу настроений в пользу канонизации царя Иоанна Грозного // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 10.

• Бабиченко Д. Непредсказуемое прошлое // Итоги. 2002. № 37.

• Диакон Евгений Семенов. Важнейшие подробности и обстоятельства вскрытия гробницы Государя Иоанна Васильевича Грозного. Доклад на конференции «Исторические мифы и реальность». Москва, 4 октября 2002 г.

• Иеродиакон Иаков (Тисленко). Некоторые замечания на книгу В. Г. Манягина «Апология Грозного царя» // Православная Москва. 2003. № 13–14 (295–296).

• «Историческое свидетельство»: Святцы Коряжемского монастыря. // Русский Вестник. 2002. № 45–46. С. 11. Фото.

• Коробов Павел. Царская усыпальница // Независимая газета. 26.04.2000.

• Манягин В. Г. Документальные свидетельства безосновательности сложившихся представлений о личности и так называемых «преступлениях» царя Иоанна Грозного. Доклад на конференции «Исторические мифы и реальность». Москва, 4 октября 2002 г.

• Манягин В. Несколько заметок о «некоторых замечаниях» высказанных иеродиаконом Иаковом (Тисленко) о моей книге «Апология Грозного Царя» // Первый и Последний. 2003. № 9.

• Манягин В.Г. Открытое письмо проректору Московской Духовной Академии архимандриту Макарию (Веретенникову) // Русский Вестник. 2003. № 4.

• Манягин В.Г. Смутное время как результат отказа от социальной системы Рюриковичей: Доклад на Пятых Иринарховских чтениях. Борисоглебск, 9 февраля 2002 г.

• Манягин В.Г. Царь Иоанн Грозный в иконографии XVI–XVII веков: Доклад на коллоквиуме «Государственный Собор». Москва, 6 марта 2003 г.

• Маслов А. Тайная болезнь Ивана Грозного // Медицинский Вестник. 19 июля 2001.

• Мухин Ю.И. Иван IV // Дуэль. 2000. № 6 от 08.02.2000 г.

• Панова Т. Пора, пора, уж подан яд… // Знание-сила. № 12. 2000.

• Панова Т. Уж приготовлен яд, пощады не проси… // Знание-сила, № 7. 1998.

• Парфеньев Н. Наш ответ Чемберлену: Читая материалы Архиерейского Собора (осень 2004 года) // Русский Вестник. 2005. № 6. С. 8–9.

• Харламова Т. Личность важнее эпохи // Парламентская газета. 2003. № 1148.

ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИИ

• Болотин Леонид. Что есть дьякон «всея Руси» против Царственного игумена Земли Русской? // Русская линия. http:// www.msk.ru/st.php?idar = 3827

• Грабарь И. Э. История русского искусства. История живописи. T.VI. Допетровская эпоха. Глава IX. Московская школа при Грозном и его преемниках // http://www.nesusvet.narod.ru/ ico/books/ grabar/grabar_6_l_09.htm

• МасловАлександр. Тайнасмерти Ивана Грозного// Архив АиФ в Ярославле (http://faqs.yaroslavl.ru/ aifarhiv/r 1,shtml? r91.txt);

• Панова Татьяна. Семейный портрет самодержца. // http:// snps.com.Ua/gazeta/2002/21/2 l_sem.htm

• Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки, том 22. 1947 http://drevlit.ru/ docs/russia/XVI/1560-15 80/Malcev_reci_ 1569/pred. php

• Раков Э.Г. Химия, археология, история. // http:// archive, lseptember.ru/him/1999/ no23.htm

• Самойлова Т.Е. Княжеские портреты и роспись Архангельского собора Московского Кремля XVI в. // Исторический Вестник. 1999 г., http:// mf. rusk. ru/Ist_vest/3/3_5. htm

• Свияжские монастыри с приходской церковью Константина и Елены // Интернет-сайт Казанской епархии РПЦ МП, http:// kazan.eparhia.ru.

• Ячменникова Н. Яд из Кремлевской гробницы // Российская газета, http://www.rg.ru/Anons/ arc_2001/0223/7. shtm

notes

Примечания

1

Архимандрит *Макарий* (*Веретенников*). Эпоха митрополита Макария // Московский Церковный Вестник, № 3, 2003.

2

Тютчев Ф.И. Два единства.

Шафаревич И.Р. Социализм как явление мировой истории.

Манягин В.Г. История русского народа от Потопа до Рюрика.

5

Мтф.,12:25

6

Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. Гл. 4.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника.

Козлов В.П. Н.М. Карамзин – историк.

9

Царь Феодор Иоаннович – местночтимый святой Московской епархии, службы которому совершаются и поныне, в том числе и с участием Патриарха Московского и всея Руси.

10

Палава – аборигены о. Тасмания, полностью уничтоженные в XIX в. английскими колонизаторами.

11

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993, с. 115.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории в 2 чч. Ч. 1. М.: Владос, 1994, с. 200.

13

Кобрин В.Б. Иван Грозный. М.: Московский рабочий, 1989, с. 81.

14

«Белого» – политически независимого, никому не платящего дань, с одной стороны (ср. с термином «обеленная слобода» – не выплачивающая налоги и не исполняющая другие повинности), а с другой – аллюзия к Белому всаднику на белом коне, древнему религиозному образу бога-покровителя воинов и защитника справедливости арийских племен, оставившему свой след и до нашего времени в гербах Москвы, Беларуси и Литвы. В Библии всадник на белом коне появляется в Апокалипсисе и символизирует собой Христа во время Второго пришествия. Подробней о Белом всаднике см.: *Манягин В.Г.* История русского народа от потопа до Рюрика. М.: Алгоритм, 2009.

Беляев И.Д. Земские соборы на Руси. М., 1902. Издание книгопродавца А.Д. Ступина.

16

Целовальник – от процедуры принесения присяги на добросовестное исполнение обязанностей, включавшей целование креста. Впервые целовальники упоминаются в Судебнике 1497 года, и затем в уставных новгородских грамотах Василия III. Под 1508 год летописец сообщает, что для избежания кривды на суде великий князь приказал тиунам (княжеским чиновникам) судить с целовальниками, по 4 на каждый месяц. Впоследствии, начиная с XIX века, целовальниками (по той же причине) называют продавцов в винных лавках. Последнее упоминание о профессии целовальника встречается в перечне профессиональных болезней, утверждённом ВЦСПС в 1924 году.

17

Губной староста – выборная должность, введенная взамен назначаемого для сбора виры (штрафов) княжеского чиновника – вирника. Земля, губа – название территориальных единиц (Н.М. Карамзин утверждал, что «губа» соответствует не только территории (волости), но и ведомству).

В. Мякотин. Земские соборы / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

Ключевский В.О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси / http://az.lib.rU/editors/k/kljuchewskij_w_o/text_0190.shtml

20

Там же.

21

Ключевский В.О. Состав представительства на земских соборах древней Руси / В. кн.: Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

В этом смысле Земский собор очень напоминает советскую систему, когда Советы и принимали решение, и, зачастую, воплощали их в жизнь.

23

Новое время – период в истории человечества, находящийся между Средневековьем и Новейшим временем. Как правило, в советской историографии её начало связывали с английской революцией середины XVII века. Среди других событий, которые принимаются в качестве исходного рубежа Нового времени, называют Реформацию (1517), открытие в 1492 году Нового Света, падение Константинополя (1453) или начало Великой Французской революции (1789). Ещё сложнее обстоят дела с определением времени окончания данного периода. В советской историографии господствовала точка зрения, согласно которой период Новой истории закончился в 1917 году, когда в России произошла социалистическая революция. Согласно наиболее распространенной современной точке зрения, рассмотрение событий, связанных с Новым временем, следует завершать Первой мировой войной (1914–1918). Дискуссия по вопросу о периодизации Новой истории продолжается и сегодня.

В. Мякотин. Земские соборы / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

25

См.: *Пензев К.А.* Русский царь Батый. М., 2012.

26

Елизавета I (1533–1603), королева Англии и Ирландии, последняя из династии Тюдоров. Дочь короля Англии Генриха VIII и его второй жены Анны Болейн.

27

Кантар, кантаро, кинтар – мера веса, использовавшаяся в различных странах Ближнего Востока и Средиземноморья. В настоящее время практически вышла из употребления, хотя иногда применяется в Египте и Судане. В разных странах имела различное значение, от 45 до 320 килограммов. Например, в Генуе равнялась 47,65 килограмма и составляла 100 роттелей, на Мальте равнялась 79,3 кг, в Александрии 44,4 кг. В 1874 году в Турции был выведен метрический кантар, равный 100 кг.

Более подробно с описанием битвы при Молодях можно ознакомиться в работах современного писателя-историка В.Е. Шамбарова.

29

Сохранено написание архиепископа Сергия (Спасского)

30

В Святцах записано: «В той же день обретение святого телеси великомученика царя Иоанна».